

Вятский государственный гуманитарный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 3

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор Т. Н. Котельникова

Компьютерная верстка: К. А. Ашихмина

Дизайн обложки: А. Ю. Чепурных

Ответственный за выпуск А. А. Харунжев (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ванчугов В. В. М. В. Безобразова – женщина-философ, этик и историк русской философии</i>	6
<i>Коротков Н. В., Фофанов Р. Ю. Наше постчеловеческое будущее: перспективы и альтернатива</i>	15
<i>Бушкова-Шиклина Э. В. Социальная политика в организациях Кировской области</i>	23
<i>Караваев Н. Л. О смыслообразующем аспекте понятия информационного общества</i>	28
<i>Загребин В. В. Социально опасные девиации современной молодежи: теория и практика</i>	32

ИСТОРИЯ

<i>Шарабаров П. Н. Функционирование городского хозяйства Вятки в 1918–1922 гг.</i>	37
<i>Акирейкин Д. А. Реакция населения Вятской губернии на деятельность революционера-народовольца С. Н. Халтурина</i>	45
<i>Хао Лун. Традиционная форма подготовки государственных чиновников в Китае</i>	50
<i>Зырянова А. В. Политическая деятельность польской эмиграции и ее влияние на внешнеполитический курс США в 1945–1952 гг.</i>	56

ПРАВО

<i>Домрачев Д. Г. Вопросы правоприменительной практики контрольно-надзорных органов в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П</i>	65
<i>Ярославцева Д. К. Метод свободного толкования конституции в деятельности Верховного суда США</i>	68
<i>Сучкова Т. Е. К вопросу об использовании дефиниции «должностное лицо» в современном законодательстве Российской Федерации</i>	73

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Калинина Л. В. Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, рерайт, репост</i>	80
<i>Березина Ю. В. Аспекты изучения наименования эмоций в языке</i>	88
<i>Матусевич А. А. Грамматические средства выражения эмоций в сетевом общении</i>	94
<i>Рысева У. А. Лингвостилистические особенности СМС-объявлений о знакомстве в интерактивных телепрограммах</i>	98
<i>Пушкин С. А. Концепция медиавоздействия в работах Дженнингса Брайанта</i>	102
<i>Семенкин А. К. Традиции древнерусских символических жанров в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем»</i>	105

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Бажин К. С., Симонова Г. И., Ходырева Е. А. Кадровые ресурсы высшей школы: исследование современных моделей подготовки научных и научно-педагогических кадров</i>	114
<i>Калинин С. И. Фрагмент работы с определением понятия «выпуклая функция»</i>	119

<i>Быкова С. С.</i> Методологические подходы к подготовке будущих учителей в контексте становления их гуманистического мировоззрения	124
<i>Лютлова М. С., Корчагина Г. И.</i> Психологические факторы реализации профессионалом теневого функций.....	129

ПЕРСОНАЛИИ

Евгению Александровичу Шишкину – 80 лет	136
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

II межрегиональный Слет представителей педагогических опытно-экспериментальных площадок.....	140
---	-----

CONTENTS

- Vanchugov V. V. M. V. Bezobrazova* – female philosopher, ethics and historian of Russian philosophy
Korotkov N. V., Fofanov R. Y. Our post-human future: prospects and alternative
Bushkova-Shiklina E. V. The social policy in organizations of the Kirov region
Karavaev N. L. On the semantic aspect of the notion of information society
Zagrebin V. V. Socially dangerous deviation of modern youth: theory and practice
Sharabarov P. N. The municipal Management in Vyatka in 1918–1922
Akireikin D. A. Reaction of the Vyatka province's population to activity of the revolutionist Halturin, the member of the party «Narodnaya Volia»
Hao Long. The traditional form of training of state officials in China
Zyryanova A. Political activity of the Polish emigration and her influence on a foreign policy of USA in 1945–1952.
Domrachev D. G. The issues of law enforcement practice regulatory bodies in the light of the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2014, N 4-P
Yaroslavceva D. K. Loose interpretation method of the United States Constitution in the actions of the Supreme Court of the USA
Suchkova T. E. To a question on use of a definition «official» in the modern legislation of the Russian Federation
Kalinina L. V. The verbal competition in internet: advertising, rewriting, reposting
Bereziba Y. V. On the issue of naming emotions in language
Matusevich A. A. Grammatical means of emotional expression in Internet communication
Ryseva U. A. Linguistic stylistic features of sms-advertisements about acquaintance in the interactive television programs
Pushkin S. A. Media Effects Concept in the works of Jennings Bryant
Semenkin A. K. The traditions of symbolic genres of Old Russian literature in the N. A. Polevoy's novel «The Oath at the Holy Sepulchre»
K. S. Bazhin, G. I. Simonova, E. A. Khodyreva
Kalinin S. I. Fragment of work with definition of concept «convex function»
Bykova S. S. Methodological approaches to the training of future teachers in the context of developing their humanistic outlook
Lyutova M. S., Korchyagina G. I. Psychologic factors of professional's realization of his shadow functions
Sereda E. I. Integral components of youth's psychological safety in the circumstances of expected terrorist threat
Evgenij Alaxandrovich Shishkin is 80
All-Russian theoretical and practical conference “The First World War: problems of politics and diplomacy of great powers” (NOTICE)
Meeting information

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1(091)+17.0

В. В. Ванчугов

М. В. Безобразова – женщина-философ, этик и историк русской философии

Статья посвящена творческому пути одной из первых в России женщин, получившей профессиональную подготовку в области философии и внесшей вклад в разрушение мужской монополии в этой сфере. Рассмотрены основные моменты исследовательской и преподавательской деятельности М. В. Безобразовой, особое внимание уделено ее вкладу в становление такого направления исследований, как «история русской философии».

The article is devoted to the creative path of one of the first women in Russia, who has been professionally trained in the philosophy, and who made a contribution to the destruction of the male monopoly in this area. The author describes the main topics of research and teaching activities of M. V. Bezobrazova, and special attention is paid to its contribution to the establishment of such areas of research as the "history of Russian philosophy".

Ключевые слова: история философии, история идей, историография, источниковедение, творческая биография, образование, пропедевтика, феминизм, этика, психология.

Keywords: history of philosophy, history of ideas, historiography, source studies, creative biography, education, propaedeutics, feminism, ethics, psychology.

В этом году в Институте философии планируется проведение конференции, посвященной 100-летию со дня смерти одной из первых в России женщин, получивших профессиональную подготовку, чьи усилия внесли вклад в разрушение мужской монополии на ведение исследовательской и преподавательской деятельности в области философии – Марии Владимировны Безобразовой.

М. В. Безобразова родилась 29 мая 1857 г. в С.-Петербурге. Отец ее преподавал в Александровском лицее политическую экономию и финансовое право, был известным публицистом, автором научных трудов; мать – писательница, публиковалась главным образом в зарубежных изданиях под псевдонимом «Татьяна Светова»; брат – приват-доцент Московского и С.-Петербургского университетов, известный историк-византист, прозаик и публицист, выступающий по поводу различных злободневных проблем.

Для получения начального образования Безобразова была отдана в десять лет в пансион Мезе. Это был немецкий пансион с хорошей репутацией, все предметы преподавались на немецком языке. Мария была первой ученицей, пристрастилась к чтению философской литературы. «Никто мне этого не говорил, но я чутьем знала, что те вопросы, которые меня мучают, создали философию и философы те люди, которые одни могут меня утешить и успокоить» [1]. По выходе из пансиона необходимо было держать экзамен на домашнюю учительницу, но не в самом пансионе, а в гимназии. Экзамены были сданы на отлично, и Безобразова, уверовав в свои способности, решила поступать... в Цюрихский университет. Она решила основательно заняться своим образованием, приступила к самостоятельному изучению тех предметов, которые преподаются в мужской гимназии, посещая в то же время Владимировские курсы. Вскоре она убеждает отца разрешить ей поступить на педагогические курсы при С.-Петербургских женских гимназиях.

После прохождения курсов Безобразова с 1880 г. преподает новые иностранные языки в Вяземской женской гимназии, затем естествоведение, географию и историю в пятиклассной женской прогимназии в Жиздре (Калужская губерния). В октябре 1884 г. В. И. Герье получает из Жиздры небольшое письмо от Безобразовой. В нем сообщается, что, проведя это лето в Берне, она познакомилась с профессорами философского факультета и «много обязана профессору философии Геблеру, принявшему во мне участие. В настоящее время я работаю над сочинением, которое в случае удачи даст мне степень. Посылаю Вам первый свой опыт, написанный в Берне и о котором Геблер отозвался одобрительно. Тема, избранная мною для диссертации, не требует большого количества книг, но тем не менее не знаю, насколько моя работа будет успешна» [2]. В 1887 г. Безобразова едет в Лейпцигский университет изучать философию. Там появляется ее первая научная работа – «Ueber Plotin's Gluckseligkeitslehre» («Учение Плотина о счастье»). Не та ли эта работа, о которой она сообщила в письме к В. И. Герье?

В 1888 г. Безобразова возвращается в Россию, 26 января в Москве выступает с первой публичной лекцией «О значении Канта». 28 января «Русские ведомости» поместили отчет о лекции Безобразовой. «Случай редкий: г-жа Безобразова – первая русская женщина, специально занимающаяся философией и публично выступающая с лекцией по философии. Да и не только в России, но и за границей (кроме, конечно, Америки) эта лекция женщины о философских вопросах чуть ли не первая в нашем веке. Тем более славы русской женщине, которая впервые решилась на такой подвиг».

Лекция, по мнению корреспондента, прошла удачно. Слушателей (среди которых было особенно много женщин) собралось так много, что малый зал Политехнического музея не мог вместить всех желающих, пришлось перевести лекцию в большой зал, который вскоре был наполнен до отказа. В 8.30 лекция началась и продолжалась около часа. Безобразову встретили и проводили дружными аплодисментами, неоднократно возобновлявшимися.

В начале лекции она попыталась выяснить отличие философии от метафизики, затем, коснувшись предшественников Канта, передала кратко биографию кенигсбергского мыслителя и перешла к подробному изложению его «Критики чистого разума». Определяя значение работ Канта для всей философии, Безобразова заявила, что философия Канта навсегда «похоронила метафизику», хотя сам Кант еще может быть назван ее «последним апостолом». Со времени Канта философия, несмотря на попытки отклонить ее с этого пути, сделанные неумелыми преемниками Канта – германскими идеалистами, может иметь значение лишь как психология и должна навсегда отказаться от решения неразрешимых вопросов о началах и сущности бытия.

Изложение философии Канта, по мнению корреспондента «Русских ведомостей», «было точное и связное, хотя дело не обошлось без некоторых недомолвок и неясностей. Второстепенное, например учение о трансцендентальных схемах, было слишком выдвинуто вперед; а, например, учение о причинности и вообще о категориях изложено слишком сжато и отвлеченно, так что едва ли было понятно для публики. Нельзя не пожалеть также, что г-жа Безобразова изложила Канта его собственным языком. Это лишало изложение необходимой общедоступности, и выдержки из Канта невольно носили слишком отрывочный характер. Очевидно, что г-жа Безобразова основательно изучила Канта и вполне овладела его «Критикой чистого разума». Можно поэтому отнестись с полным сочувствием и одобрением не только к ее философским дарованиям, но и к попытке поделиться своими знаниями с публикой.

Тем не менее рецензент желает Безобразовой успеха на избранном поприще и выражает надежду, что она одарит общество дельными работами. О том, что лекция имела успех, говорит и такой факт, что в критико-библиографическом словаре Венгерова скупой на похвалы отечественным философам В. С. Соловьев заметил: «Две публичные лекции в Москве о значении Канта, несомненно, показывают у М. В. Безобразовой серьезное знакомство с философскими учениями и большую способность к философскому мышлению, нежели у иных из наших профессоров философии» [3].

Затем Безобразова два семестра слушает лекции в Цюрихском университете и в 1891 г. получает степень доктора философии Бернского университета за диссертацию «Handschriftlichen Materialien zur Geschichte der Philosophie in Russland» («Рукописные материалы к истории философии в России»). В ней она представила результаты своих изысканий в Чудовом монастыре, С.-Петербургской, Московской и Киевской духовных акаде-

миях, рукописных отделах Румянцевского музея и Публичной библиотеки. В упомянутой статье словаря Венгерова Соловьев отметил, что Безобразова посвятила себя изучению истории философии в России, которую начинает «очень издавелека», что видно из ее лекции «О древнейшем философском памятнике в славяно-русской письменности». Однако, продолжает Соловьев, «независимо от тех или других взглядов на прошедшие и будущие учения философии в России, исследование зародышей и ростков философского образования в нашем отечестве, появлявшихся сначала под византийскими, а потом под западно-европейскими влияниями, есть задача далеко не бесполезная» [4].

В 1894 г. в Москве выходит в свет книга Безобразовой «Краткий обзор существенных моментов истории философии». Во «Введении» говорится, что философию в обширном смысле слова надо понимать как науку о духе. В нее входят психология, этика, логика. Зерно философии – метафизика, «первая философия» по Аристотелю, выходит за пределы опыта и разбирает самые общие принципы бытия и мышления.

Эта книга не осталась незамеченной. Я. Н. Колубовский в «Философском ежегоднике» за 1894 г. писал: «В своей книге г-жа Безобразова дает не совсем то, что обещает по заглавию. Автор следит за ходом философской мысли, начиная с греческих теогоний и космогоний вплоть до Гегеля. Здесь затронуты с одинаковым вниманием и существенные, и несущественные моменты... Следует также прибавить, что, несмотря на стремление к живости изложения, язык автора оставляет желать весьма многого. Над некоторыми фрагментами читатель становится просто в тупик, чему особенно способствует отсутствие знаков препинания» [5]. Также сетует на слог Безобразовой и рецензент «Новостей» (1894, № 105).

В 1896–1897 гг. Безобразова читает в Педагогическом музее курс лекций «Введение в философию». В 1895 г. она принимает активное участие в создании первого в России «Русского женского взаимно-благотворительного общества», которое насчитывало в своих рядах около восьмисот членов. Общество имело общежитие для временно нуждающихся женщин, библиотеку (носящую имя Н. В. Стасовой), литературно-музыкальный кружок, бюро для прииска заработка, кассу взаимопомощи. В 1908 г. Общество провело в Москве 1-й Всероссийский женский съезд. Безобразова возглавила в Обществе «Кружок домашних чтений» для самообразования. Занятия в нем проводились по четырем направлениям: литература, наука, общие вопросы и «история женщин».

Вот некоторые темы, обсуждавшиеся на собраниях в течение 1895/96 г.: «Что такое самолюбие?», «Разбор статьи проф. Чижа “Об измерении умственных способностей”»; «Параллель между Башкирцевой и Ковалевской на основании дневников Башкирцевой и воспоминаний Лефлер о Ковалевской» и др. В 1896/97 г. обсуждались темы: «Всегда ли полезна критика?» и «Проповедь простоты Вагнера» (докладчица Безобразова; прения по вопросу Элизы Ожешко «Сделало ли образование современную женщину сердечнее, чем это было в предыдущее поколение?»; в 1897/98 г.: «Унижает или возвышает В. Соловьев Пушкина своим взглядом на его судьбу?» (докладчица Безобразова); прения по вопросу «Что такое злословие?»; разбор книги Лурбе «Женщина перед судом современной науки»; прения по вопросу «О влиянии женщин на прогресс», обсуждение статьи Безобразовой «Идея, принципы и будущее Русского женского взаимно-благотворительного общества» и т. д. В 1899 г. Безобразова отказалась возглавлять кружок и перешла в реферативный отдел, где ею был сделан доклад о Максиме Горьком.

В 1899 г. Безобразова основывает «Этический кружок», целью которого было сближение его участников «на нравственной почве». Члены кружка собирались решать этические вопросы «не для продвижения науки», а лишь для удовлетворения собственных духовных запросов. В 1901 г. на заседаниях кружка Безобразова выступила с сообщениями: «Новая теория эгоизма», «Задачи этики по Кавелину», «Элементарные понятия об истории этики», организовала прения по теме «Различные типы ума». В 1911 г. Безобразова создает «Этическое общество». Одновременно она принимает активное участие в издании журналов «Живое дело», «На помощь матерям» А. Н. Пешковой-Толиверовой и в «Воспитании и обучении» А. Альмедингена [6].

Уместно будет коснуться ее работы «Кант, Шопенгауэр и Гартман о женщинах», опубликованной в 1892 г. в сборнике «Философские этюды». Основываясь на прочтении работ Канта, Шопенгауэра и Эд. ф. Гартмана, Безобразова приходит к выводу, что три великих философа мыслят о женщинах «одинаково односторонне, в их взглядах обнаруживается презрение к це-

лой половине рода человеческого» и что их взгляды сформированы под влиянием «чувства» [7]. Исходная же точка зрения Безобразовой была следующая: «Женские слабости – такие же неотъемлемые человеческие свойства, как и недостатки мужчин; невозможно утверждать, что у них более или менее ума, сердца или характера», и что «только тот, кто в состоянии подняться над половыми предрассудками, достоин называться человеком в полном значении этого слова» [8].

В одном из немецких сатирических журналов «Kikeriki» Безобразова нашла изображение следующей сценки: к студенческой аудитории приближается приват-доцент... женщина. Все студенты стремительно убегают из зала, остается только один – потому что он... заснул. Входит приват-доцент – старая, безобразная женщина с огромным носом... «Не знаю, – пишет обиженная за своего коллегу Безобразова, – действительно ли таков венский приват-доцент, возможно, что ее жизнь ушла на то, чтобы пробить дорогу. Но желавший нарисовать карикатуру на ученых-женщин не сознавал, какая это глубокая карикатура... на мужчин. Для чего пришли они на лекцию? Неужели для того только, чтобы увидеть молодого и красивого приват-доцента?» [9]

Она высоко ценила, «любила» Платона и «не любила» Аристотеля и Гегеля «за схоластику». В заметке «Два камня в моей жизни» («Из одного альбома») она вспоминает, как экономист Лоренц Штейн назвал ее «золотым ножичком» в знак ее «бесполезности» и поразил ее отца – В. П. Безобразова – тем, что спорил с ней как с равной о Канте. Другой Штейн – Людвиг, философ и социолог, «вывел ее на дорогу», сказал «ободряющие слова».

«Не могу читать Паскаля, – признается она в книге «Из одного альбома». – Это ум, который мне чужд: пассивность, пусть он и изобрел геометрию, мне чуждую, его нытье или нежелание ныть, то есть его несчастье, от которого спасение – Бог, – покорность, его вера в другую жизнь – все это меня не поднимает, а еще более углубляет в ужас и дрянность существования. Вздумала я о нем писать – о двух верующих философах – Паскале и Киркегарде – и не могу» [10]. «Профессор Чиж показал мне лицо Ницше, которое я не видела раньше. Да, он был добр и между нами... много общего? Сколько афоризмов его я привожу и... не признаю» [11]. В небольшой работе («О безнравственности») она говорит о Ницше следующим образом: «Чем так подкупает Ницше? Тем, что он – апостол безнравственности. Ему нетрудно было получить славу, благодаря тому, что он провозгласил столь милые нам изнанки» [12]. Еще более безнравственной для нее личностью являлся... Л. Толстой! В нем она находит «скрытое под маской лицемерие»; искренность же, по ее мнению, – это «сама истина каждого, то, что составляет его лицо» [13].

Некоторые критики жаловались на стиль языка в статьях Безобразовой – либо короткие предложения, «рубленые фразы», либо длинные без знаков препинания предложения, отсутствие какой-либо композиции (Я. Н. Колубовский, В. Ивановский [14]). Безобразовой же казалось, что тот язык, который она для себя выработала, «по возможности кратко передает содержание моих мыслей», что язык ее «прежде всего точен и сжат». Безобразова полагала, что ее стиль – афористический. Цюрихский профессор Л. Штейн, враг афоризмов, убеждал ее, что в них, как правило, «за формой глубокомыслия скрывается недомыслие», но она осталась при своем мнении. «Владение афористической формой, может быть, труднее, чем всякой другой, – требуется большее напряжение мысли. Тут есть элемент болезни – слепой Ницше, глухой Шопенгауэр» [15]. Элемент болезни, несомненно, играл большую роль и в становлении стиля Безобразовой, но не содействовал развитию глубокомыслия.

В 1911 г. Безобразова публикует автобиографическую книгу «Розовое и черное из моей жизни». Повествование обрывается после описания детства, которое составляет «розовый» период ее жизни. О «черном» периоде повествуется – довольно фрагментарно – в ее книге «Из одного альбома», являющейся собранием афоризмов... «Я хожу с зонтиком, потому что с ним меньше чувствую свое одиночество»...

Мария Владимировна с детства страдала глухотой, и с возрастом этот недуг все более усиливался. «Что значит быть глухим! Не жить с людьми. Примириться с этим может только тот, кто с ними не живет в силу других обстоятельств, кто испытал невзгоды в этом общении» [16]. Но к этим невздам добавлялись и другие. В главе «Моя судьба» она говорит: «Самое ужасное, что может испытать человек, это быть оторванным от деятельности, когда ее страстно любишь. Какое самое страшное слово для нас, вступивших на публичную дорогу? Это слово – замалчивать. Но вы не знаете, как это делается! На это существует тысяча манев-

ров тех многих недоброжелателей, которые есть у всякого, кто незауряден <...>. Мне, по крайней мере, закрыты все русские издания, нигде я не могу не только излагать своих мыслей, но даже возражать – закрыты все двери» [17].

«Все, что она писала, – вспоминала А. Н. Пешкова-Толиверова, – видело свет только тогда, когда она наработанное издавала за свой собственный счет» [18]. Многие рукописи были утеряны в различных редакциях. Больше всего жалела Мария Владимировна о «Введении в историю философии в России», являющемся подробным изложением докторской диссертации. Из написанного в 1897 г. «К истории просвещения в России» – сочинение было представлено в Академию наук на премию митр. Макария и получило почетный отзыв – свет увидели только несколько глав, благодаря возможности опубликовать их в таких журналах, как «Богословский вестник», «Журнал министерства народного просвещения», «Известия Академии наук».

Не приносили удовлетворения Безобразовой и ее многочисленные публичные лекции в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Полтаве, Тамбове, Нижнем Новгороде, Смоленске, Вязьме, Ярославле, Твери и других городах (всего около 80 лекций). Ей хотелось читать лекции в высших учебных заведениях, выступать перед подготовленной аудиторией. После наведения справок выяснилось, что для получения такой возможности требуется русская ученая степень... В 1903 г. Безобразова обращается к попечителю учебного округа с просьбой о разрешении допустить ее к экзамену на степень магистра философии. Такое разрешение ею было получено, и она начинает усиленно готовиться к экзамену, но расстроенное здоровье довело соискательницу до такого состояния, что когда она явилась на экзамен, то «язык прилип к гортани». После этого ей было назначено второе испытание, которое завершилось для нее также неудачно, поскольку надо было отвечать на «узкоспециальную» тему по логике, чего она не смогла сделать, так как готовилась преимущественно к истории философии.

В конце декабря 1910 г. философской общественностью праздновалось 30-летие научно-литературной и общественной деятельности Безобразовой. Чествование началось с поднесения адреса от «Русского женского взаимно-благотворительного общества», «Этического кружка». В приветствии от Московского женского клуба, в частности, были и такие строки: «Вы доказали, что женщине одинаково доступны и область отвлеченной науки, и практическая деятельность» [19]. В телеграмме от Совета Философского общества при С.-Петербургском университете, подписанной его председателем А. ром. Ив. Введенским и товарищем председателя Э. Л. Радловым, говорилось: «В день Вашего юбилея с благодарностью вспоминаем о Вашей инициативе в деле учреждения Общества и о том интересе, который постоянно с юных лет Вы проявляли к философским занятиям. В Вашем лице Совет радостно приветствует первую русскую женщину, избравшую служение философии целью своей жизни» [20]. Прислали свои поздравления профессора Людвиг Штейн из Берлина и Рудольф Эйкен из Иены.

Умерла М. В. Безобразова 2 сентября 1914 г. в возрасте 56 лет неподалеку от Москвы на даче своих знакомых. Похоронена была на кладбище Новодевичьего монастыря. В 1912 г., в книге «Из одного альбома», она высказала пожелание: «Сделайте, пожалуйста, надпись на моей могиле: “Здесь лежит беспокойный человек”» [21].

За месяц до ее смерти в газете «Новое время» появилась статья В. В. Розанова «К истории «неудавшихся портретов»...». М. В. Безобразова лично встречалась с Розановым только один раз, но в архиве писателя хранится несколько ее писем к нему, датированных 1910–1912 гг., которые с большим трудом поддаются прочтению из-за ужасного почерка. В одном из писем от 25 мая (без указания года) она сообщает Розанову: «Хочу переселиться в Москву, прочесть лекцию, авось найду опять читателей. Петербург меня никогда не хотел знать...» [22] «Удивительно, – пишет Розанов, – как одни биографии, литературные “портреты” – удаются, а другие почему-то “не выходят”... Почему “не выходят”? Почему “не удаются”? Бог весть. Судьба, Рок, предназначение. Рациональных причин бывает иногда мало для этого; или, по крайней мере, они далеко не все объясняют в разнице между “свечкой зажегшейся” и свечкой “не зажегшейся”, часто при одном и том же составе в них горючего материала и светильни. “Одну свечку зажег Бог”, – и она горела, и люди видели это горение и запомнили его; а другую свечку “не зажег Бог”, и она просто стояла. Стояла. Потом сломалась. Потом куда-то ее вынесли. Никто не знает и не помнит» [23].

Эти образы невольно приходят на ум Розанову при сравнении двух, по его мнению «очень сходных личностей в нашей науке, литературе и общественности»: Софьи Ковалев-

ской и Марии Безобразовой. Состав «горючего материала» – талант, призвание – у них одинаков. Все знают Ковалевскую, которая была ученым-математиком, читала лекции в Стокгольмском университете, никаких особенных открытий в математике не сделала, и в своих воспоминаниях жаловалась, что, несмотря на всемирную известность, признание со стороны академических кругов и любовь близких, чувствует себя не совсем удовлетворенной, что она предпочла бы более незаметное и буржуазное, но более нормальное существование «обыкновенной женщины», с хозяйством, с детьми и мужем... «Вполне симпатично, – заключает Розанов, – но ничего сверхъестественного». Более того, высшая математика, которой отдалась С. Ковалевская, по самому своему существу не допускает популяризации, и подавляющее большинство прославляющих ее совсем не знают того, что нового внесла в математику эта женщина. «Сверх этого, – пишет она далее, – никто не может отрицать, что сочетание “женщины” и “математики”, то есть дара комбинировать величины, – вообще представляет что-то странное и не очень гармоническое. “Удивительно”, но нельзя сказать, чтобы “привлекательно”. Зато уже со времен древней Греции встречаются примеры того, что даровитые девушки отдавались поприщу философии. Как ученицы – нередко, а изредка – и как наставницы <...>. Но и помимо этого, и раньше и позднее женщины влеклись к философии, младшей сестре и помощнице религии. Религия, поэзия и философия не чужды женственной натуре; и как есть своеобразная прелесть в женских стихах, как есть оттенок в “святых подвигах” женщин, – так можно верить, женщины положат свою тень когда-нибудь и на философское воззрение» [24].

Приведя афоризм Безобразовой со страниц ее книги «Из одного альбома» – «Сколько пережевывателей Конта и Канта, – и которых больше, не знаешь», Розанов предлагает читателю свое понимание причин несчастной безвестности Безобразовой. Наша университетская философия «все пережевывает Эм. Канта, журнальная наша философия все пережевывает Ог. Конта, являя в обеих ветвях своих что-то ленивое, тусклое и безнадежное. То и другое по безжизненности <...> по отсутствию всякой связи с родной почвой <...> напоминает самые мрачные времена схоластики <...>. Безобразова была слишком серьезна, проста и даровита, чтобы иметь успех в обществе, которое и в философии бежит за “идолом театра” <...>. Она не хотела “еще раз пережевывать Конта и Канта” – и естественно ее не звали к себе и даже ее не пускали в свои журналы “пережевывающие”... Она не имела общего лоска, общего оттенка, – она была “не как все”, и с ней случилась в 101-й раз русская история “горе от ума”» [25].

Завершая обзор взаимоотношений Розанова и Безобразовой, добавлю, что автобиография Безобразовой «Розовое и черное из моей жизни» попала в поле зрения Розанова, которую он целиком поместил в своей книге «Люди лунного света» как образец половой аномалии, проявляющейся в том, что в женском организме преобладают «мужское начало», «мужской ум»: «У нее половое притяжение остановилось на нуле: высокий талант к науке, наукам, к философии, и абсолютная безразличность к кавалерам, самцам» [26].

Мы же отметим новаторское для того времени увлечение Безобразовой «историей русской философии».

«Мне как-то претят схемы, и не тянет излагать свои мысли в искусственном и законченном виде, – признавалась Безобразова в статье «К системе этического идеализма». – Может быть, это отчасти обломовщина, отчасти сознание, что никому такого изложения не нужно в России. Если бы даже удалось издать такую систему, она зачахнет среди всеобщего равнодушия. Русской философии ведь нет, и одно это утверждение характеризует желание, чтобы ее не было. Так объявил В. С. Соловьев, и за ним повторяют те, кто производит философов в нефилософов и переводит то ненужное иностранное, которое неминуемо становится на место самобытного».

У Безобразовой не было системы, у нее были только две ведущие темы творчества: этические проблемы и история русской, преимущественно древнерусской философии. «Нравственность есть та путеводная звезда, которая чарует М. В., как и вообще русских философов, ценителей деятельного добра», – писала Н. А. Макшеева [27]. Ее первой работой было «Учение Плотина о счастье» (1877). «Философские этюды» (1892) состоят из статей «Об этике Плотина», «Из социальной этики Гефдинга», «Нравственность и этика», а одна из последних работ – «О безнравственности» (1911). Изучая историю философии в Древней Руси по рукописным материалам, она пришла к выводу, что особенностью русской философии является этическая направленность. У М. В. есть, правда, статья под названием «К системе этического идеализма», в которой она говорит, что профессор Иенского университета Рудольф Эйкен объявил ее когда-то представителем

ницей «этического идеализма», но в самой статье, несколько сумбурной, нет ни системы, ни разъяснения того, что же представляет собою «этический идеализм» вообще и ее в частности.

К моменту защиты М. В. Безобразовой докторской диссертации «Рукописные материалы к истории философии в России» многие русские мыслители неоднократно высказывались в своих общепублицистических работах или публицистических статьях относительно своеобразия русской философии, но историю философии в России предложил арх. Гавриил, в 1840 г. издавший «Русскую философию» [28], а в 1890 г. появился очерк «Философия у русских» Я. Н. Колубовского, причем только первый историк считает необходимым принимать во внимание умозрительные опыты древнерусских мыслителей. Безобразова же заново предпринимает попытку самостоятельного изучения древнерусских рукописей как основного материала для изучения философской мысли России.

В 1890 г. переводчик «Истории новой философии в сжатом очерке» Ибервега-Гейнце Я. Н. Колубовский приложил «Очерк философии у славян», а именно – философия у чехов, поляков и русских. О философии у чехов писал Г. Забе, о философии у поляков – М. Массониус, о философии у русских – Колубовский. «Что бы ни говорили скептики относительно русской философии, – писал Колубовский во вступительной статье переводчика, – философия в России имеет уже свою поучительную историю» (С. V). На этом основании он позволил себе «уделить очерку философии в России больше места, чем столько требовалось бы гармонией с остальными частями книги, а также историческими перспективами» (С. V). И начать ему пришлось с книжников.

На перевод «Истории новой философии в сжатом очерке» в журнале «Вопросы философии и психологии» появилась рецензия, автор которой утаился под буквой «Б». Рецензия эта принадлежала М. В. Безобразовой. Она полагает, что перевод книги Ибервега-Гейнце вкупе с очерком «истории русской философии» (у Колубовского – «философия у русских») является таким событием в истории нашей философской литературы, от которого «можно будет со временем вести начало новой эпохи в истории философского образования в нашем отечестве» [29]. При этом она отметила и ряд упущений со стороны автора, взявшегося за освещение периода древнерусской философии. Неясным ей кажется, например, как мог Аристотель подавлять умы и в современной литературе встречаться множество цитат из Стагирита, если книжники всё знали лишь «понаслышке»; как «счастливая пора», чье начало и продолжительность окутаны мраком, пришла к своему концу и передовые умы (не те ли самые, которые знали Аристотеля понаслышке?) впали в робость мысли и затем и так далее. Можно также упрекнуть Колубовского в том, считает Безобразова, что по новизне дела он не совсем справился с двумя существенными задачами подобного труда: во-первых, логическая группировка учений должна совмещаться как можно полнее с генетической, хронологической; во-вторых, в изложении отдельных учений должна быть строго соблюдена перспектива важности и оригинальности воззрений автора, выражающаяся – в труде, подобном Ибервеговскому, – и в количестве строк или страниц, уделяемых на изложение учений различных писателей. Однако оба эти требования отчасти были нарушены автором «Очерк философии у славян».

Безобразова заново предпринимает попытку самостоятельного изучения древнерусских рукописей как основного материала для изучения философской мысли России. Она отмечает, что историки философской мысли многим обязаны славистам Калайдовичу, Востокову, Горскому, Ягичу, а также исследователям в области древнерусской литературы – Порфирьеву, Тихонравову, Бессонову, Пыпину и в особенности Сухомлинову, так как работы этих ученых существенно облегчили ей знакомство с памятниками славянско-русской мысли. Даже беглый взгляд на источники, на уже разобранные в процессе кропотливой работы рукописи показывает ей ценность сделанного, ибо только они создавали те условия, при которых может быть написана история философии в России. Но на данный момент ей необходимо справиться с тремя трудностями: материал, во-первых, еще не собран; во-вторых, каждый вопрос о происхождении или времени составления рукописи разрастается в целое исследование в этой области; в-третьих, решение этих вопросов затруднено тем обстоятельством, что приходится иметь дело с обычаем духовных писателей, которые, преисполненные стремлениями к достижению небесного идеала, как правило, презирали мирское. Они утаивали свои имена с таким тщанием, что нам, по всей вероятности, в некоторых случаях никогда не удастся их выявить. Периоды, на которые распадается история философии в России, с учетом содержания выяв-

ленных источников, с X в. по первую половину XVI в., или от Иоанна Экзарха до Максима Грека; со второй половины XVI в. до конца XVIII в., или от Максима Грека до Григория Сковороды; и с конца XVIII в. по конец XIX в.

Нам остается сожалеть, что подробное изложение докторской диссертации на русском языке было утеряно, поскольку сама диссертация, объемом чуть больше одного печатного листа [30], представляет лишь краткое изложение программы исследования. В «Философских этюдах» (1892) она призывает коллег обратить внимание на наши философские рукописные памятники, «о разбросанности которых мы даже не думаем» и что «приведение в известность рукописного материала могло бы уже само по себе послужить ценным вкладом в историю нашего просвещения, далеко не столь безотрадную, как это показывают некоторые исследования, опирающиеся на рукописный материал» [31]. М. В. Безобразова призывает историков освободиться от предвзятых мнений, подобных бэконовским идолам: «От души желаем мы освободиться от пятого идола – специально-русского, то есть от пренебрежения ко всему своему» [32].

Примечания

1. *Безобразова М. В.* Розовое и черное из моей жизни // Русская старина. 1910. Март. С. 28.
2. ОР ГПБ. Герье. Карт. 37. Ед. хр. 33. В архиве В. И. Герье находится также пригласительный билет на лекцию М. В. Безобразовой в аудитории Исторического музея 15 марта 1892 г.: «...Я Вам буду очень благодарна, если Вы мне сделаете удовольствие быть на моей лекции на тему “Взгляды на историю философии”» (11.03.1892 г.).
3. *Венгеров А. С.* Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. Т. 2. СПб., 1891. С. 304.
4. Там же.
5. *Колубовский Я.* Философский ежегодник: Обзор книг, статей и заметок, преимущественно на русском языке, имеющих отношение к философским знаниям. М., 1896. С. 7.
6. Писатель-гуманист (этюд) // Женское дело. СПб., 1899. № 4. С. 83–91; К реформе женских институтов // Воспитание и обучение. СПб., 1907. № 9. С. 290–293; Новая игра в материнских школах // Там же. № 3. С. 82–83; Новый метод обучения чтению // Там же. № 6. С. 184–185; К вопросу о детском чтении // Там же. № 12. С. 387–388; и др.
7. *Безобразова М. В.* Философские этюды. М., 1892. С. 22.
8. Там же. С. 23–24.
9. *Безобразова М. В.* Из одного альбома. СПб., 1912. С. 38.
10. Там же. С. 40.
11. Там же. С. 86–87.
12. Там же. С. 16.
13. Там же.
14. *Отклик В.* Ивановского на «Философские этюды»: «Вопросы философии и психологии». М., 1892. Кн. 14. С. 88–90.
15. *Безобразова М. В.* Из одного альбома... С. 21.
16. Там же. С. 19–20.
17. Там же. С. 179.
18. *Пешкова-Толиверова А. Н.* Памяти М. В. Безобразовой (Не замеченная смерть заметного человека // Русская старина. 1915. Март. С. 634.
19. Там же. С. 639.
20. Там же. М. В. Безобразова числилась в списках действительных членов Общества (См. «Список членов Философского Общества». СПб., 1900)... Пешкова-Толиверова (наст. фам. Пешкова; урожд. Сусоколова, в первом браке Тюфяева, во втором – Якоби) Александра Николаевна (1842–1918), писательница.
21. *Безобразова М. В.* Из одного альбома... С. 58.
22. Здесь же находится письмо О. Катарцевой к Безобразовой на клочке бумаги от 11 ноября без указания года: «<...> напишите, что Вы вообще думаете о Розанове, как о мыслителе, о писателе, о его направлении, к которому я не чувствую сочувствия. А то я знаю его только по критике и понаслышке. Затем <...>, попросите его Вам написать для любознательного человека есть ли разница в православном таинстве причастия-евхаристии и католическом? Мне говорил один английский ученый, что в православии догмат «пресуществление» был окончательно установлен лишь в 712 г. на Константинопольском соборе <...>»
23. *Розанов В. В.* К истории неудавшихся портретов // Новое время. СПб., 1914. 8 авг.
24. Там же. С. 5.
25. Там же.
26. *Розанов В. В.* Уединенное. М., 1990. Т. 2. С. 154.

27. *Макшеева Н. А. М. В. Безобразова. Очерк ее философской деятельности. Пг., 1915. С. 2.*
28. Гавриил, арх. Русская философия / Предисловие, подготовка текста, примечания В. В. Ванчугов. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2005.
29. Вопросы философии и психологии. М., 1890. Кн. 1(5). С. 97.
30. См.: *Ванчугов В. В. Женщины в философии // Из истории философии в России XIX – нач. XX в. М., 1996. С. 259–291.*
31. *Безобразова М. В. Из одного альбома... С. 118.*
32. Там же.

Notes

1. *Bezobrazova M. V. Rozovoe i chernoe iz moey zhizni. [Pink and black from my life] // Russkaya starina – the Russian old times. 1910. Mart. Page 28.*
2. Department of manuscripts of the State Public library. Guerrier. Pict. 37. St. unit 33. In V. I. Guerrier's archive there is also invitation card on M. V. Bezobrazova's lecture in audience of the Historical museum on March 15, 1892: "...I will be very grateful to you if you make my pleasure to be at my lecture on the subject "Views on the history of philosophy"" (11.03.1892).
3. *Vengerov A. S. Kritiko-bibliograficheskiy slovar russkih pisateley i uchenyih (Critic and bibliographic dictionary of the Russian writers and scientists). Vol. 2. Saint-Petersburg. 1891. P. 304.*
4. In the same place.
5. *Kolubovskiy Y. Filosofskiy ezhegodnik: Obzor knig, statey i zametok, preimuschestvenno na russkom yazyike, imeyushchih otnosheniye k filosofskim znaniyam (Philosophical year-book: The review of books, articles and notes, mainly in Russian, concerning to philosophical knowledge). Moscow, 1896. P. 7.*
6. *Pisatel'-gumanist [Writer-humanist] (etude) // Zhenskoye delo – Womens stuff. Saint Peersburg. 1899, No. 4. Pp. 83–91; K reforme zhenskuh institutov [To the reform of female institutes] // Vospitaniye i obucheniye - Education and teaching. Saint Peersburg. 1907, No. 9. Pp. 290–293; Novaya igra v materiskiyh shkolah [New game at parent schools] // In the same place. No. 3, pp. 82–83; Novyj metod obucheniya chteniyu [New method of training in reading] // In the same place. No. 6, pp. 184–185; K voprosu o detskom chtenii [To a question of children's reading] // In the same place. No. 12. Pp. 387–388; etc.*
7. *Bezobrazova M. V. Filosofkiye etjudy [Philosophical etudes]. Moscow, 1892. P. 22.*
8. In the same place. Pp. 23–24.
9. *Bezobrazova M. V. Iz odnogo alboma [From one album]. Saint Peersburg. 1912. P. 38.*
10. In the same place. P. 40.
11. In the same place. Pp. 86–87.
12. In the same place. P. 16.
13. In the same place.
14. *V. Ivanovskiy's response to "Philosophical etudes": "Voprosy filosofii i psikhologii" ["Philosophy and psychology questions"]. Moscow, 1892. Book 14. Pp. 88–90.*
15. *Bezobrazova M. V. Iz odnogo alboma [From one album]. Pp. 21.*
16. In the same place. Pp. 19–20.
17. In the same place. Pp. 179.
18. *Peshkova-Toliverova A. N. Pamyati M. V. Bezobrazovoj (Nezamechennaya smert' znamenitogo cheloveka) [M. V. Bezobrazova's memories (Unnoticed death of the noticeable person)] // Russkaya starina - the Russian old times. 1915. Mart. P. 634.*
19. In the same place. P. 639.
20. In the same place. M. V. Bezobrazova was listed as a full member of the Society (See "Spisok chlenov filisofskogo obshestva" ["List of members of Philosophical Society"]. Saint-Petersburg. 1900). Peshkova-Toliverova (real surname is Peshkova; born as Susokolova, Tyufyaeva was in first marriage, in the second – Jacobi) Aleksandra Nikolaevna (1842–1918), the writer.
21. *Bezobrazova M. V. From one album. P. 58.*
22. There is O. Katartseva's letter to Bezobrazova on piece of paper of November 11 without indication of year: "<...>; write that you in general think of Rozanov, as of the thinker, of the writer, of his direction to which I don't feel sympathy. And that I know it only on criticism and by hearsay. Then <...>; whether ask it to write to you for the inquisitive person there is a difference in orthodox sacrament of a particle of an Eucharist and Catholic? I was said by one English scientist that in Orthodoxy the doctrine "presushchestvleniye" was finalized only in 712 on the Constantinople cathedral <...>;"
23. *V. V. Rosanov K istorii neudavsheihssya portrais [To history of unfortunate portraits] // Novoye vremya - Modern times. Saint-Petersburg. 1914, 8 Aug.*
24. In the same place. P. 5.
25. In the same place.
26. *Rosanov V. V. Uyedinennoye [Secluded] Moscow, 1990. Vol. 2. P. 154.*

27. *Maksheeva N. A. M. V. Bezobrazova. Ocherk ee filosofskoy deyatel'nosti. [M. V. Bezobrazova. Sketch of her philosophical activity]. 1915. P. 2.*
28. Gavriil, arkh. Russkaya filisofiya / Predisloviye, podgotovka teksta [Gabriel, ant. Russian philosophy / Preface, preparation of the text], notes of V. V. Vanchugov. Moscow: published in Peoples' Friendship University of Russia, 2005.
29. Voprosy filosofii anf psichologii [Philosophy and psychology questions]. Moscow, 1890. Book 1(5). P. 97.
30. See: *Vanchugov V. V. Zhenshiny v filosofii [Women in philosophy]//From philosophy history in Rus XIX – the head of the XX century of Moscow, 1996, pp. 259-291.*
31. *Bezobrazova M. V. Iz odnogo alboma [From one album]. P. 118.*
32. In the same place.

УДК 304.9

Н. В. Коротков, Р. Ю. Фофанов

Наше постчеловеческое будущее: перспективы и альтернатива

В статье проводится критический анализ основных трактовок понятия «постчеловек». Особое внимание уделяется перспективе киборгизации человека и оценке рисков, связанных с этим процессом. В качестве возможной альтернативы замене биосферного человека техносферным (киборгом) осмысливается идея коэволюционного (низкоэнтропийного) общества.

In article the critical analysis of the main treatments of the concept "post-person" is carried out. The special attention is paid to prospect of a kiborgization of the person and an assessment of the risks connected with this process. As possible alternative to replacement of the biospheric person technospheric (cyborg) the idea of coevolutionary (low-entropy) society is comprehended.

Ключевые слова: постчеловек, киборгизация, расчеловечивание, постиндустриализм, коэволюция.

Keywords: post-person, kiborgization, dehumanization, post-industrialism, coevolution.

В числе современных образов человека будущего привилегированное место занимает «постчеловек» – понятие, знаковое и для современной массовой культуры, и для философской мысли начала XXI в. [1] Наш анализ проблемы постчеловека опирается, наряду с научными и философскими работами, также и на некоторые резонансные фантастические произведения. Оправдан такой подход, с одной стороны, тем, что инструментарий прогнозистики как науки был в значительной степени выработан внутри художественной фантастики – равно как и многие конкретные сценарии развития антропосферы, которые уже позже были переведены на язык конкретных гуманитарных наук. С другой стороны, фантастика является сейчас наиболее капиталоемкой и востребованной обществом «отраслью» киноиндустрии (достаточно посмотреть список самых кассовых фильмов двух последних десятилетий), которая всё больше интегрируется с книгоиздательской индустрией и индустрией компьютерных игр (здесь и экранизация бестселлеров/игровых хитов, и новеллизация/создание игр по фантастическим блокбастерам). Это позволяет говорить о фантастике одновременно и как о форме выражения обобщенного образа желаемого будущего, доминирующего в коллективном сознании и в коллективном бессознательном, и как о важном способе конструирования, моделирования этого образа.

По мысли авторитетного современного специалиста в области философской антропологии, исихаста С. С. Хоружего, термин «постчеловек» допускает тройное понимание: в качестве киборга, мутанта и, с определенными оговорками, клона [2]. На наш взгляд, клон – маловероятный кандидат на главную роль в намечающейся глобальной драме «о постчеловеке»: перспективнее эту технологию использовать для выращивания отдельных органов на случай несчастных случаев (а не наследственных заболеваний, которым клонированные органы тоже будут подвержены). Да и то, скорее, выращиваться таким образом будет мясо жи-

вотного происхождения, и не столько для трансплантации, сколько для питания. Что же касается мутантов, то, строго говоря, мы и так все мутанты: «Каждый новый эмбрион имеет около сотни мутаций, которых не было у его родителей. ...Некоторые из нас, по воле случая, рождаются с необычно большим числом умеренно вредных мутаций, тогда как у других их довольно мало. И хотя одни из нас, опять-таки по воле случая, рождаются с единственной мутацией полностью разрушительного действия, большинство людей с ней не знакомы. ...Мы все мутанты, но некоторые из нас в большей степени, чем другие» [3]. Если же здесь, вслед за С. С. Хоружим, иметь в виду, прежде всего, процесс воздействия на генотип посредством высокотехнологичных компьютеризированных устройств, то такой мутагенез оказывается частным аспектом сложного и многостороннего процесса киборгизации. Сама перспектива целенаправленного генетического «дизайна» открылась благодаря прогрессу в компьютерной области, без чего геном человека не был бы расшифрован. Кроме того, многие из гипотетических отличительных свойств таких мутантов могут возникнуть у человека и в процессе киборгизации. Так, С. С. Хоружий пишет, что на пути генной инженерии зародышевых путей человека могут быть получены «химеры» (существа без явного родства в кругу естественных организмов, «ни на кого не похожие»), существа с фантастической гипертрофией какого-либо конкретного признака или свойства и т. п. «Сравнительно с Киборгами, гибридами всего двух “родителей”, Человека и Машины, здесь возникает гораздо большее смешение, большая дезориентация» – отмечает исследователь [4]. Между тем одним из ожидаемых следствий процесса киборгизации является как раз преодоление человеком фиксированной формы тела в результате его насыщения «нанороботами» (замещения нанороботами биологических клеток организма). По оценкам Рэя Курцвейла, произойдет это приблизительно к 2040 году, то есть уже на памяти нынешнего поколения [5].

В свете сказанного, под «постчеловеком» следует понимать прежде всего и главным образом киборга. Причем если «киборга» в самом общем смысле определить как систему «человек – машина», в которой обе составляющие предельно взаимозависимы, неразрывны, то надо признать, что большинство современных городских жителей (для которых потеря сотового телефона сопряжена с бытовым дискомфортом, аналогичным физической неполноценности) уже подходят под это понятие, разве что вторая (машинная) компонента данной системы еще не интегрирована непосредственно в тело. Подчеркнем: если полноценная жизнедеятельность организма невозможна без машинной составляющей, будь это даже съемный экзоскелет или шагающий танк-«мех» (технологии пока еще фантастические, но уже имеющие действующие прототипы), то речь идет о киборге. Таким образом, например, «железный человек» из одноименного (кино)комикса киборгом не является, тогда как, например, Дарт Вейдер или уэллсовские марсиане, почти беспомощные без своих «треножников», летательных аппаратов и, вероятно, других модификаций «мехов», не успевших вернуться на Земле в силу скоропостижного сворачивания марсианского вторжения, – это настоящие, «полноценные» киборги.

Рассмотрим подробнее процесс киборгизации современного человечества, предвосхищенный еще Маринетти в его манифесте. Физические нагрузки на человека за последние двести лет упали в среднем более чем в 10 раз [6], что приводит к постепенной атрофии органов и целых систем организма с перспективой постепенной замены их искусственными аналогами: так, у среднестатистического представителя современной индустриальной цивилизации фактически уже протезирована иммунная система (характерно, что по уровню производительности труда фармацевтическая промышленность лидирует в мировой индустрии [7]). Настоящая революция разворачивается в области биопротезирования: в частности, уже появились протезы конечностей, управляемые силой мысли – как у Люка и Энакина Скайвокеров из «Звездных войн» [8]. В условиях секуляризации культуры страх смерти уступил страху боли: к смерти отношение толерантное – лишь бы скоропостижно и безболезненно. Каламбур: по мере роста терпимости в западном обществе почти исчезла способность терпеть боль. И вновь подмигивает призрак киборгизации: живой орган при повреждении болит, а искусственный имплант – нет. (В этом смысле одной из «буревестниц» постчеловеческой эры является Анжелина Джоли, создавшая знаменитый прецедент: лучшая профилактика рака груди – ее отсутствие, замена имплантами). Отсюда – перспектива перерождения медицины в техосмотр: протезированные органы будут не лечить, а чинить (пророческое «они тебя починят» из «Робокопа»). На наш взгляд, сила притягательности образа Дарта

Вейдера основана на подсознательном узнавании зрителем в этом персонаже «Звездных войн», как ни в каком другом, самого себя: можно даже сказать, что Дарт Вейдер олицетворяет человечество, как таковое. С одной стороны – это инвалид, головешка, с другой – самый мощный и опасный персонаж эпопеи, обрубок человека, которого высокотехнологический костюм-протез сделал даже на полметра выше, чем он был. Но ведь и каждый человек является таким выморочным животным с атрофированными инстинктами и, вместе с тем, самым чудовищным зверем из всех – за счет непрерывного наращивания своей «протезной цивилизации» (техносферы).

Кроме прочего, к началу XXI в. техносфера достигла такого уровня сложности и быстродействия, который требует реакций, лежащих за пределами человеческой физиологии. Изменилось само качество техногенных катастроф: если раньше они были обусловлены несовершенством техники, то теперь определяющим становится человеческий фактор. Для новой, то есть условно исправной на 100%, техники среднее время между двумя поломками в 4 раза превышает среднее время между двумя ошибками человека. Иначе говоря, техника оказывается «виноватой» в 4 раза реже человека [9]. Позволить человеку не сойти с дистанции в этой гонке, с точки зрения современных трансгуманистов и техногуру типа Рэя Курцвейла, может процедура усиления его сенсорных и когнитивных способностей путем интегрирования в мозг машинных элементов.

Здесь уместен вопрос о совместимости модернистской идеи киборга с традицией трансформативно-антропологической мысли, в частности с древней христианской идеей обожения. Обожение в святоотеческой традиции понимается как богочеловеческое деяние, то есть, с одной стороны, сильное человеку лишь при содействии Бога, с другой – предполагающее личное усилие человека по преодолению в себе «человеческого слишком человеческого». Киборгизация же, как правило, мыслится и ее противниками, и апологетами как нечто, обусловленное самим ходом развития техносферы. Тем не менее, по замечанию С. С. Хоружего, парк новых технологий может оказаться ресурсом обновления человека, условием его перехода в новый план бытия, если будет соблюдено «должное соподчинение сфер, при котором сфера технологий... не узурпирует прерогатив целеполагания, антропологически ей не принадлежащих» [10]. Хорошей иллюстрацией здесь может послужить несправедливо, на наш взгляд, недооцененный критиками, но ставший культовым среди поклонников научной фантастики, фильм «Робокоп – 2». После однократного удачного эксперимента с главным героем всей трилогии, полицейским Алексом Мэрфи, все остальные полицейские, которые подверглись процедуре киборгизации, оказались не готовы принять себя в новом, постчеловеческом, качестве и либо сходили с ума, либо покончили с собой. Объяснялось это, прежде всего, их «наивным материализмом», то есть той высокой ролью, которую в самоидентификации представителей «героических профессий» играет гендерная идентичность, осознание себя «мачо». Мэрфи же смог сжиться со столь радикальной трансформацией благодаря личной религиозности и высоким моральным качествам (что отмечает доктор Джульетт Факс в разговоре с главой ОСП), то есть благодаря субъективным факторам, которые невозможно просчитать. Таким образом, он не только не обезличился (несмотря на объявление его «собственностью» корпорации ОСП), но совершил подлинное духовное восхождение, «в нечеловеческой ситуации поступая как человек» (С. Лем). Переживший глубочайшую экзистенциальную драму – даже, более того, находящийся в *непрерывной* «пограничной ситуации» (что и в кошмарном сне не могли себе представить Ж.-П. Сартр и любой другой теоретик «аутентичности»), не «просто» в конфликте между душой и телом (о котором и то многие знают лишь понаслышке – отсюда, например, гностическая концепция «телесных людей», то есть в буквальном смысле бездушных), но, существуя на перекрестье аж четырех миров – биологического, психического (от древнегреческого «психэ», то есть «душа»), машинного и виртуального (знаменитые зеленые буквы плясали еще до «Матрицы» и «Призрака в доспехах» в глазах Робокопа), Робокоп – подлинный рыцарь-монах.

Вместе с тем в том же фильме раскрывается и альтернативный взгляд на киборгизацию – наряду с благочестивым католиком Алексом Мэрфи к переходу в постчеловеческое качество оказался способен наркоман Кейн, уже находившийся в процессе утраты человеческого облика. Очевидно, что в условиях современной секуляризованной (обезбоженной) культуры массовый характер с гораздо большей вероятностью может принять именно второй вариант перехода в постчеловеческое существование – учитывая, что условия индустри-

альной цивилизации всё больше способствуют превращению общества в своего рода «коллективного наркомана». По выражению А. М. Столярова, «никто более не заинтересован в существовании и укреплении наркомафии, чем Управление (агентство) по борьбе с наркотиками: чем сильнее наркомафия, тем больше средств ему выделяют» [11]. Но проблема, разумеется, шире. В 1981 г. Брюс Александер в результате эксперимента с «мышиним диснейлендом» обнаружил, что «уровень аддикции растет не с увеличением доступности психоактивных веществ, а пропорционально человеческой неустроенности, неизбежного следствия возникновения рыночного общества», в котором «человек воспринимается как продукт, который добывается, перемещается, переделывается в соответствии с экономическими потребностями» [12]. Мыши, содержащиеся в одиночных камерах, не отползали от поилки с наркотиком, тогда как мыши, помещенные в гораздо более благоприятные условия для жизни, полностью игнорировали «наркопоилку». Более того, грызуны из «диснейленда», даже будучи насильно превращенными в наркоманов (когда в течение 57 дней экспериментаторы не давали им другого питья, кроме раствора морфия), при возвращении им выбора между наркотиком и водой, стали нерегулярно принимать наркотик и вообще снизили его потребление, несмотря на ломку. Эксперимент продемонстрировал, что страшен не наркотик, а условия жизни, которые не оставляют людям иной отдушины, кроме «дури» («инновационный» вариант – «компьютерной зависимости», ухода в виртуальное пространство «на ПМЖ»).

Таким образом, растут опасения, что пресловутая «точка перехода» («точка сингулярности») окажется апофеозом в процессе обезличивания, расчеловечивания человека. Симптомом такой утраты субъектности может служить даже ширящаяся тенденция по вытеснению письменных текстов печатными (учитывая, что, в пику анонимности печатных шрифтов, почерк является оттиском, следом личности – на чем основана такая прикладная наука, как графология). Опять же, такие важные «штрихи к портрету» автора, моментальные снимки с его внутренней жизни, как всевозможные почеркушки, вписанные поверх строк дополнения, рисуночки на полях и т. п. не остаются в черновиках «текстовых редакторов». Более того, у современного поколения, которое печатать начинает раньше, чем писать, оказываются незадействованными и неразвитыми целые отделы в коре больших полушарий; информационный обмен грозит вытеснить собой со-бытие диалога, когда в жертву интенсивности коммуникации будут принесены ее осмысленность, подлинность (имеется в виду понятие «подлинной коммуникации» К. Ясперса). Гораздо же более зримым симптомом расчеловечивания будет легко предсказуемая утрата постчеловеком даже внешнего человекоподобия, которое для его эффективности станет лишь помехой. Поначалу антропоморфность будет сохраняться в силу общекультурной закономерности (так, первые автомобили продолжали создавать внешне похожими на кареты), но вскоре киборги уйдут от человекообразности в сторону предельной функциональности. Возможно, такие постчеловеки будут напоминать уэллсовских марсиан, возможно, биологическая составляющая еще больше редуцируется. И в этом смысле предтечей «постчеловека» в христианской философии может оказаться не «богочеловек», а «человекобог», не Христос, а Антихрист. Человекобожеский соблазн – это «космическое прельщение» (по выражению Н. А. Бердяева), то есть подмена «мира горнего» «миром дольним» («Баунти – райское наслаждение!»), трансцендирования – трансерфингом по бесконечно инфлирующему виртуальному мультиверсу [13], это – «бог из машины», «призрак в броне». Не случайно О. Шпенглер в финале второго тома своего главного философского труда «Закат Европы» писал о «сатанизме машины» [14].

Согласно теории метасистемных переходов, связанной с именами Г. С. Альтшуллера, А. Жарова, В. Ф. Турчина, на каждом новом уровне организации материи предыдущая метасистема становится элементом метасистемы более высокого уровня: атомы объединяются в молекулы, молекулы – в клетки, клетки – в органы и т. п. Таким образом, следующим витком эволюции станет не появление сверхчеловека, а трансформация глобализированного общества в самосознающее существо, в котором люди и их профессиональные ассоциации будут выполнять функции, соответственно, отдельных клеток и органов. (Заметим в скобках, что согласно логике рассматриваемой теории именно на этой стадии возможен Контакт между инопланетными цивилизациями, то есть отдельно взятый человек не будет прямым участником этого диалога.) Таким образом, находит свое решение и проблема «искусственного интеллекта» (ИскИн), над созданием которого лучшие IT-специалисты бьются вот уже более

полувека. Как еще в 1960-х гг. показал советский философ-марксист Э. В. Ильенков, в силу глубокой укорененности сознания в телесности человека, включая культуру как его неорганическое тело, для создания ИскИна потребовалось бы *рядом* с человеческой цивилизацией создать еще одну, полномасштабную цивилизацию. Правда, здесь не учтен еще один вариант: ИскИн может возникнуть в результате определенной трансформации *человеческой* техногенной цивилизации, в которой тенденция по машинизации человеческого бытия всегда была велика (вспомнить хотя бы характеристику бюрократии в качестве машины «в самом точном и буквальном смысле этого понятия», которую дал тот же Э. В. Ильенков [15]). То есть в неорганическом теле человечества произойдет вытеснение, замещение человеческой души чужой «злой» волей (и здесь снова вспоминаются рассуждения О. Шпенглера, а также Дж. Р. Р. Толкина – из частной переписки – о сатанизме машины). Более того, вполне допустимо предположение о том, что ИскИн *уже* использует нас в качестве «батареек» – как показано в нашумевшем фильме «Матрица», вызвавшем сильный резонанс в среде ученых-кибернетиков и философов. В многочисленных научных статьях, посвященных фильму, как раз подчеркивалось отсутствие в современной психологии процедур демаркации виртуальной и эмпирической реальностей [16].

И всё-таки зададимся вопросом: означает ли даже такая, казалось бы, беспросветная ситуация *безоговорочный* смертный приговор человеку-созидателю, цельной и творческой личности? Есть основания утверждать обратное. Действительно, ведь «люди-батарейки» остаются принципиально свободными от искусственного интеллекта: мысли-то он читать не умеет, а мало ли что человеку, например президенту ядерной державы, «взбредет в голову». Если уж людей в Матрице можно убить из виртуального пистолета, то и ударом виртуальной ядерной ракеты по шахте с виртуальными ядерными ракетами можно уничтожить все человечество. А если серьезно, вызывает сомнение экзотерическая, «общеупотребительная» трактовка «Матрицы», согласно которой люди нужны кибернетическому сверхорганизму как источники энергии. Для этого, как было замечено давно и не нами, можно было бы использовать и крупный рогатый скот – без колоссальных издержек в виде создания и непрерывного поддержания виртуальной копии человеческой цивилизации конца XX в. Куда правомернее предположить, что люди необходимы машинам в качестве существ, обладающих сознанием, существ, не только целесообразных, но и способных к целеполаганию. В свое время А. Эйнштейн объяснил процесс возникновения нового в науке следующим образом: когда все знают, что нечто невозможно, появляется невежда, которого «забыли предупредить», и делает открытие. Так, постоянство скорости света противоречило принципу относительности, сформулированному Галилеем, и Эйнштейн обосновал новый принцип относительности [17]. Для машин нет невозможного, тогда как лишь «безумные идеи» позволяют осуществлять парадигмальные сдвиги, без которых вся машинная цивилизация рискует впасть в стагнацию. Поэтому логично предположить, что машины паразитируют на человеческой свободе, подворовывая у людей идеи! Даже основоположник ТРИЗа Г. С. Альтшуллер (Альтов) в своей «Машине открытий» признает, что саморазвивающаяся ЭВМ-город, способная со временем покрыть собой целую планету, достраивая по мере необходимости свои всё новые и новые рабочие блоки, не застрахована от парадигмальных пределов развития, по достижении которых будет необходима ее перенастройка человеком. Таким образом, даже при допущении возможности субъектов целеполагания, имеющих надчеловеческую природу, человеческое бытие не теряет свою самоценность, и вопрос о том, быть или не быть ему «подлинной» личностью, человеком-созидателем, остается делом свободного выбора каждого конкретного человека. По аналогии с симбиозом одно- и многоклеточных организмов можно представить себе сосуществование рукотворного «сверхума» с людьми, которые даже смогут продолжать осваивать Вселенную и – то, что отрицается А. Жаровым, – контактировать с инопланетными цивилизациями того же уровня организации материи: посредством, например, прыжков через «кратовые норы» («гиперпространство» – в терминологии научной фантастики: тот самый случай, когда язык художественной литературы оказывается «научнее» языка науки). Осуществится концепция идеального общества по Ф. М. Достоевскому: тот в «Братьях Карамазовых» устами старца Зосимы утверждает, что социальная иерархия, конечно, неустранима, и в обществе одни всегда будут служить другим, но ведь гипотетически возможно такое общество, в котором все – слуги друг другу.

Вместе с тем надо отметить, что состоятельность концепции постиндустриального (информационного) общества, частным аспектом которой является идея постчеловека, в по-

следнее время ставится под сомнение многими современными специалистами. Так, отечественный экономист М. Л. Хазин доказывает, что переход Запада к постиндустриальному (информационному) обществу – иллюзия, поскольку вызван не естественными экономическими процессами, а искусственным (внеэкономическим) перераспределением средств в пользу новых (информационных) технологий в ущерб традиционным отраслям экономики, что и вызвало стагнацию последних. Таким образом, подобную стагнацию ни в коем случае нельзя считать свидетельством перехода истории от индустриального к постиндустриальному состоянию. Зависимость «постиндустриальной» экономики от «третьих стран» свидетельствует о ее фиктивности: если становление информационного общества происходит в силу объективных причин, то неизбежным следствием взаимодействия с ним более «старых» обществ должен быть их переход на следующую стадию развития. В действительности же все наоборот. Отказ США от дешевых производств стран третьего мира естественным образом убьет «информационное общество», равно как и «общество потребления», поскольку в этом случае неизбежно перераспределение американского государственного бюджета для обеспечения более традиционных потребностей, производства товаров первой необходимости, что ударит, прежде всего, по информационным технологиям [18]. В недавней монографии «Постиндустриализм: опыт критического анализа», подготовленной московским Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, прямо обосновывается вывод о том, что возникшая в 1960-е гг. в США концепция постиндустриализма изначально представляла собой пропагандистский ответ Запада на «красный проект» и служила идеологической платформой для всемирной экспансии США и их сателлитов (т. н. «золотого миллиарда»). В этом случае сверхзадачей идей постиндустриализма и постчеловека оказывается не теоретическое обеспечение перехода человечества в качественно новую стадию развития, а сохранение любой ценой современного «многоэтажного» мира [19].

Между тем, согласно академику Н. Н. Моисееву, одному из пионеров компьютерного моделирования динамики изменений биосферы, во избежание глобальной экологической катастрофы человечество должно так организовать свою жизнедеятельность, чтобы изменение структуры кругооборота веществ, которая, в конечном итоге, определяет параметры биосферы в целом, протекало столь медленно, чтобы общество успевало адаптироваться к этим изменениям, находить оптимальные технические и мировоззренческие решения. «Значит, для своего выживания на Земле человечество должно однажды вписаться в практически стабильные (точнее, квазистабильные) (ибо «стабильность», по утверждению академика, есть лишь эвфемизм для «регресса». – Н. К., Р. Ф.) биогеохимические циклы». Для этого, по данным Н. Н. Моисеева на конец XX в., необходимо в 10 раз уменьшить количество жителей планеты или сократить удовлетворение потребностей во столько же, а американцам – в 50 раз [20] (напомним, что внешний долг США равен 15 триллионам долларов, то есть высокий уровень жизни в этой стране поддерживается искусственно – в долг у будущих поколений американцев). С тех пор человечество увеличилось еще на 1 миллиард (в основном за счет стран «третьего мира»), а о сокращении темпов потребления говорить не приходится.

В то же время в отечественной художественно-философской мысли модель такого «низкоэнтропийного общества» была предложена еще полвека назад одним из крупнейших советских палеонтологов И. А. Ефремовым в его футуристической трилогии «Туманность Андромеды», «Сердце змеи» и «Час Быка». Свидетельством безусловной научной ценности этой модели, ее прогностического потенциала служат, в частности, ежегодные научные чтения памяти И. А. Ефремова, на которых традиционно именно она оказывается в центре внимания. Известный военный историк и соционик С. Б. Переслегин указал одну особенность смоделированного Ефремовым общества будущего: «Экспедиция “Тантры” продолжалась порядка 20 лет. Что изменилось за это время на Земле? Очевидно, ничего... Низа Крит – и в начале и в конце экспедиции “юный астронавигатор””Тантру” и “Парус” отделяют 85 лет, между тем это звездолеты одного класса и одних возможностей. ...После четырех или пяти столетий звездных полетов не до конца исследована даже Солнечная система... ..Позиция Мвена Маса, построенная на ощущении быстро убегающего времени, рассматривается окружающими как необычная» и т. д. и т. п. Таким образом, подытоживает Переслегин, «безудержное “развитие” не является структурообразующим принципом построенной советским палеонтологом низкоэнтропийной цивилизации. Конечно, эта цивилизация не статична.

Однако ее преобразование происходит с характерными частотами природных явлений... (выделено нами. – Н. К., Р. Ф.)» [21], то есть в полном соответствии с выделенными Моисеевым спустя десятилетия условиями «устойчивого развития» общества. Точно так же И. А. Ефремов предвосхитил мысль Моисеева о том, что наиболее перспективной для развития социума является коэволюционная стратегия: в «Туманности...» вместо попыток искусственно ускорить развитие социума значительные усилия прилагаются к обеспечению «соответствия, согласия, равновесия как внутри человеческого общества, так и между людьми и Геей/Землей». Наряду с понятиями «низкоэнтропийное» и «коэволюционное» Переслегин предлагает называть такой тип общества «дао-ориентированным».

На основе всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Понятие «постчеловек» в настоящий момент является фетишем прогрессивной западной мысли и понимается как механизированная часть сети или системы с поддерживающими жизнь и функционирование организма бионическими имплантами, без которых в дальнейшем будет невозможно существование человека. Это открывает новый уровень контроля за разумом, действиями и вообще жизнедеятельностью индивида, для которого отсутствие той или иной механической части будет в прямом смысле смерти подобно. Исходя из состояния экологии, наличия природных ресурсов и общего состояния здоровья людей в урбанистических районах можно сделать вывод об искусственном подталкивании к механизации организма человека. Коэволюционная теория наиболее приближена к потребностям человека, который физически не может развиваться такими темпами, как наука и техника.

Примечания

1. Приведем лишь некоторые работы: Михайлов, А. Е., Четырова, Л. Б. Человеческое будущее: переоценка ценностей гуманизма в свете изменения природы человека // Вестник СамГУ. 2013. № 5(106). С. 10–14; Проблема постчеловека и постчеловечества: материалы науч. семинара. Вып. № 4. М.: Научный эксперт, 2011. 64 с.; Секацкий А. К. Третья ступень // Изыскания. СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2009. С. 81–127; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС», 2004. 349 с.; Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Изд-во «Весь Мир», 2002. 144 с.
2. Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // Философские науки. 2008. № 2. С. 10–31.
3. Леруа А. М. Мутанты. М.: Астрель: CORPUS, 2010. С. 32–33.
4. Хоружий С. С. Указ. соч. С. 10–31.
5. Predictions made by Ray Kurzweil [Электронный ресурс]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Predictions_made_by_Ray_Kurzweil
6. Демиденко Э. С. Конец биосферы и биосферной жизни на Земле? [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. № 6. 2002. С. 29–43.
7. Кондратьев В. Б. Мировая химическая промышленность [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/mirovaja_khimicheskaja_promyshlennost_2011-05-04.htm.
8. Ильин Ю. «Бионические» протезы: какие органы сегодня можно подменить электроникой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.computerra.ru/56032/bionic>.
9. Столяров А. М. Освобожденный Эдем. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель; СПб.: Terra Fantastica, 2008. С. 174.
10. Хоружий С. С. С. 10–31.
11. Слейтер Л. Открыть ящик Скиннера. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. С. 240–241.
12. Там же. С. 223.
13. Коротков Н. В. Фантастическое конструирование как фактор техносоциогенеза // Сквозь границы: культурологический альманах. Вып. 9–10. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010–2011. – С. 97–104.
14. Шпенглер О. Закат Европы: Т. 2. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 539, 541.
15. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. С. 311–312.
16. Прими красную таблетку: Наука, философия и религия в «Матрице» / под ред. Гленна Йефета; пер. с англ. Т. Давыдова. М.: Ультра. Культура, 2003. 312 с.
17. Коршунова П. С. Воображение и его роль в познании. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. С. 94–95.
18. Хазин М. Л. Постмодерн – реальность или фантазия? [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2951>
19. Якунин В. И. Постиндустриализм. Опыт критического анализа: монография / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, С. Г. Кара-Мурза, М. В. Деева, Ю. А. Сафонова. М.: Научный эксперт, 2012. 288 с.

20. Мусеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М.: Фонд содействия развитию соц. и полит. наук, 1997. С. 144.

21. Переслегин С. Б. Странные взрослые. (Опыт социомеханического исследования фантастических романов И. Ефремова) [Электронный ресурс]. URL: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Efremov.htm.

Notes

1. We will give only some works: Mikhaylov A. E., Chetyrova L. B. [Human future: reevaluation of values of humanity in the light of human nature change] // Vestnik SamGU [Herald of Samara State University], 2013, No. 5(106). Pp. 10–14 (in Russ.); [Problem of the post-person and post-mankind: materials of scientific seminar. Issue No. 4. Moscow: Nauchnyy ekspert Publ., 2011, 64 pages (in Russ.); Sekatsky A. K. Tretya stupen [Third step]// Izyiskaniya - Researches. Saint Petersburg: Limbus Press, ООО «Izdatelstvo K. Tublina» Publ., 2009. Pp. 81–127; Fukuyama F. Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii [Our post-human future: Consequences of biotechnological revolution]. Moscow: ООО «Izdatelstvo AST» Publ.: ОАО «LYuKS», 2004. 349 pages; Habermas Yu. Budushee chelovecheskoy prirody [Future of a human nature]. Moscow: “Ves Mir” Publ. 2002. 144 pages.

2. Horuzhy S. S. Problema postcheloveka, ili transformativnaya antropologiya glazami sinerghiynoy antropologii [Problem of the post-person, or transformativnyy anthropology eyes of sinerghiynoy anthropology] // Filosofskie nauki - Philosophical sciences, 2008, No. 2. Pp. 10–31.

3. Lerua A. M. Mutanty [Mutants]. Moscow: Astrel: CORPUS Publ., 2010. Pp. 32–33.

4. Horuzhy S. S. Spec. Work. Pp. 10–31.

5. Predictions made by Ray Kurzweil. Available at: http://en.wikipedia.org/wiki/Predictions_made_by_Ray_Kurzweil

6. Demidenko E. S. Konets biosfery i biosfernoy zhizni na Zemle? [End of the biosphere and biospheric life on Earth?] [Electronic resource]//Herald of the Moscow university. Ser. 7. Filosofiya – Philosophy, No. 6, 2002. Pp. 29–43.

7. Kondratyev V. B. Mirovaya himicheskaya promyshlennost [World chemical industry] Available at: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/mirovaya_khimicheskaja_promyshlennost_2011-05-04.htm.

8. Ilyin Yu. «Bionicheskie» protezy: kakie organy segodnya možno podmenit elektronikoy [“Bionic” artificial limbs: what bodies can be changed today for electronics] Available at: <http://www.computerra.ru/56032/bionic>.

9. Stolyarov A. M. Osvobodennyiy Edem [The freed Edem]. Moscow: ACT: ACT Moscow: Hranitel; Saint Petersburg: Terra Fantastica Publ., 2008. P. 174.

10. Horuzhy S. S. Pp. 10–31.

11. Sleyter L. Otkryit yaschik Skinnera [To open Skinner's box]. Moscow: ACT: ACT MOSCOW: Hranitel., 2007. Pp. 240–241.

12. In the same place. P. 223.

13. Korotkov N. V. Fantasticheskoe konst-ruirovanie kak faktor tehnosotsiogeneza [Fantastic designing as a factor of techno socialgenesis]// Skvoz granitsyi: kulturologicheskiy almanah – Through borders: culturological almanac. Vyp. 9–10. Kirov: Herald of the Vyatka State University of Humanities 2010–2011. Pp. 97–104.

14. Spengler O. Zakat Evropyi [Decline of Europe]: Vol. 2. Moscow: Ayres press Publ., 2003. Pp. 539, 541.

15. Ilyenkov E. V. Ob idolah i idealah [About idols and ideals]. Moscow: Politizdat Publ., 1968. Pp. 311–312.

16. Primi krasnyuyu tabletku: Nauka, filo-sofiya i religiya v «Matritse» [Take a red pill: Science, philosophy and religion in "Matrix"] / under the editorship of Glenn Yeffet; itanslate in English from T. Davydov. Moscow: Ultra. Culture Publ., 2003. 312 pages.

17. Korshunova P. S. Voobrazhenie i ego rol v poznanii. [Imagination and its role in knowledge]. Moscow: Mocow University., 1979. Pp. 94-95.

18. Hazin M. L. Postmodern – reality or the imagination? Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2951>

19. Yakunin V. I. Postindustrializm Opyit kriticheskogo analiza: monografiya [Postindustrializm. Experience of the critical analysis: monograph] / Century I. Yakunin, S. S. Sulakshin, V. E. Bagdasaryan, S. G. Kara Murza, M. V. Deyev, Yu. A. Safonov. Moscow: Scientific expert Publ., 2012. 288 pages.

20. Moiseyev N. N. S myislyami o buduschem Rossii. [With thoughts of the future of Russia]. Moscow: Fund of assistance to development social and polit. sciences., 1997. P. 144.

21. Pereslegin S. B. Strannyye vzroslyie (Opyit sotsiomekhanicheskogo issledovaniya fanta-sticheskikh romanov. [Strange adults. Experience of sotsiomekhanicheskyy research of fantastic novels of I. Efremov] Available at: http://www.igstab.ru/materials/black/Per_Efremov.htm

Социальная политика в организациях Кировской области

В статье представлены результаты исследования по проекту «Социальная политика как фактор устойчивого организационного и регионального развития». Данный проект выступил закономерным этапом изучения возможностей развития человеческих ресурсов региона. Показаны проблемы и перспективы развития социальной политики в направлении социального менеджмента персонала. Приведены результаты экспертного опроса в 240 организациях Кировской области разного размера, направления деятельности, стадии развития. Произведено сравнение особенностей социальной и кадровой политик, а также управления организационной культурой.

In this article the author introduces the results of the research project "Social policy as factor of sustainable organizational and regional development". This project was a logical step in the study of the problem of effective management of human resources in the region. Data of expert poll are provided in 240 organizations of the Kirov region. Comparison of features social and personnel the politician, and also managements of organizational culture is made. The comparison of social and personnel policies' features, organizational culture management.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, социальная политика, социальная ответственность, кадровая политика, управление организационной культурой.

Keywords: human resources, social policy, social responsibility, personnel selection, organizational culture management.

Серьезные изменения экологических и социально-экономических условий жизни на планете в конце XX – начале XXI в. привели ученых и руководителей многих государств к пониманию необходимости коренного изменения сознания людей и принятия ресурсосберегающих мер. В результате значительных усилий ООН и ряда государств сформировалось международное движение, ориентированное на реализацию политики устойчивого развития. Такая политика предполагает гармоничное сочетание в деятельности социально-экономических систем трех аспектов: экономики (экономический рост), экологии (защита окружающей среды) и социальной сферы (достижение высокого качества жизни и социальной справедливости) [1].

На сегодняшний день предлагается более широкое понимание устойчивого развития территорий как совокупности комплексных мер и в других сферах общественной жизни – политической, управленческой, образовательной, культурной и пр. Реализация политики устойчивого развития должна осуществляться на разных уровнях – глобальном, государственном, региональном и, конечно же, организационном.

Как показывают наши исследования [2], возможность предложить конкретные решения проблемы устойчивого развития на организационном уровне весьма проблематична – вопросы сущности, направлений и критериев устойчивого развития организаций сегодня раскрыты недостаточно и требуют изучения. С учетом задач данной работы наибольший интерес представляет устойчивое развитие социальной подсистемы организации, направленной на формирование человеческих ресурсов, человеческого потенциала. Особое значение в данном направлении приобретает социальная политика организации.

В ходе проекта социальная политика рассмотрена как сочетание двух направлений деятельности организации – внутреннее социальное развитие и внешняя социальная (корпоративная) ответственность. Было показано, что в современных условиях реализация социальной политики, по сути, приводит к вовлечению организаций в процесс *социального управления/менеджмента*, то есть реализации социальной ответственности не только перед

При поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Кировской области в рамках проекта № 13-13-43001 а(р) «Социальная политика как фактор устойчивого организационного и регионального развития».

непосредственным персоналом, но и участие организации в решении широких социальных задач населения.

Характерными чертами социального менеджмента персонала становятся: *контекстуальность* – ориентация на прогнозируемые и, по возможности, формируемые в требуемых направлениях изменения внешней среды; развитие *маркетинга человеческих ресурсов*, проявляемого в создании деловых сетей и кооперации с другими организациями (партнерами, конкурентами, профильными объединениями и пр.) в решении кадровых и социальных вопросов; *индивидуализированность*, с одной стороны, предполагающей индивидуальное планирование карьеры, обучение и развитие работников; и *системность*, с другой стороны, предполагающей «встраивание» индивидуальных компетенций в организационную систему и формирование организационных компетенций; *мобильность*, постоянное самообразование и самоорганизация персонала, что выражается в формировании внутри- и межорганизационного самоуправления в решении кадровых вопросов и вопросов социальной поддержки персонала, стимулировании внутрифирменного предпринимательства, реализации социального партнерства; *адаптивность* организации, прежде всего, через обучение и развитие персонала, формирование системы организационных (функциональных, ключевых и динамических) компетенций, развитие менеджмента знаний; и в целом, ориентации кадровой и социальной политики на развитие как реальных, так и потенциальных человеческих ресурсов территории [3].

Представим основные результаты авторского эмпирического исследования социальной политики в ходе экспертного опроса 240 предприятий Кировской области (25 глубинных интервью, 240 опросов методом раздаточного анкетирования; эксперты – лица, ответственные за реализацию социальной политики в организациях). В выборку вошли организации разного размера (61% малых предприятий, с численностью персонала до 100 чел., 25% средних – 101–500 чел. и 14% крупных – более 500 чел.), территориальной принадлежности (30% в г. Кирове, остальные – из 20 районов Кировской области) и направлений деятельности. Особенности социальной политики сравнивались со спецификой развития кадровой политики и управления организационной культурой.

Социальная политика анализировалась сквозь призму понятия организационно-управленческого механизма, спрогнозированного, планомерного и комплексного воздействия на социальную среду, включающего в себя пять компонентов: агентономический, проблемно-целевой, ценностно-нормативный, организационно-инструментальный, процессуально-интерактивный. В ходе исследования данная модель «наполнилась» конкретным содержанием, позволяющим увидеть специфику реальной социальной политики в организациях Кировской области.

1. *Агентономический компонент* представлен различными участниками (актерами) – субъектами, адресатами и партнёрами социального развития. Исследование показало, что в более чем половине организаций социальная политика реализуется целенаправленно специальными сотрудниками (в 34% организаций) и отделами (в 22% организаций), в то же время практически в каждой восьмой организации (в 12% организаций) данное направление развивается стихийно либо неспециалистами. В основном это происходит в малых организациях, где ею занимаются неспециализированные отделы («отдел по корпоративной культуре, при бухгалтерии») либо специалисты, выполняющие эти функции по совместительству (бухгалтер, маркетолог). В крупных организациях субъекты социальной политики все более специализируются (в основном это отдел кадров, службы персонала, социальные комиссии, профсоюзные организации/комитеты), появляются дополнительные (или временные) социальные комиссии для рассмотрения личных обращений и просьб сотрудников о помощи. Аналогичные тенденции наблюдаются в отношении развития кадровой политики и управления организационной культурой.

Формирование социального менеджмента персонала предполагает кооперацию предприятия в решении социальных проблем с внешними агентами. Чаще всего организации контактируют с указанной целью с обучающими центрами, центрами развития персонала, системой общего и профессионального образования, средствами массовой информации, а также организациями из сферы деятельности данного предприятия (в 44–31% случаев – «часто»). При этом для развития своих человеческих ресурсов организации часто не используют возможности рекрутинговых и кадровых центров, общественных организаций и дви-

жений, профессиональных сообществ, объединений, союзов, региональных объединений торгово-промышленных палат, национальных и отраслевых объединений (до 79% организаций). Потенциал сотрудничества с данными организациями в вопросах формирования и развития человеческих ресурсов практически не задействован. В то же время по мере роста организации наблюдается учащение решения социальных и кадровых вопросов совместно с региональными объединениями, торгово-промышленной палатой, национальными и отраслевыми объединениями («часто» и «периодически» от 14–25% в малых организациях до 41–50% в крупных, $p \leq 0,05$).

2. *Проблемно-целевой компонент* механизма социальной политики предполагает формулирование основных проблем в сфере социальных и трудовых отношений в организации, а также планирование направлений и мероприятий по решению выявленных проблем.

В ходе исследования экспертами было указано, что основными *целями* социальной политики в организациях становятся: личностный рост и развитие профессиональной компетентности персонала; формирование идентификации работников с организацией, тем самым – закрепление их на рабочих местах; создание условий для удовлетворения личностных потребностей работников.

Основными *проблемами*, решению которых должна способствовать социальная политика, явились: 1) собственно кадровые проблемы (недостаток квалифицированных кадров, низкая инициативность работников, дефицит молодых специалистов и пр.); 2) проблемы со здоровьем сотрудников в результате работы в опасных условиях труда; отсутствие достаточных финансовых средств для реализации социальных мероприятий; недостаток объектов социальной инфраструктуры, прежде всего детских садов; напряжённость социально-психологического климата в некоторых организациях и пр.

Приоритетными *задачами* социальной политики выступают: мотивация сотрудников, социальная ответственность и информационный обмен (34–58% организаций). При этом более «отдаленные», стратегические задачи, связанные с воспроизводством внутренних и внешних потенциальных человеческих ресурсов, укрепление внешних связей с другими организациями, а также развитием внешнего и внутреннего имиджа, остаются наименее актуальными (актуальны для 20% организаций). Приоритет задач практически не изменяется в зависимости от размера и направления деятельности организации. Лишь в отношении реализации социальной ответственности наблюдается наибольшая активность со стороны организаций ГМУ, наименьшая – коммерческих предприятий. Задача социальной политики по созданию позитивного внутреннего и внешнего имиджа оказывается наиболее важной для организаций на этапе становления ее конкурентоспособности в регионе.

3. *Ценностно-нормативный компонент* механизма социальной политики представлен индивидуальными и групповыми ценностями и установками, «объективированными» в миссии, корпоративных кодексах и прочих артефактах, а также в нормативных документах, регулирующих социальное развитие.

В ходе эмпирического исследования выяснилось, что чаще всего в организациях разрабатываются документы, регулирующие трудовые отношения и основные кадровые процессы. В подавляющем большинстве (89–97%) организаций имеются трудовой договор, должностные инструкции работников, правила внутреннего распорядка и штатное расписание; чуть реже (до 65% организаций) встречаются единичные приказы и распоряжения по вопросам кадровой политики и коллективный договор. Такая ситуация объективно определена имеющимся трудовым законодательством РФ и выглядит весьма логичной.

В то же время документы, регламентирующие вопросы стратегического развития персонала, вопросы социальной политики и организационной культуры, «необязательны» с позиции законодательства, поэтому скорее появляются в силу логики развития организации. Так, реже всего в организациях разрабатываются положение о кадровой политике (в каждой третьей организации) и стратегический план развития персонала (лишь в каждой четвертой организации). Документы, регламентирующие социальную политику, представлены в организациях еще в меньшем количестве. Практически в каждой третьей организации имеются единичные приказы и распоряжения, касающиеся мероприятий социальной политики, а также положения о развитии корпоративной символики. Еще реже (в каждой шестой-восьмой организации) встречаются положения о социальной политике и корпоративной культуре. Разработка данных документов зависит от темпов роста организации, направления ее деятельности и степени конкурентоспособности на рынке.

В ходе исследования выяснилось, что многие установки, отражающие сущность социальной поддержки работников, отражены в корпоративных документах. В основном это наблюдается в крупных организациях с четко артикулированной миссией и оформленным корпоративным кодексом (до 26% крупных организаций). В малых организациях корпоративная культура лишь формируется, официальных документов, регулирующих ее развитие, практически нет (отмечаются отдельные документы, миссия в 7–9% малых организаций). В то же время основные установки данной культуры во многом сконцентрированы вокруг коллективных праздников, традиций, имиджа предприятия. Многие из выявленных установок отражают внешнюю социальную направленность организации (ориентацию на клиента, развитие внешней среды).

Основными документами, регулирующими социальную политику, выступили: план социального развития, сопровождаемый социальными программами (например, «Здоровье», «Женский труд», «Молодежь», «Жилье» и др.), социальный паспорт организации, коллективный договор и прочие нормативно-правовые акты. По мере развития предприятия социальная политика все чаще регулируется официальным планом социального развития и/или рядом социальных программ, в основном направленных на развитие здорового образа жизни работников, осуществление молодежной политики, поддержку молодых специалистов, социальную помощь детям работников и бывшим работникам-пенсионерам.

4. Содержание *организационно-инструментального* компонента представлено формальными и неформальными методами, мероприятиями по социальному развитию, а также ресурсами, необходимыми для этого.

Информация о каких-либо проблемах в социальной сфере организаций, об основных проблемах сотрудников собирается разным способом: по преимуществу посредством устного опроса сотрудников, а также методами наблюдения за персоналом и анкетирования. Определены мероприятия, характеризующие основные направления социального развития в указанных организациях: профессионально-личностное развитие персонала, моральное и материальное стимулирование труда, развитие социально-психологического климата коллектива и корпоративной культуры, развитие социальной инфраструктуры, социальная защита работников.

По мере роста организации возрастает активность по развитию корпоративной культуры – увеличивается количество проводимых корпоративных мероприятий, разрабатываются корпоративная символика и стиль. Обеспечение благоприятного климата в коллективе, формирование позитивного внутреннего имиджа предприятия, а также социальное партнерство и участие персонала в социальных мероприятиях города, региона наименее выражены в организациях сферы сельского хозяйства (на 3–4 балла из 10), наиболее – в сфере образовательных и консалтинговых услуг (на 7–8 баллов из 10). Практически все направления социальной политики отмечают наибольшее развитие в периоды активного роста (особенно развитие условий и охрана труда, развитие социальной инфраструктуры, разработка корпоративного стиля), расцвета и зрелости организации; наименьшее – на стадии упадка, отмирания.

5. *Процессуально-интерактивный* компонент механизма социальной политики включает в себя этапы реализации мероприятий по социальному развитию (планирование, проектирование, собственно реализация, контроль и пр.) и типичные способы («схемы») взаимодействия акторов на каждом из данных этапов. Было показано, что важным моментом социальной политики является участие работников в качестве субъектов планирования и подготовки социальных мероприятий, поддержания и развития традиций. Для оценки эффективности проводимых мероприятий информанты называют различные критерии: текучесть кадров, повышение производительности труда, улучшение трудовой дисциплины, общая удовлетворенность трудовой ситуацией.

В ходе исследования также произведен сравнительный анализ указанных компонентов механизмов социальной и кадровой политики, а также управления организационной культурой.

По мере роста организации потребность в целенаправленном управлении персоналом растет. В первую очередь это проявляется в уменьшении «стихийности» управления указанными процессами и формировании специализированных субъектов (первоначально – единичных специалистов, а затем – специальных отделов и департаментов). Также постепенно происходит дифференцирование направлений работы с персоналом, что «ознаменовывает»

ся» появлением отдельных субъектов первоначально кадровой, затем – социальной политики, а также развития организационной культуры и пр.

Сравнение задач *кадровой и социальной политик* показало, что приоритеты кадровой политики в большей степени связаны с решением вопросов развития внутренних человеческих ресурсов, в то время как меры социальной политики, компенсируя эту особенность кадровой политики, направлены на развитие потенциальных человеческих, социальных и прочих ресурсов во внешней среде, но в весьма умеренной степени. Тем не менее социальная политика скорее ассоциируется со вспомогательным кадровым процессом, носящим компенсаторный (компенсация невысокой заработной платы) и стимулирующий (мотивация труда) характер. Подавляющее большинство экспертов рассматривают *социальную политику* как деятельность по развитию внутренних человеческих ресурсов, причем в большей степени необходимую для «закрепления» кадров на места, снижения их «текучести». Вопросы социальной ответственности, позитивного внешнего имиджа предприятия, а также развития потенциальных человеческих ресурсов практически не рассматриваются в качестве реальных задач социальной политики.

Формирование и развитие *организационной культуры* становится направлением, которое наравне с социальной политикой способствует скорее адаптации сотрудников к существующим нормам, мотивации сотрудников к труду, нежели интеграции организации в целом, формирование организационной идентичности. В то же время организационная культура становится «мостиком» к внешней среде, позиционируя организацию в данной среде посредством формирования позитивного имиджа. Социальная ответственность как задача управления организационной культурой также не является приоритетной для многих организаций, тем самым становится потенциальной целью развития данного направления.

В оценке соотношения процессов *оперативного и стратегического* характера было показано: оперативные задачи в наибольшей степени связаны с деятельностью кадровой политики, в то время как социальная политика имеет среднесрочный характер, а управление организационной культурой скорее направлено на прогноз и планирование стратегического развития внутренней среды организации. Социальная политика и управление организационной культурой также в два раза чаще реализуют стратегии развития внешней среды в требуемом направлении. Таким образом, несмотря на среднесрочный характер, именно эти направления деятельности, в отличие от кадровой работы, более ориентированы на стратегическое внутреннее и внешнее развитие организаций. Степень стратегичности указанных направлений менеджмента зависит от стадии развития и направления деятельности организации.

В целом анализ проводимых в рамках социальной политики мероприятий свидетельствует о недостаточном развитии в большинстве организаций признаков менеджмента человеческих ресурсов, в частности наблюдается низкая «контекстуальность», несистемность, отсутствие стратегии развития социальной политики и пр. В совокупности с другими факторами это затрудняет формирование необходимых для устойчивого развития организаций условий.

Примечания

1. См., например: Доклад Конференции ООН по окружающей среде и развитию. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement> (обращение к документу 15.10.2013); Что такое «Рио+20»? URL: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/about.shtml> (дата обращения: 15.10.2013); Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию», «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (обращение к документу 16.10.2013) и др. Обзор работ см.: Бушкова-Шиклина Э. В., Бокова Э. М. Социальная политика как фактор устойчивого развития. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 160 с.

2. Бушкова-Шиклина Э. В., Бокова Э. М. Указ. соч.; Бушкова-Шиклина Э. В. Проблемы социальных изменений в контексте устойчивого развития организационных систем // Вопросы политологии и социологии. 2013. № 2.

3. Бушкова-Шиклина Э. В. Социальный менеджмент персонала – перспектива развития социально ответственной организации // Материалы международной научно-практической конференции «Ценности и интересы современного общества», 14 октября – 11 ноября 2013 г. Ч. 1 / Московский гос. ун-т экономики, статистики и информатики. М., 2013. С. 136–139.

Notes

1. See, for example: The report of Conference of the UN on environment and development. Available at: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/836/57/PDF/N9283657.pdf?OpenElement> (appeal to the document 15.10.2013) (in Russ.); What is "Rio+20?" Available at: <http://www.un.org/ru/sustainablefuture/about.shtml> (address date: 15.10.2013) (in Russ.); The Decree of the Russian President of 01.04.1996 No. 440 "About the Concept of transition of the Russian Federation to a sustainable development", "The concept of transition of the Russian Federation to a sustainable development". Access from ref.-legal system "Consultant Plus". Available at: <http://www.consultant.ru/> (appeal to the document 16.10.2013), etc. (in Russ.) The review of works: see: Bushkova-Shiklina E. V., Bokov E. M. Sotsialnaya politika kak faktor ustoychivogo razvitiya [Social policy as factor of a sustainable development]. Kirov: OOO "Rainbow PRESS" Publ., 2013. 160 pages.

2. *Bushkova-Shiklina E. V., Bokov E. M.* Spec. work; *Bushkova-Shiklina E. V.* Problemy sotsialnykh izmeneniy v kontekste ustoychivogo razvitiya organizatsionnykh sistem [Problems of social changes in a context of a sustainable development of organizational systems] // *Voprosy politologii i sotsiologii – Questions of Political science and sociology*, 2013, No. 2.

3. *Bushkova-Shiklina E. V.* Sotsialnyy menedzhment personala – perspektiva razvitiya so-tsialno otvetstvennoy organizatsii [Social management of the personnel – prospect of development of socially responsible organization] // *Materialy mezhdunarodnoy nauchno prakticheskoy konferentsii «Tsennosti i interesy sovremennogo obschestva»*, 14 oktyabrya – 11 noyabrya 2013 [Materials of the international scientifically practical conference "Values and Interests of Modern Society", on October 14 – on November 11, 2013]. Part 1 / Moscow State University of economy, statistics and informatics. Moscow, 2013, pp. 136-139. (In Russ.)

УДК 165.0

Н. Л. Караваев

О смыслообразующем аспекте понятия информационного общества

В статье рассмотрена проблема толкования понятия информационного общества. Проанализированы предпосылки появления этого понятия. В качестве результата анализа предлагается авторская трактовка понятия информационного общества, смыслообразующим аспектом которого является автоматизация информационных процессов.

In this article, the author describes the problem of the definition of information society. Based on analysis of the occurrence of this notion, the authorial handling of information society is given. The semantic aspect of new definition of the notion is automatization of information processes.

Ключевые слова: информационное общество, информация, информационный процесс, информационные технологии, информатизация, автоматизация.

Keywords: information society, information, information process, information technology, informatization, automatization.

Всякое существенное изменение социальной системы всегда порождает особый интерес философов и ученых к теоретическому осмыслению подобных перемен. Так, наметившийся в последние десятилетия переход индустриального общества в его новое состояние, обозначенное американским социологом Д. Беллом как постиндустриальное, не стал исключением. Ученые и философы дали множество различных названий новому типу общества: «техногенная цивилизация» (В. С. Стёпин), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «открытое общество» (К. Поппер) и т. д.

Сегодня стало привычным понятие информационного общества (Е. Масуда, Ф. Махлуп, Н. Моисеев, А. Тоффлер и др.). Оно используется повсеместно, вплоть до того, что правительства многих стран инициировали проекты построения информационного общества, которое в идеале должно помочь человечеству решить экономические, политические и другие социокультурные проблемы. Однако сегодня это понятие все еще является одним из широко дискутируемых в науке и философии, поскольку не существует должной ясности в вопросе о

том, что же следует подразумевать под данным понятием и каковы его сущностные особенности.

Существенным толчком для развития идей информационного общества послужил выход в 1973 г. книги американского социолога Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» [1]. Основными чертами постиндустриальной эпохи, по мнению Белла, являются, прежде всего, снижение роли материального производства и развитие сектора услуг, связанного с производством информации.

По мнению другого автора концепции постиндустриального общества, американского ученого Э. Тоффлера, информация в таком обществе заменяет огромное количество материальных ресурсов, используемых обществом, и становится центральным ресурсом последнего [2].

Один из авторов самого термина «информационное общество» японский ученый Е. Масуда считает, что в такой форме общества «производство информационных продуктов, а не материальных, становится движущей силой формирования и развития общества» [3].

Наиболее полно обобщил характеристики основных подходов к информационному обществу британский социолог Ф. Уэбстер в своей книге «Теории информационного общества» [4]. Он выделил пять основных критериев, относительно которых определяется информационное общество:

1. *Технологический критерий*, выделяющий ключевым фактором формирования информационного общества информационные технологии, развитие индустрии производства информационных продуктов.

2. *Экономический критерий*, учитывающий рост экономической ценности информационной деятельности и превалирование ее над деятельностью в области сельского хозяйства и промышленности.

3. *Критерий, связанный со сферой занятости*, предполагает снижение занятости в сфере производства и увеличение в информационной сфере, где сырьем становится информация.

4. *Пространственный критерий*. Акцент здесь ставится на «информационные сети, которые связывают различные места, а потому могут оказать глубокое воздействие на организацию времени и пространства» [5].

5. *Критерий культуры*, констатирующий информационную насыщенность современного общества, большую информативность нынешней культуры в сравнении с предыдущими культурами.

Однако, на наш взгляд, ни один из этих критериев не отражает в должной мере ключевой фактор формирования нового типа общества, поскольку они упускают из вида то, что послужило толчком к его появлению. Появление же понятия информационного общества напрямую связано с формированием и развитием такой науки, как информатика.

Формирование информатики как науки происходило в XX в., что было связано с развитием вычислительной техники как нового средства обработки информации.

В советской науке информатика изначально рассматривалась как теория научной информации. Такая трактовка информатики была предложена еще в 1966 г. советскими учеными А. И. Михайловым, А. И. Черным и Р. С. Гиляревским. С этой позиции информатика представляла собой область гуманитарного познания, которая изучала «структуру и общие свойства научной информации, а также закономерности её создания, преобразования, передачи и использования в различных сферах человеческой деятельности» [6].

Следующим этапом в развитии понятия информатики стало рассмотрение ее как науки о вычислительных технике, в частности об электронно-вычислительных машинах, их создании и применении во всех сферах жизнедеятельности человека и общества.

Последним веянием науки стал подход к информатике как фундаментальной науке об информационных процессах в природе, обществе и технических системах. Один из авторов данного подхода, российский ученый К. К. Колин, предложил считать информатику наукой «о свойствах, законах, методах и средствах формирования, преобразования и распространения информации в природе и обществе, в том числе при помощи технических систем» [7].

Слабости таких формулировок очевидны: первые две чрезвычайно сильно сужают предметную область информатики, третья, напротив, слишком ее расширяет. Сегодня информатика не концентрируется на работе с одной лишь научной информацией и не ориентирована на создание только одних вычислительных машин, поскольку включает в себя

также теории алгоритмов и структур данных, операционных систем и компьютерных сетей, программного обеспечения, искусственного интеллекта и многих других. В третьем подходе «акцент делается на концепте информации, однако существуют довольно содержательные книги по информатике, в которых данный концепт вообще не упоминается» [8].

Итак, до сих пор не существует однозначного определения понятия информатики, и оно все еще продолжает оставаться предметом научных и философских дискуссий. В поисках ясного и логичного определения понятия информатики предлагаем рассмотреть этот термин, основываясь на его этимологии. На наш взгляд, этимологический подход к определению понятия информатики является весьма перспективным, поскольку «значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык» [9].

Одним из первых, кто предложил использовать неологизм *informatique* (фр. информатика), был французский ученый Ф. Дрейфус. Этот термин образован из таких морфем, как «*inform*» и «*atique*», которые в свою очередь представляют собой сокращения от слов *information* (информация) и *automatique* (автоматика), т. е. изначально область изучения информатики была детерминирована вопросами автоматизации работы с информацией.

В подобном же значении в зарубежной науке в свое время сформировался термин *computer science* как наука о компьютерах (компьютерная наука), которая занимается вопросами обработки, хранения и передачи информации с использованием компьютерной и телекоммуникационной техники.

Основываясь на предметных областях, исследуемых в большинстве научных и учебных изданий по информатике, можно вполне оправданно понимать под информатикой то значение слова, которое первоначально вошло в научный обиход, а именно обозначающее область знаний, изучающую применение специальных инструментов (в первую очередь вычислительной техники) для автоматической обработки информации. Другими словами, *информатика – это наука об автоматизации информационных процессов*.

В структуре любого процесса можно выделить три элемента: предмет, технологию и результат. Предмет играет пассивную роль, а технологии как средства-методы являют собой активное начало, благодаря которым предмет преобразуется в результат. Процесс, в котором предметом и/или результатом является информация, называется *информационным*.

Обычно среди информационных процессов выделяют три основных: передача информации, ее хранение и обработка. Остальные же, например поиск, создание, проверка, анализ, защита и другие, можно, так или иначе, свести к этим трем.

Как и в любом процессе, для реализации информационного процесса нужны некие инструменты, которые предмет превратят в результат, другими словами, требуется некая технология. В нашем случае информационная – средства и методы для формирования и управления информационными процессами.

Поскольку информационные процессы в обществе имеют огромное значение, совершенствование информационных технологий является одним из приоритетных направлений его развития, позволяющего рационализировать информационные процессы в обществе и повысить экономию различных видов ресурсов (материальных, трудовых, временных и т. д.).

Так, в истории развития информационных технологий можно выделить несколько ключевых этапов (так называемых информационных революций), каждый из которых нес свои когнитивные, коммуникативные или другие преимущества в сравнении с предыдущими: 1) появление памяти; 2) появление невербального языка; 3) изобретение вербального языка; 4) изобретение книгопечатания; 5) изобретение телефонии и телевидения; 6) изобретение микроэлектроники.

Все эти технологии появлялись поэтапно и отражали социокультурное развитие когнитивных и коммуникативных способностей человека. Благодаря последней информационной революции появилась возможность автоматизировать работу с информационными процессами, снизить количество рутинной деятельности человека, вывести производственные и иные процессы на качественно иной уровень, существенно изменить форму социальных коммуникаций.

Итак, появление информатики и современных информационных технологий, построенных на основе компьютерной и телекоммуникационной техники, явилось следствием изменения нашего общества, продиктованного личными и социальными потребностями.

В свою очередь потребность в информатизации (автоматизации информационных процессов) послужила толчком к повышению интереса ученых к социальным и другим проблемам этого процесса и появлению понятия информационного общества. Однако мы солидарны с мнением американского социолога М. Кастельса, который считает, что понятие «информационное общество» весьма неподходящий термин, поскольку любой тип общества использует информацию. Следовательно, термин «информационное общество» имеет не большую аналитическую ценность для определения особенностей наступающей эпохи [10].

Таким образом, подход, согласно которому в обществе значительно возросла роль информации и, тем самым, движущей силой становления нового типа общества становится не материальное производство, а информационное, не отражает должным образом своеобразия новой социальной формации. Информация никогда не переставала быть этой движущей силой. К тому же, на наш взгляд, недопустимо отодвигать материальное производство на задний план: современное общество и, в частности, современный человек нуждаются в первую очередь не в информации, а в материальных ресурсах (пища, одежда, кров и др.), которые невозможно заменить информацией.

И хотя Кастельс предложил другое понятие, а именно сетевое общество, мы не считаем целесообразным вводить какое-то новое понятие для обозначения нового типа общества. На наш взгляд, достаточно понимать ключевую особенность этого общества, суть которой состоит в автоматизации информационных процессов. Исходя из такой трактовки, можно объяснить экономические изменения (рост экономической ценности информации, повышение роли информационной сферы общества и т. д.), изменения в сфере культуры (автоматизация информационных процессов позволила неоднократно увеличить объемы обрабатываемой и передаваемой информации и, в свою очередь, область распространения), процесс глобализации общества (превращение мирового пространства в единое сообщество людей) и многие другие социокультурные трансформации.

Итак, информационное общество – это общество *информатизированное*, т. е. общество, в котором автоматизированы информационные процессы. В такой трактовке основным смыслообразующим элементом становления информационного общества является не информация, а автоматизация информационных процессов, осуществляемая посредством информационных технологий. Благодаря ей произошло качественное изменение сфер деятельности общества, а также существенная трансформация всех форм социальных коммуникаций. И именно автоматизация, по нашему мнению, является действительной причиной становления нового типа общества.

Примечания

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 2004. 788 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 1999. 784 с.
3. Masuda Y. Information Society as Postindustrial Society. Wash., 1983.
4. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 21.
5. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Информатика // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М.: Сов. энцикл., 1972. Т. 10. С. 25.
6. Там же. С. 348.
7. Колин К. К. Философские проблемы информатики. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. 264 с.
8. Канке В. А. История, философия и методология техники и информатики: учебник для магистров. М.: Изд-во Юрайт, 2013. С. 246.
9. Вунгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 72.
10. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2000. P. 21.

Notes

1. Bell D. Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyit sotsialnogo prognozirovaniya [Future post-industrial society. Experience of social forecasting]. Moscow: Academia Publ., 2004. 788 pages.
2. Toffler E. Tretya volna [The third wave]. Moscow: ACT Publ., 1999. 784 pages.
3. Masuda Y. Information Society as Postindustrial Society. Wash., 1983.
4. Uebster F. Teorii informatsionnogo obschestva [Theory of information society]. Moscow: Aspect Press Publ., 2004. P. 21.

5. *Mikhaylov A. I. Black A. I., Gilyarevsky R. S.* Informatika [Informatics]// Bolshaya sovetskaya entsiklopediya – Big Soviet encyclopedia: in 30 vol. / chief editor A. M. Prokhorov. Ed. 3. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1972. Vol. 10. P. 25.
6. In the same place. P. 348.
7. *Colin K. K.* Filosofskie problemy informatiki [Philosophical problems of informatics]. Moscow: Binom. Laboratoriya znaniy Publ., 2010. 264 pages.
8. *Kanke V. A.* Istoriya, filosofiya i metodologiya tehniki i informatiki: uchebnik dlya ma-gistrov [History, philosophy and methodology of technics and informatics: textbook for masters. Moscow: Yurayt Publ., 2013. P. 246.
9. *Wittgenstein L.* O dostovernosti [About reliability]// Voprosyi filosofii - Philosophy Questions., 1991, No. 2. P. 72.
10. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 2000. P. 21.

УДК 316

В. В. Загребин

Социально опасные девиации современной молодежи: теория и практика

Статья, посвященная теоретическому осмыслению девиантного поведения молодежи, содержит анализ различных его форм, включая злоупотребление алкоголем, наркоманию и табакокурение.

The article on the theoretical understanding of deviant behavior among youth provides an analysis of its various forms, including alcohol abuse, drug addiction and smoking.

Ключевые слова: молодежь, девиантное поведение, алкоголизм, наркомания, табакокурение.

Keywords: youth, deviant behavior, alcohol abuse, drug addiction, smoking.

В своем анализе мы будем исходить из определения молодежи, предлагаемого А. Л. Сагаевым и А. В. Шишкиным, синтезирующего социологический и демографический подходы: «Молодежь – это социально-демографическая возрастная группа в интервале от 14 до 30 лет, проходящая стадию социализации, то есть характеризующаяся отсутствием полного перечня основных социальных функций, определяющих статус взрослого (образование, работа, профессия, жилье, семья)» [1, с. 50–58]. В то же время мы согласны с мнением Б. А. Ручкина, согласно которому молодежный возраст довольно сложно рассматривать как целостный объект исследования, предлагающего разбить процесс молодежной социализации на следующие периоды: подростки – до 18 лет, молодежь – 18–24, молодые взрослые – 25–30 [2, с. 90–98].

В современных условиях российского общества происходит переориентация системы ценностей молодежи, увеличиваются молодежные амбиции, нарастают потребительские желания, прежние ценности вытесняются идеей личного блага, материального благополучия, представлениями об удовольствии как главной жизненной ценности. В то же время наблюдается сокращение общедоступных каналов вертикальной социальной мобильности, многие виды профессиональной деятельности для молодежи являются малоодоходными и непривлекательными, а профессиональное обучение дорогим. В связи с этим среди молодежи наблюдается утрата социального оптимизма. На этом неблагоприятном фоне важнейшим личностным фактором девиантного (отклоняющегося) поведения является интерес к необычным ощущениям, эйфории, которые вызываются при употреблении психоактивных средств.

В настоящее время существуют многочисленные и малосвязанные друг с другом теоретические подходы и концепции девиантного поведения. Мы следуем в своем анализе за так называемой функционалистской теорией, согласно которой девиантное поведение рассматривается как результат структурных сбоев и отсутствия в обществе морального регули-

рования. Если желания отдельных людей или групп в обществе не совпадают с получаемым вознаграждением, этот разрыв между желаниями и их осуществлением может проявиться в девиантных мотивациях некоторых его членов (Э. Дюркгейм, Роберт К. Мертон).

Поскольку девиантное поведение часто определяется как отклонение от общепринятых норм, существует необходимость дать определение самой социальной нормы. В литературе под социальной нормой понимается не только какое-то общее правило, но и реально существующий тип массового поведения, отображающий типичные социальные связи и отношения, характерные для большинства представителей данного класса или социальной группы, одобряется ими и встречается наиболее часто [3].

В зависимости от степени причиняемого вреда интересам личности, социальной группе, обществу в целом, а также типа нарушаемых норм, можно выделить следующие основные виды девиантного поведения: *деструктивное поведение*, причиняющее вред только самой личности и не соответствующее общепринятым социально-нравственным нормам (накопительство, конформизм, мазохизм и др.); *ассоциативное поведение*, причиняющее вред личности и социальным общностям (семья, соседи, друзья и пр.) и проявляющееся в алкоголизме, наркомании, табакокурении и др.; *противоправное поведение*, представляющее собою нарушение как моральных, так и правовых норм и выражающееся в грабежах, убийствах и других преступлениях [4].

Девиантное поведение – это чаще всего попытка уйти из общества, убежать от повседневных жизненных проблем и невзгод, преодолеть состояние неуверенности через определенные компенсаторные формы. Однако девиантное поведение не всегда носит негативный характер. Оно может быть связано со стремлением личности к новому опыту, попыткой преодолеть традиционализм, мешающий двигаться вперед. Поэтому отклонением являются и различные виды научного, технического и художественного творчества [5].

Таким образом, отклоняющееся поведение играет в обществе двойную роль: с одной стороны, представляет угрозу стабильности общества, с другой – поддерживает эту стабильность. Так, при наличии в обществе или социальной группе многочисленных случаев социальных отклонений люди утрачивают чувство ожидаемого поведения. Происходит дезорганизация культуры и разрушение социального порядка. С другой стороны, девиантное поведение является одним из путей адаптации культуры к социальным изменениям.

Изучение девиантного поведения в молодежной среде в большинстве случаев сопряжено с трудностями. Дело в том, что девиантное поведение молодежи часто ассоциируется с действиями, которые осуждаются общественностью, но преступлениями не являются. Антиобщественное поведение и неконформность молодых людей можно рассматривать как девиацию, но оно может быть и проявлением структурных и иных отклонений самого общества.

Рассмотрим подробнее наиболее распространенные формы девиантного поведения среди молодежи, а именно злоупотребление алкоголем, наркоманию, табакокурение.

Зарубежные исследования последнего времени показывают, что употребление наркотиков, алкоголя и табакокурение в среде молодежи остается острой проблемой современного общества. Результаты обследования почти 7000 подростков в возрасте 15–16 лет показали, что более 94% употребляют алкоголь, примерно одна треть за предшествовавшие обследованию тридцать дней выкурила хотя бы одну сигарету и 42% хотя бы однажды попробовали запрещенные наркотики [6].

Одним из самых распространенных форм девиантного поведения среди молодежи является злоупотребление спиртными напитками. Часто это выступает в качестве катализатора, способствующего проявлению иных видов социальных отклонений: административных нарушений, аморального, агрессивного поведения, преступности и др. Алкоголь отрицательно сказывается на течении психических процессов, дезорганизует процессы возбуждения и торможения, расстраивает сознание и волю. Алкогольная ситуация сегодня характеризуется изменением возрастной структуры потребления алкоголя. Возраст лиц, систематически потребляющих алкоголь, существенно снизился. В последнее десятилетие выросла доля младших возрастных когорт среди регулярно пьющих [7].

Важно отметить, что в молодом возрасте основным мотивом употребления алкоголя является подражание. Лидирующими мотивами употребления алкоголя выступают: употребление «за компанию», «по традиции», для того чтобы «выйти из депрессии», «для удовольствия» и «для повышения уверенности в себе» [8].

Проблема преодоления злоупотребления спиртными напитками является комплексной, включает проведение экономических, социальных, культурных, психологических, демографических, юридических и медицинских мероприятий. Только с учетом всех перечисленных аспектов возможно ее успешное решение.

Опасной формой отклоняющего поведения является наркотизация молодежи. Тенденция по употреблению наркотиков в настоящее время меняется: произошел сдвиг от «тяжелых» наркотиков, таких, как героин, к более «легким» наркотикам, подобным амфетаминам, алкоголю и экстази. В особенности употребление экстази символизирует определенный образ жизни, ассоциируемый с субкультурой клубов, а не с дорогостоящими наркотическими пристрастиями.

Наркотизм – молодежное явление. Подавляющее большинство потребителей наркотиков – это молодые люди в возрасте до 30 лет. Две трети из них пробуют наркотики в возрасте до 19 лет. В последние десятилетия уровень наркотизации молодежи стремительно возрастает. По данным общероссийского мониторингового исследования, проведенного Центром социологического прогнозирования в 2002, 2003, 2004 гг. по заказу Министерства образования и науки РФ, доля несовершеннолетних и молодежи в возрасте 11–24 лет, информированных о различных наркотических средствах, устойчиво держится на уровне 70%, а доля потребляющих наркотики с частотой не менее двух-трех раз в месяц и чаще составляет 13%, или около 4 млн человек [9].

Результаты социологических исследований показывают, что главные мотивы потребления наркотиков – жажда удовольствий, желание испытать острые ощущения, эйфория. Мотивы молодых людей характеризуются социальной незрелостью, беспечностью, легкомыслием. Прежние ценности вытесняются идеей личного блага, материального благополучия. Потребление наркотиков в молодежной среде очень часто носит групповой характер [10, с. 95–101].

Характер таких групп за последнее время принципиально изменился. Если раньше группы лиц, совместно потребляющих наркотические средства, формировались спорадически, специально для того, чтобы облегчить себе приобретение наркотика, то сейчас возникают группы, целью которых является употребление наркотиков в качестве способа проведения досуга, тогда как добывание наркотических веществ не является проблемой. Доступность наркотиков приводит к декриминализации их употребления и облегчает включение в наркопотребление представителей социально благополучных слоев. Потребление наркотиков постепенно становится социокультурной нормой [11].

Несмотря на слаженную работу власти и правоохранительных органов, проблема наркотизации остается острой. Например, в течение 2012 г. правоохранительными органами Кировской области из незаконного оборота изъято 182,241 кг наркотических средств, что на 147% больше, чем в 2011 г. Как и в предыдущие годы, в большей степени изымаются у населения наркотические средства растительного происхождения: «маковая солома» – 91,727 кг (50% от общего веса изъятых наркотиков) и «марихуана» – 78,394 кг (43% в общем объеме).

Анализ результатов деятельности правоохранительных органов в 2012 г. показывает, что наиболее часто изымались следующие наркотические средства: курительные смеси – 234 факта (2011 г. – 124), «маковая солома» – 99 (2011 г. – 109), «марихуана» – 91 (2011 г. – 71), «гашиш» – 78 (2011 г. – 34), «дезоморфин» – 58 (2011 г. – 145). В целом вес изъятых в Кировской области синтетических наркотиков увеличился на 189% и составил 6,12 кг (2011 г. – 2,119 кг). Кроме того, заметно увеличился незаконный оборот «героина» (2012 г. – 1,323 кг, 2011 г. – 0,076 кг) и «гашиша» (2012 г. – 4,484 кг, 2011 г. – 2,083 кг) [12].

Следующей распространенной формой девиантного поведения молодежи является потребление табачных изделий. Обычно курение рассматривается как фактор риска, способствующий впоследствии формированию хронических заболеваний. Вместе с тем растущий организм обладает повышенной чувствительностью к влиянию неблагоприятных факторов, и для построения программ по профилактике табакокурения очень важно иметь более полные представления о последствиях раннего курения.

В состав всех видов табачных изделий входит алкалоид никотин, который и является главной причиной привыкания людей к потреблению табака. Никотин является сильным психоактивным веществом. Дозы, содержащиеся в табачных изделиях, вызывают у потребителей чувство удовольствия и удовлетворенности. Никотин способствует ослаблению таких

состояний, как скука, стресс. Никотиновая зависимость, как и другие формы наркотической зависимости, представляет собой прогрессирующее рецидивирующее расстройство. Тяжесть его варьируется от слабой до сильной, когда человеку трудно отказаться от курения, чтобы преодолеть зависимость и избежать выраженных ухудшений состояния здоровья [13].

Эксперты ВОЗ выделяют следующие обстоятельства, способствующие началу и поддержанию курения подростков: наличие курящих в семье, курение друзей и сверстников; отсутствие четких жизненных целей и низкая успеваемость в школе; отношение к курению как проявлению независимости и даже мужества, вызов общественным нормам поведения; курение рассматривается подростком как отдаленная потенциальная опасность; социальная приемлемость курения в конкретном обществе. Также исследователи отмечают такие причины начала курения, как любопытство, пример друзей и взрослых, влияние средств массовой информации, реклама, боязнь оказаться несовременным, отстать от сверстников [14].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Не существует универсального единого подхода, который мог бы объяснить всю совокупность причин появления и распространения девиантного поведения. Понятие «молодежь» является ключевым в анализе феномена молодежных девиаций, в частности таких индивидуально и социально опасных проявлений, как наркомания, пьянство и табакокурение.

В современных условиях российского общества, где определяющими критериями системы ценностей являются потеря базовых ориентаций и отсутствие руководящих норм, особенно сильны социально опасные проявления среди молодежи с наименьшими экономическими возможностями. Данная социальная группа потенциально более склонна усваивать девиантные формы поведения – употреблять наркотики, алкоголь, табачные изделия и т. д.

Примечания

1. Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Молодежные группировки: опыт пилотного исследования // СОЦИС. 2004. № 9. С. 50–58.
2. Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // СОЦИС. 1998. № 5. С. 90–98.
3. Плахов В. Д. Социальная норма и отклонение // СОЦИС. 1995. № 11. С. 131–134.
4. Глинский Я. И. Социология девиантности (новеллы и перспективы) // СОЦИС. 2009. № 8. С. 70–73.
5. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М., 2001. С. 160.
6. Miller, Patrick McC. and Martin Plant 1996. Drinking, smoking and illicit drug use among 15 and 16 year olds in the United Kingdom // British Medical Journal, 313.
7. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия (Доклад Совета Общественной палаты РФ от 13 мая 2009 г.). М., 2009. 84 с.
8. Загребин В. В. Инновационный потенциал современной молодежи: проблемы и условия развития: материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф. / ВГУ. Киров, 2010. С. 159–164.
9. Салагаев А. Л. Наркотизация молодежи в группах риска: от изучения к профилактике. М., 2004. С. 188.
10. Комлев Ю. Ю. От социологического изучения феномена к обновлению антинаркотических практик // СОЦИС. 2005. № 6. С. 95–101.
11. Мерзаканов С. А. Духовный кризис в обществе и криминализация молодежного сознания, поведения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2010. № 1. URL: http://www.online-science.ru/m/products/pedagogical_science/gid66/pg0/ (22.06.2013)
12. Доклад о наркоситуации в Кировской области по итогам 2012 года // Антинаркотическая комиссия в Кировской области. Киров, 2013. 62 с.
13. Шубочкина Е. И. Курение подростков как проблема охраны здоровья // Охрана здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности: интернет-конференция. 2007. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16206952.html> (22.06.2013)
14. Журавлёва И. В. Здоровье подростков: социологический анализ. М.: Институт социологии РАН, 2002.

Notes

1. Salagayev A. L. Shashkin A. V. Molodezhnyie gruppировки: opyt pilotnogo issledovaniya [Youth groups: experience of pilot research]//SOTsIS Publ., 2004. No. 9. Pp. 50–58.
2. Ruchkin B. A. Molodezh i stanovlenie novoy Rossii [Youth and formation of new Russia]//SOTsIS Publ., 1998, No. 5. Pp. 90–98.
3. Plakhov V. D. Sotsialnaya norma i otklonenie [Social norm and deviation]//SOTsIS Publ., 1995, No. 11. Pp. 131–134.

4. Glinsky Y. I. Sotsiologiya deviantnosti (novellyi i perspektivy) [Sociology of deviance (short story and prospects)]//SOTsIS Publ., 2009, No. 8. Pp. 70–73.
5. Kleyberg Y. A. Psihologiya deviantnogo povedeniya [Psychology of deviant behavior]. Moscow 2001. P. 160.
6. Miller, Patrick McC. and Martin Plant 1996. Drinking, smoking and illicit drug use among 15 and 16 year olds in the United Kingdom//British Medical Journal, 313 p.
7. Abuse of alcohol in the Russian Federation: socially economic consequences and counteraction measures. The report of Council of the Civic chamber of the Russian Federation of May 13, 2009. Moscow 2009, 84 pages. (In Russ.)
8. Zagrebin V. V. [Innovative potential of modern youth: problems and development conditions]. Materialyi Vseros. zaochnoy nauch. prakt.konferencii [Materials of All-Russia absent science and practice conference. / Vyatka State University of Humatities. Kirov, 2010. Pp. 159–164.
9. Salagayev A. L. Narkotizatsiya molodezhi v gruppah riska: ot izucheniya k profilaktike [Narkotization of youth in groups of risk: from studying to prevention]. Moscow 2004. P. 188.
10. Komlev Yu. Yu. Ot sotsiologicheskogo izucheniya fenomena k obnovleniyu antinarkoticheskikh praktik [From sociological studying of a phenomenon to updating of antinarcotic practicies]//SOTsIS Publ., 2005, No. 6. Pp. 95–101.
11. Merzakanov S. A. [Spiritual crisis in society and criminalization of youth consciousness, behavior]// Gumanitarnyye, sotsialno ekonomicheskie i obschestvennyie nauki, 2010, No. 1 (In Russ.) Available at: http://www.onlinescience.ru/m/products/pedagogical_science/gid66/pg0/ (accessed 22.06.2013)
12. The report on a narcosituation in the Kirov region following the results of 2012 (in Russ.)// Anti-narcotic commission in the Kirov region. Kirov, 2013, 62 pages.
13. Shubochkina E. I. [Smoking of teenagers as health protection problem]// Ohrana zdorovya: problemyi organizatsii, upravleniya i urovni ot-vetstvennosti: internet konferentsiya [Health protection: problems of the organization, management and responsibility levels: Internet conference]. 2007 (In Russ.) Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16206952.html> (accessed 22.06.2013)
14. Zhuravlyova I. V. Zdorove podrostkov: sotsiologicheskiiy analiz [Health of teenagers: sociological analysis]. Moscow: Institute of sociology of the Russian Academy of Sciences, 2002.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.342)“1918/1922”:332.1

П. Н. Шарабаров

Функционирование городского хозяйства Вятки в 1918–1922 гг.

В статье анализируется развитие городского хозяйства Вятки в условиях перехода власти к большевикам и Гражданской войны. Дается характеристика основных проблем, с которыми сталкивалась новая власть, пути разрешения трудностей.

The article analyzes the development of the city economy of the Vyatka in the conditions of transition of power to the Bolsheviks during the Civil war and the main problems faced by the new government, ways to resolve difficulties.

Ключевые слова: Вятка, городской совет, городское хозяйство, коммунальное обслуживание, благоустройство.

Keywords: Vyatka, city council, the municipal Management, utilities, landscaping.

Накануне революционных потрясений 1917 г. Вятка являлась центром одной из крупнейших в России губерний. В городе проживали 40 908 человек, в основном являвшихся главным образом мещанами и крестьянами [1]. Столица губернии представляла собой сравнительно благоустроенный город: в 1897 г. была построена телефонная станция, в 1899 г. – городской водопровод, в 1903 г. – электростанция, центральные улицы города были замощены; имелся постоянно действующий ассенизационный обоз, городские кузницы, скотобойня и др.

Охватившие нашу страну социальные потрясения самым непосредственным образом затронули и г. Вятку. В конце 1917 г. в условиях политического противостояния большевизирующегося Вятского городского совета и Верховного совета по управлению Вятской губернией, сформированного кадетами, меньшевиками и эсерами, основные звенья городского хозяйства фактически приостановили работу. В течение декабря 1917 г. большинство учреждений города охватила забастовка служащих, сопровождавшаяся массовыми погромами городского имущества: были испорчены водопровод, телефон и телеграф, в ряде мест оборваны электропровода, выведена из строя главная машина электростанции [2].

26 февраля 1918 г. исполком Вятского городского совета вынес решение о роспуске городской думы и управы. Хозяйство города перешло в ведение особой коллегии городского самоуправления, возглавляемой А. С. Трубинским [3]. В ведение коллегии были переданы городские коммунальные предприятия.

Вскоре орган городского самоуправления был переименован в коммуны, затем ее функции были переданы отделу местного хозяйства горсовета. Именно ему предстояло координировать вопросы городского хозяйства, контролировать деятельность основных предприятий по удовлетворению повседневных коммунальных, бытовых и социально-культурных нужд жителей Вятки. Однако, как отмечал в январе 1920 г. председатель отдела местного хозяйства при горсовете В. И. Лалетин, «весь 1918 год пошел на борьбу с саботажем служащих, на устройство разрушенных предприятий, да еще, главным образом, на ознакомление с городским хозяйством избранных советом рабочих, совсем не подготовленных к этого рода деятельности» [4]. Лишь с начала 1919 г. была намечена определенная планомерная работа, поскольку это позволяли финансовые средства совета. Были составлены специальные сметы по всем видам деятельности, но и этим планам не суждено было реализоваться.

Весной – летом 1919 г. в связи с наступлением войск Колчака Вятка стала прифронтовым городом. Здесь разместилось большое количество войск, штаб Третьей армии Восточного фронта, лазареты, многие учреждения были эвакуированы [5]. Совершенно естественно, что вопросы городского благоустройства, функционирования основных городских предприятий были отодвинуты на второй план.

Документы, сохранившиеся в архивных фондах Кировских архивов, пестрят сообщениями о крайне плачевном состоянии городского хозяйства. В период военного лихолетья фактически исчезли источники финансирования городского бюджета ввиду неплатежеспособности населения и огромных долгов города, доставшихся в наследство от органов управления Временного правительства. По сообщению отдела местного хозяйства Вятского горсовета, только за 1928 г. цены на основные материалы выросли на 10 000%, а на услуги рабочих рук – в пять раз [6]. Совершенно естественно, что в подобных условиях губернский город превратился в абсолютно дотационный, финансово зависимый от Москвы. Только с июля 1918 г. по ноябрь 1919 г. городской бюджет получил четыре ссуды на общую сумму 6 126 224 руб. Конечно, простое вливание денежных средств, к тому же катастрофически обесценивающихся в условиях военного коммунизма, не могло снять всех проблем; хроническим стал дефицит городского бюджета, достигший по итогам 1919 г. суммы в 2 072 963 руб. 8 коп. [7]

Крайне остро стояла жилищная проблема. Жилой фонд дореволюционной Вятки (по состоянию на 1905 г.) составлял 2 370 домов (1 471 домовладение), состоящих в частном владении, казенные дома были исключением [8]. В соответствии с декретом ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», в Вятке в 1918 г. было муниципализировано свыше 200 зданий, причем вскоре часть их была возвращена обратно владельцам, «во-первых, ввиду их сравнительной бездоходности, и во-вторых, по выяснившейся необеспеченности некоторых граждан» [9]. Используя именно этот малый жилой фонд, горсовет должен был размещать детские дома, школы, дать жилье рабочим и служащим.

Однако, как отмечалось выше, весной – летом 1919 г. в Вятке почти все крупные муниципализированные дома были заняты воинскими частями штаба Третьей армии Восточного фронта и лазаретами, а с сентября, после освобождения помещений воинскими учреждениями и их частями, на смену им пришли лазареты Шестой армии, развернувшиеся в количестве до 5 000 коек [10]. Кроме того, в город хлынул поток беженцев. Губернский центр буквально задыхался от перенаселения, массу приехавших в город граждан с большим трудом удавалось разместить по квартирам и комнатам. Приходилось проводить периодические выселения, уплотнения населения. Характерно, что с удалением фронта Гражданской войны от Вятки ситуация не улучшилась.

Оказалось, что пребывание воинских частей в Вятке сопровождалось массовыми погромами городского имущества. По сообщению отдела местного хозяйства горсовета, воинские части оставляли помещения в самом запущенном состоянии: была отбита вся штукатурка не только на стенах, но и на потолках, поломаны двери, окна, снята электрическая арматура, изломана часть мебели, а остальная увезена из города, особенно частями штаба Третьей армии. Интересно, что «части занимали помещения самовольно и уезжали, не предупредив об этом отдел местного хозяйства, благодаря чему не представлялась возможность установить с представителями воинских частей всех убытков, причиненных этими частями» [11].

Вполне естественно, что городские власти были крайне недовольны указанным обстоятельством. 22 декабря 1919 г. в отдел местного хозяйства НКВД было даже направлено обращение с просьбой не размещать в городе дополнительных воинских частей [12]. Незадолго до этого горсовет вынужден был обратиться в СНК РСФСР с просьбой запретить въезд людей в г. Вятку «ввиду начавшейся эпидемии сыпного тифа и чрезвычайной скученности населения в городе» [13].

Следует отметить, что городской жилой фонд страдал не только от воинских частей, но и от обыкновенных жителей, занимавших муниципализированные здания. Пользование жильем было бесплатным и можно себе представить, как относились квартиранты к такому жилью, «оставляя их в самом невозможном состоянии» [14]. При налаживании мирной жизни, в 1920 г., на ремонт жилых зданий горсовет испрашивал порядка 16 млн руб. [15]. О но-

вом строительстве речь пока не шла. Кроме того, в мае 1922 г. президиум губисполкома принял постановление о взимании платы за пользование жилой площадью, создав тем самым финансовую основу для ее сохранности [16]. Наступало время восстановления городского жилого фонда.

Тяжелейшие условия Гражданской войны и острого продовольственного кризиса вынуждали городские власти максимально использовать все имеющиеся ресурсы для обеспечения населения самым необходимым, в связи с чем городу приходилось выполнять, казалось бы, несвойственные ему функции. В черте и окрестностях губернского города имелся фонд сельскохозяйственных угодий, представленный «345 десятин удобной, 40 десятин неудобной земли» [17]. По оценке земельного отдела при горсовете, все городские земли, пригодные для сельскохозяйственных целей, были задействованы для заготовки продовольствия [18]. Так, в 1918 г. 15 десятин земли было занято под выращивание овощей, в результате удалось собрать урожай в 3 000 пудов. В 1919 г. на площади в 8 десятин удалось наладить культивирование хлебных злаков, которых удалось смолотить 17 000 пудов [19].

Этим сельскохозяйственная деятельность горсовета не ограничивалась. В 1919 г. были организованы две молочные фермы с общим количеством коров в 53 головы. Тогда же были оборудованы парники, цветочные оранжереи и теплицы; произведен ряд построек для нужд ферм, приобретен инвентарь (косилки, жнейки, плуги, сенокосилки и т. д.); организована кузница для ремонта инвентаря, приобретены 23 лошади, необходимые для функционирования хозяйства [20].

Городу фактически приходилось жить натуральным хозяйством. Как вспоминал А. С. Трубинский, «горсоветом было организовано подсобное огородное хозяйство. В 1918 г. оно дало прекрасный урожай овощей на площади 2 гектаров» [21]. К 1920 г. огородной работой были охвачены практически все жители Вятки. По сообщению «Вятской правды», «под гряды и огороды отведены участки, которые ранее для этого никогда не были использованы. Между прочим, под огороды ныне вспаханы площади у губернской больницы и у Александровского собора. Многие граждане уделяют весь свой досуг только огородной работе» [22]. Словом, люди выживали, как могли.

Город был также крайне заинтересован в наиболее эффективном использовании окрестных заливных лугов, размер которых исчислялся в 200 десятин [23]. Летом 1919 г. для предохранения лугов от порчи проездами на протяжении 200 сажен были устроены так называемые тумбовые заграждения, был нанят сторож. К тому же городским властям пришлось отобрать покосы у окрестных крестьян, которые самовольно заняли часть имевшихся в распоряжении г. Вятки лугов. В результате если в 1918 г. городу удалось собрать 4 000 пудов сена, то в 1919 г. – уже 20 000 пудов [24]. Таким образом, потребности в сене городских молочных ферм, лошадей пожарных команд и ассенизационных обозов частично удовлетворялись собственными силами.

Наличие собственного фонда продовольствия позволило открыть в городе первые общественные столовые. Соответствующее решение было принято 29 октября 1918 г. на заседании коллегии городского продовольственного отдела [25]. Очевидно, что наличие столовых значительно облегчало непростую продовольственную ситуацию в городе.

Городские власти очень внимательно относились к повышению урожайности сельскохозяйственных угодий. Вывозимые из города нечистоты при отсутствии в них бытового мусора являлись отличным удобрением. В связи с этим жителям Вятки еще в начале 1920-х гг. предписывалось сортировать отходы. В соответствии с обязательным постановлением президиума горсовета от 15 ноября 1921 г., все учреждения, организации, граждане обязывались «ни в коем случае не бросать в ватер клозеты: битой посуды, черепья, кирпичей, стекла, тряпок, валенок и пр.» [26] Подобный мусор необходимо было бросать отдельно в ямы, при неимении таковых – в специальные деревянные ящики. Борьба за экологию и отдельный выброс мусора была актуальна и более чем 90 лет назад.

Интересно, что вятчане молодой советской республики были знакомы и с вопросом перехода на энергосберегающие лампочки. Только в то время экономичными называли лампы накаливания, так как они потребляли энергии в 3,5 раза меньше традиционных более дешевых угольных лампочек. 30 октября 1920 г. при президиуме горсовета состоялось совещание, на котором указывалось на необходимость изъятия у граждан угольных лампочек как требующих большого количества энергии [27]. Лампы накаливания очень высоко ценились, бы-

ли буквально на пересчет. Одна лампочка за свою эксплуатацию могла сменить несколько домов и учреждений, источники света сдавали в аренду. Так, осенью 1920 г. президиум горсовета предлагал заведующему электротеатром «Колизей» сдать пять электрических лампочек, взятых им во временное пользование [28].

В целом вопросы обеспечения электрической энергией жителей и предприятий Вятки стояли очень остро. Городская электрическая станция значительно пострадала во время забастовки рабочих и служащих в конце 1917 г. Как вспоминал А. С. Трубинский, «электростанцию удалось восстановить быстро, хотя главная машина не подавала надежд на долгую жизнь, так как была сильно испорчена. Требовалось новое оборудование для электростанции. Горсовет обратился непосредственно к В. И. Ленину. Просьба была удовлетворена» [29]. Однако была необходима коренная реконструкция имевшегося оборудования. Заведующий электростанцией В. Салин указывал, что его предприятие не справится с поставленными задачами, вследствие не соответствовавшего нагрузкам сечения проводов [30]. Огромной проблемой была нехватка квалифицированных инженеров-электриков, перегрузка оборудования. В связи с этим прекратилось освещение городских улиц, устанавливалось периодическое ограничение пользования электроэнергией в ночное и вечернее время [31]. Например, осенью 1920 г. кинематографические сеансы должны были производиться не позже 8 часов вечера, пользование прожекторами на сценах театров также запрещалось [32]. 12 октября 1921 г. президиум горсовета постановил в силу чрезвычайной перегруженности электростанции «не принимать заявлений о подключении к электричеству; ввести ограничение пользования электричеством – не ранее пяти часов вечера и не позднее одного часа ночи, кроме режимных объектов» [33]. По оценке В. Салина, «период 1918–1920 гг. характеризуется полной беспомощностью как в снабжении, так и в управлении станции. Благодаря бесплатности энергии станция и сеть сильно перегружается до того, что лампы горят почти красным накалом и в помощь электричеству приходится зажигать керосин, у кого он имелся» [34].

Пользование электроэнергией в начале 1920-х гг. было своеобразной привилегией, доступной далеко не всем. Граждане, желающие обзавестись лампочкой, должны были предоставить обоснования, доказывающие эту необходимость (например, особая профессиональная, научная деятельность). На пользующихся электричеством жителей города заводилась особая регистрационная карточка, в которой, помимо всего прочего, указывался объем энергии, разрешенный к использованию. К тому же плата за электричество периодически повышалась.

В соответствии с обязательным постановлением президиума горсовета от 28 февраля 1922 г., «электрической энергией удовлетворялись в первую очередь государственные, партийные и профессиональные организации; во вторую – кооперативные и общественные учреждения-организации; в третью – рабочие и служащие государственных, партийных, профессиональных и кооперативных организаций; в четвертую – все остальные в зависимости от имеющейся электрической энергии» [35]. Не трудно догадаться, что до «всех остальных» очередь доходила крайне редко. Проблема обеспечения электроэнергией городских жителей и предприятий могла решиться лишь со строительством новой электростанции, на которую средств, к сожалению, не было.

На фронты Гражданской войны требовались не только люди, но и большое количество лошадей. В связи с многочисленными мобилизациями лошадей, которые являлись главной тягловой силой, в городе крайне остро стоял вопрос ассенизации. В условиях большой скученности населения и значительного количества воинских частей и лазаретов в данном направлении предстояла большая работа.

Следует отметить, что канализации в городе не имелось как таковой, поэтому проблема вывоза нечистот приобретала особое звучание. В ноябре 1919 г. Вятка была разделена на два района, обшуживающихся двумя ассенизационными обозами. Первый район ограничивался улицами Луковицкой (современная ул. Профсоюзная) и Копанской (современная ул. Герцена), второй – Копанской и Больше-Хлыновской (современная ул. Азина). Кроме того, ко второму району относилась Советская площадь (бывшая Кафедральная площадь, район современного стадиона «Динамо») [36]. Сил горсовета явно не хватало, поэтому уже 26 декабря 1919 г. «ввиду грозящего кризиса загрязнения города нечистотами» отдел местного хозяйства принял решение о мобилизации частных ассенизаторов [37]. Однако и те, ввиду многочисленных мобилизаций, особой помощи предложить не могли.

Город постоянно балансировал на грани катастрофы. Председатель горсовета П. П. Капустин прямо заявил на пленарном заседании совета 10 февраля 1920 г.: «Загрязнены нечистотами дворы, выгребные ямы переполнены» [38]. Даже знаменитое здание присутственных мест находилось в ужасном состоянии: «Водопровод замерз, трубы полопались, ватер-клозеты переполнены нечистотами, по всему зданию зловоние, сырость и т. д.» [39] Примечательно, что перед этой проблемой оказались все равны, даже сотрудники Губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (губЧК). Четверо чекистов, проживавших в доме № 29 по ул. Коммуны (современная ул. Московская), вынуждены были обратиться в президиум горсовета с жалобой на антисанитарные условия их квартиры: «Ватер клозеты переполнены нечистотами до такой степени, что жидкость бежит по стенам, водопровод заморожен» [40]. Членов губЧК, конечно, переселили, но можно представить, в каких условиях жили простые граждане. Отделом местного хозяйства выход из ситуации виделся в использовании дополнительных рабочих рук, в частности в принудительном привлечении крестьян из окрестных деревень [41]. Как бы то ни было, но в условиях постоянно растущей численности населения города необходимы были структурные изменения и в этом направлении городского хозяйства.

Городские власти сталкивались и с проблемой очистки улиц города от продуктов жизнедеятельности лошадей. На заседании городского комитета по трудовой повинности 29 марта 1920 г. положение города было признано катастрофическим «в смысле его загрязнения нечистотами и навозом, что препятствует всякой езде на лошадях». В связи с этим жители Вятки обязаны были коллективно своими силами очистить «свои кварталы и дворы от навоза и сгрести его в груды» в семидневный срок. В противном случае лица, уклонившиеся от трудовой повинности, должны были привлекаться к ответственности, выражавшейся в двухнедельных общественных работах [42].

В продолжение указанных работ 4 апреля 1920 г. горсоветом совместно с городским комитетом труда был организован чрезвычайный воскресник. Все учреждения, организации, воинские части, а также частные лица, имеющие лошадей, должны были «выслать все лошадиные силы с людьми и коробками или корзинами к 8 часам утра на бывшую Александровскую площадь для вывоза навоза с площадей, улиц и рынков». Каждая лошадь должна была вывезти не менее четырех возов за день. Местом свалки нечистот устанавливалось городское садоводство № 2, близ станции Вятка-2 (ныне станция Киров-Котласский), а также городские огороды около Ахтырского кладбища (в районе современной Кировской областной клинической больницы) [43]. Несомненно, в результате указанных мероприятий город хотя бы на время вздохнул спокойнее.

Вообще, в силу нехватки рабочих рук, обязанности по поддержанию городских улиц хотя бы в относительной чистоте и порядке возлагались на самих жителей города. В годы Гражданской войны профессии дворника в Вятке практически не существовало. Выходом из сложившейся ситуации послужили субботники, организованные местными коммунистами. Только в июле – августе 1919 г. городской комитет РКП(б) организовал шесть массовых субботников. Тысячи жителей города участвовали во Всероссийском коммунистическом субботнике 1 мая 1920 г. [44]

Особенно большая работа по уборке улиц ложилась на плечи простых вятчан с установлением снежного покрова. В соответствии с обязательным постановлением президиума горсовета от 2 ноября 1921 г., все жители Вятки обязывались «периодически очищать тротуары и улицы против своих домов, содержать в полной исправности, очищать от снега, льда, сугробов, посыпать тротуары песком, причем работа эта должна проводиться до 8 часов утра» [45].

Зимние месяцы были тяжелы не только в плане уборки снега. В холодные периоды актуальным становился вопрос обогрева жилых зданий, а также строений, занятых различными государственными учреждениями. Зимой 1919–1920 гг. городские власти произвели своеобразную «дровяную разверстку»: так называемые комагенты в сопровождении милиционера взяли на учет имеющиеся у жителей города запасы дров [46]. По всей видимости, излишки подлежали изъятию, хотя документов об установлении каких-либо норм потребления дров обнаружить нам не удалось. Во всяком случае, проблема решена не была, а скорее еще более усугубилась. Жители города стали пускать на дрова все, что горело, вплоть до уличных тротуаров, заборов, части обшивки и кровли жилых помещений, приводя их в не-

годность. В соответствии с обязательным постановлением президиума горсовета от 20 сентября 1921 г., за подобные деяния грозил арест до двух недель с выполнением общественных работ [47]. Нехватка дров становилась хронической для г. Вятки. Интересно, что спустя четыре года, 23 сентября 1925 г., на заседании секции коммунального хозяйства горсовета положение с дровами в городе было названо «самым нетерпимым», хотя Вятка находилась «кругом в лесах, где производятся громадные лесные заготовки... это весьма смешное и обидное обстоятельство» [48].

В условиях военного времени особо вставал вопрос пожарной безопасности города. Вятка располагала четырьмя пожарными частями, работа которых обеспечивалась конными обозами, одной паровой машиной, подающей до 100 ведер воды в минуту, а также механической лестницей, обеспечивающей возможность тушения пожара в любом здании города [49]. Пожарные Вятки проделали большую работу и не допустили массовых пожаров в городе во время пребывания в нем воинских частей и многочисленных лазаретов. Неоднократные проверки показали высокий уровень профессионализма вятских огнеборцев, уменьшивших время реагирования на вызов до 35–50 секунд. На наш взгляд, совершенно справедливая характеристика работе пожарных команд была дана в «Вятской правде»: «Благодаря вниманию организаций и лиц, близко стоящих к пожарному делу, и, главным образом, благодаря неиссякаемой энергии и трудолюбию самих пожарных мы к настоящему времени имеем в Вятке одну из образцовейших в республике пожарных команд» [50].

Однако не все зависело от слаженной работы пожарных служб. Статистические данные о причинах возникновения пожаров свидетельствовали, что большинство возгораний возникало от неисправности печей, дымоходов, загрязненности последних сажей и невыполнения предупредительных мер. 29 декабря 1919 г. на заседании коллегии отдела местного хозяйства было принято решение о крайней важности организации в городе артели трубочистов [51]. Этот же вопрос был поднят на заседании секции благоустройства Вятского горсовета 28 декабря 1921 г. [52] Дело не двигалось с мертвой точки ввиду острого кадрового голода и отсутствия финансирования. Работа трубочиста сопровождалась многими вредными факторами, была очень сложной. Ввиду этого городские власти всячески пытались помочь людям, занятым трубоочистительным делом. Например, 13 августа 1921 г. президиум горсовета принял любопытное постановление: «Принимая во внимание тяжелые условия работы по очистке дымоходов на электрической станции, выдать рабочим станции, в числе четырех человек, которые будут заняты вышеозначенной работой 14 сего августа, каждому по одному фунту хлеба, по одной бутылке молока и по десяти фунтов овощей» [53]. Несмотря на поддержку, люди шли на эту работу с большой неохотой.

Приоритетным направлением работы для любого города является деятельность по благоустройству, капитальному ремонту и строительству. Однако ввиду катастрофического финансового положения, нехватки рабочих рук и материалов, город, по оценке отдела местного хозяйства, ограничивался лишь «незначительными постройками и ремонтами, без которых обойтись нельзя» [54]. 9 февраля 1922 г. заведующий отделом благоустройства Иванов выступил перед президиумом горсовета с криком о помощи: «При существующих порядках вести сколько-нибудь нормальную работу по отделу не представляется возможным. Нет в отделе снабжения самого необходимого материала даже для текущего мелкого ремонта – гвоздей, олифы, мела, стекла, железа, печных приборов и т. д., а равно и инструментов» [55]. В таких условиях о массовом строительстве и благоустройстве в городе и речи идти не могло.

Проблем же было очень много. Мостовые, не ремонтировавшиеся с довоенных времен, пришли в плачевное состояние. Особенно большой урон им нанесли военные части, передвигавшиеся по городу на автомобилях и грузовиках. Не лучшим было состояние уличных тротуаров. По оценке отдела местного хозяйства горсовета, уличное покрытие следовало бы перестелить полностью, «однако, учитывая, что в данное время, считаясь вообще с осложнениями в материалах и рабочих руках, эти работы в таком масштабе выполнить нельзя» [56].

Определенную работу все же сделать удавалось. Летом 1919 г. во время праздника древонасаждения силами жителей города через Советскую площадь была разбита тополиная аллея. Однако, как только речь заходила о дополнительном финансировании, в помощи отказывалось. Так, не была поддержана инициатива об установке на той же площади бюстов В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого.

Наконец, традиционно особое внимание в Вятке обращалось на городской транспорт. 1917 год губернский центр встретил с традиционным в дореволюционной России господством вольных извозчиков, занимавшихся легковыми и ломовыми перевозками. К сожалению, во время последующих революционных и военных событиях отдельные представители вольных перевозчиков пытались нажиться на трудностях простых жителей, взвинчивая цены за свои услуги. В связи с этим 21 декабря 1919 г. коллегия губернского транспортного отдела приняла решение об изъятии всей вольной перевозки в свою пользу, установив тарифную плату за легковые и ломовые перевозки [57]. Впоследствии данная работа была подвергнута дальнейшему упорядочиванию. Так, были установлены места постоянной стоянки легковых (перекрестки основных улиц, железнодорожные станции, пароходная пристань, площадь у городского театра) и ломовых (железнодорожные станции, пароходная пристань и молочный рынок) извозчиков [58].

Конечно, наш город нуждался в развитии системы общественного транспорта, о чем неоднократно говорилось на заседаниях Вятского городского совета. Однако пока об автобусном или трамвайном движении Вятка могла только мечтать. Традиционно основной проблемой были нехватка финансирования, а также неудовлетворительное состояние городского дорожного полотна.

Таким образом, функционирование городского хозяйства Вятки в годы революций 1917 г. и Гражданской войны происходило в сложнейших условиях нехватки денежных средств, элементарных строительных материалов, рабочих рук и тягловой силы. Приходится констатировать, что центр Вятской губернии вступал в нэп с множеством нерешенных проблем коммунального, бытового, социально-культурного обслуживания населения, благоустройства, обеспечения пожарной безопасности города. Все неурядицы предстояло решать уже в других социально-экономических условиях так называемого «восстановительного периода народного хозяйства».

Примечания

1. История города Кирова / под ред. А. В. Эммаусского, Е. И. Кирюхиной. Киров, 1974. С. 139.
2. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 26. Л. 34; История города Кирова. С. 160.
3. Садырина Е. Победа Великого Октября в Вятке // Спутник агитатора. 1974. № 4. С. 26.
4. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 18.
5. Быстрова А. Вятка в годы иностранной интервенции и гражданской войны // Спутник агитатора. 1974. № 6. С. 21.
6. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 18 об. – 19.
7. Там же. Л. 19.
8. Тинский А. Г. Планировка, застройка и архитектура города // Энциклопедия земли Вятской / под ред. В. А. Ситникова и др. Т. 1. Киров, 1994. С. 58.
9. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 20.
10. Там же. Л. 18 об.
11. Там же. Л. 20.
12. Там же. Л. 7.
13. Там же. Д. 26. Л. 129.
14. Там же. Д. 96. Л. 20.
15. Там же. Л. 20 об.
16. Тинский А. Г. Указ. соч. С. 59.
17. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 19 об.
18. Там же. Д. 26. Л. 35 об.
19. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 19 об.
20. Там же.
21. Трубинский А. С. Страницы революционного прошлого // За власть Советов: сборник воспоминаний. Киров, 1957. С. 96.
22. Огородная работа в г. Вятке // Вятская правда. 1920. 10 июня. С. 3.
23. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 26. Л. 133. По оценке городского земельного отдела горсовета от 29 декабря 1919 г., «общее состояние лугов хорошее, но благодаря плохому присмотру за лугами испорчена площадь в 50 десятин проездами и переходами и заросла кустарником».
24. Там же. Д. 96. Л. 19 об.
25. Там же. Д. 47. Л. 73.
26. Там же. Д. 142. Л. 118 об. – 119.
27. Там же. Д. 129. Л. 122.

28. Там же. Л. 156.
29. Трубинский А. С. Указ. соч. С. 95.
30. ГАСПИ КО. Ф. П-72. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.
31. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 21-21 об.
32. Там же. Д. 129. Л. 117.
33. Там же. Д. 142. Л. 79-79 об.
34. Салин В. Электроснабжение города Вятки // Вятско-Ветлужский край. 1925. № 8. С. 64.
35. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 163. Л. 60-60 об.
36. Там же. Д. 26. Л. 125.
37. Там же. Д. 96. Л. 2.
38. Там же. Д. 113. Л. 3.
39. Там же. Д. 163. Л. 5.
40. Там же. Л. 16.
41. Там же. Д. 96. Л. 21.
42. Там же. Л. 56.
43. Там же. Л. 55.
44. История города Кирова... С. 175; 1-ое мая в Вятке // Вятская правда. 1920. № 2. 2 мая. С. 2.
45. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 142. Л. 96 об. -97.
46. Там же. Д. 96. Л. 4.
47. Там же. Д. 142. Л. 53 об. - 54.
48. Там же. Д. 185. Л. 164.
49. Там же. Д. 113. Л. 73.
50. Герои огневого фронта // Вятская правда. 1923. 29 сент. С. 2.
51. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 4.
52. Там же. Д. 148. Л. 5.
53. Там же. Д. 142. Л. 11 об.
54. Там же. Д. 96. Л. 22 об.
55. Там же. Д. 163. Л. 7-7 об.
56. Там же. Д. 96. Л. 22 об.
57. Там же. Д. 26. Л. 127.
58. Там же. Д. 142. Л. 308 об. - 310.

Notes

1. Istoriya goroda Kirova [History of the city of Kirov] / under the editorship of A. V. Emmausky, E. I. Kiryukhina. Kirov, 1974. P. 139.
2. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 26. Sh. 34; Istoriya goroda Kirova [History of the city of Kirov]. P. 160.
3. Sadyrina E. Pobeda Velikogo Oktyabrya v Vyatke [Victory of the Great October in Vyatka]// Sputnik agitatora – Companion of the propagandist, 1974, No. 4. P. 26.
4. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 18.
5. Bystrova A. Vyatka v godyi inostrannoy interventsii i grazhdanskoj voyni [Vyatka in the years of foreign intervention and civil war]// Sputnik agitatora – Companion of the propagandist, 1974, No. 6. P. 21.
6. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 18 turn – 19.
7. In the same place. Sh. 19.
8. Tinsky A. G. Planirovka, zastroyka i arhitektura goroda [Planning, building and city architecture]// Entsiklopediya zemli Vyatskoy – Encyclopedia of Vyatka land / under the editorship of V. A. Sitnikov, etc. Vol. 1. Kirov, 1994. P. 58.
9. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 20.
10. In the same place. Sh. 18 turn.
11. In the same place. Sh. 20.
12. In the same place. Sh. 7.
13. In the same place. F. 26. Sh. 129.
14. In the same place. F. 96. Sh. 20.
15. In the same place. Sh. 20 turn.
16. Tinsky A. G. Stated work. P. 59.
17. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 19 turn.
18. In the same place. F. 26. Sh. 35 turn.
19. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 19 turn.
20. In the same place.
21. Trubinsky A. S. Stranitsyi revolyutsionnogo proshlogo [Pages of the revolutionary past]// Za vlast Sovetov: sbornik vospominaniy – For the power of Councils: collection of memoirs. Kirov, 1957. P. 96.

22. Garden work in Vyatka// The Vyatka truth. 1920, June 10, p. 3 (in Russ.)
23. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 26. Sh. 133. According to city land department of the City Council of December 29, 1919, "The general condition of meadows is good, but thanks to bad supervision behind meadows the area in 50 dessiatinas is spoiled by drives and transitions and grew with a bush".
24. In the same place. F. 96. Sh. 19 turn.
25. In the same place. F. 47. Sh. 73.
26. In the same place. F. 142. Sh. 118 turn. – 119.
27. In the same place. F. 129. Sh. 122.
28. In the same place. Sh. 156.
29. Trubinsky A. S. Stated work. P. 95.
30. State archive of social-political history of Kirov Region. F. P-72. Sec. 1. F. 6. Sh. 54.
31. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 21–21 turn.
32. In the same place. F. 129. Sh. 117.
33. In the same place. F. 142. Sh. 79 – 79 turn.
34. Salin V. Elektrosnabzhenie goroda Vyatki [Power supply of the city of Vyatka]// Vyatsko-Vetluzhskiy kray – Vyatsko-Vetluzhsky region, 1925, No. 8, p. 64.
35. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 163. Sh. 60–60 turn.
36. In the same place. F. 26. Sh. 125.
37. In the same place. F. 96. Sh. 2.
38. In the same place. F. 113. Sh. 3.
39. In the same place. F. 163. Sh. 5.
40. In the same place. F. Sh. 16.
41. In the same place. F. 96. Sh. 21.
42. In the same place. F. Sh. 56.
43. In the same place. F. Sh. 55.
44. History of the city of Kirov. P. 175; May, 1 in Vyatka// The Vyatka truth, 1920, No. 2, May 2, p. 2 (in Russ.)
45. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 142. Sh. 96 turn. – 97.
46. In the same place. F. 96. Sh. 4.
47. In the same place. F. 142. Sh. 53 turn. – 54.
48. In the same place. F. 185. Sh. 164.
49. In the same place. F. 113. Sh. 73.
50. Heroes of the fire front// The Vyatka truth, 1923, September, 29, p. 2 (in Russ.)
51. State Archive of Kirov region. F. R-897. Shed. 1. F. 96. Sh. 4.
52. In the same place. F. 148. Sh. 5.
53. In the same place. F. 142. Sh. 11 turn.
54. In the same place. F. 96. Sh. 22 turn.
55. In the same place. F. 163. Sh. 7–7 turn.
56. In the same place. F. 96. Sh. 22 turn.
57. In the same place. F. 26. Sh. 127.
58. In the same place. F. 142. Sh. 308 turn. – 310.

УДК 94(470.342):329

Д. А. Акирейкин

Реакция населения Вятской губернии на деятельность революционера-народовольца С. Н. Халтурина

Статья освещает реакцию населения Вятской губернии на деятельность революционера-народовольца Степана Халтурина по данным местных газет и архивных источников.

According to local Newspapers and archival sources the article tells us about the activity of Halturin, the member of the party «Narodnaya Volia», and reaction of the Vyatka province's population to it.

Ключевые слова: Российская империя, Степан Халтурин, терроризм, взрыв в Зимнем дворце.

Keywords: The Russian Empire, Stepan Halturin, terrorism, The Winter Palace.

Широкомасштабные изменения во всех сферах общественной жизни, произошедшие в годы правления Александра II, привели к разворачиванию процесса демократизации, расцвету общественного движения и идейной мысли. Политика правительства в данный период перестала опираться на какую-либо одну идеологическую систему. Использование как консервативных, так и либеральных установок позволяло проводить необходимую стране модернизацию с сохранением абсолютной власти монарха. Однако это приводило к постоянным колебаниям правительственного курса, когда либеральные периоды сменялись реакцией.

Переплетение идей реформаторства и реакционных тенденций негативно сказалось на общем ходе «Великих реформ» 1860–1870-х гг., которые в целом носили непоследовательный и незавершенный характер. Именно это стало основной причиной роста радикального освободительного движения, господствующей идеологией которого являлось народничество, выступавшее за строительство русского (крестьянского) социализма.

Характерной чертой развития радикального движения стал нигилизм – отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм и культуры. С 1870-х гг. народники начали массовые акции по распространению своих идей среди населения, получившие название «хождений в народ». Группы одержимых революционными идеями молодых людей отправлялись в русские деревни для ведения в них «разъяснительной работы». Подобные беседы с «бедными тружениками» заканчивались почти везде одинаково: возмущенные богохульными речами «стриженных девок» и «худосочных мужиков» крестьяне или сдавали их полиции, или расправлялись с ними сами [1]. В своей массе крестьяне оставались чужды идеям социализма и всеобщего равенства. Разочаровавшись в пропагандистских методах, часть народников во главе с А. И. Желябовым, А. Д. Михайловым и др. основали тайную организацию «Народная воля», главной целью которой стала организация цареубийства.

Первые покушения террористов на Александра II, произошедшие еще в 1866–1867 гг., не были восприняты властью всерьез. Осознание всей угрозы пришло лишь в феврале 1879 г., когда народоволец Г. Д. Гольдберг выстрелом ранил харьковского губернатора. 2 апреля того же года народоволец А. К. Соловьев стрелял уже в самого императора.

5 февраля 1880 г. в резиденции российских императоров, самом сердце Российской империи – Зимнем дворце, прогремел взрыв. Непосредственным руководителем и исполнителем взрыва стал народоволец Степан Николаевич Халтурин. В советские годы личность С. Халтурина стала одним из символов революционного движения. Память о нем была увековечена в скульптурах, его именем были названы многие улицы в городах бывшего Советского Союза, до 1992 г. город Орлов Кировской области носил его имя, а в 1925 г. режиссером Александром Ивановским был снят одноименный фильм.

Оценивая поступок Халтурина и его сообщников, В. И. Ленин писал: «Они проявили величайшее самопожертвование и своими героическими террористическими методами борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали – прямо или косвенно – революционному воспитанию русского народа» [2].

На долгие годы террорист-революционер стал народным героем, хотя назвать его поступок «героическим» ни с позиций простого обывателя XIX века, ни тем более с позиций дня сегодняшнего, когда терроризм остается одной из самых актуальных проблем современного общества, никак нельзя. Кроме того, абсолютно забытыми оказались имена многих невинных людей, ставших жертвами «героических методов борьбы» народовольцев.

Степан Халтурин родился 21 декабря 1856 г. в деревне Халевинская Орловского уезда Вятской губернии в семье крестьян [3]. За годы учебы в Орловском уездном училище и Вятском техническом училище на столяра-краснодеревщика увлекся народнической литературой. После окончания училища в 1875 г. переехал в Санкт-Петербург, где работал на различных предприятиях и там же установил связи с тайной народнической организацией «Земля и Воля». После распада из-за противоречий в методах борьбы в августе 1879 г. «Земли и Воли» на «Народную волю» и «Черный передел» примкнул к первой, став сторонником радикального крыла партии. И когда в августе того же 1879 г. исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор Александру II, начал активную подготовку к цареубийству.

По убеждению народовольцев, смерть императора должна была дезорганизовать правительство и послужить сигналом к народному восстанию [4]. Несмотря на неудачный взрыв царского поезда 19 ноября 1879 г., приведший к массовым арестам народовольцев в Петер-

бурге (были арестованы члены исполнительного комитета А. Квятковский и С. Ширяев и разгромлена подпольная типография), С. Халтурина под именем Степана Батышкова в конце 1879 г. удалось проникнуть в Зимний дворец [5].

Работая в императорской резиденции, С. Халтурин свободно перемещался по дворцу, смог подробно изучить его и свободно ориентировался. Несколько раз встречался непосредственно с самим Александром II, но, стараясь действовать наверняка, не предпринимал каких-либо иных попыток совершить цареубийство. Вплоть до самого взрыва 5 февраля 1880 г. Халтурин занимался минированием резиденции императора, понемногу пронося взрывчатку и пряча ее в своем сундуке в подвальном помещении. Место, где находилась взрывчатка, располагалось под столовой, где император с семьей обычно обедал. В этой же части Зимнего дворца находились караульные службы, где несли свою службу лейб-гвардейцы. С. Халтурину оставалось только выбрать время. То, что при взрыве погибнут женщины, дети, слуги и солдаты (вчерашние крестьяне), его не смущало. По воспоминаниям народовольца, позже отрекшегося от своих взглядов и ставшего монархистом Льва Тихомирова, во время подготовки теракта Халтурин любил повторять: «Пусть погибнет 50–100 человек, только бы до “Самого” добраться!» [6]

5 февраля 1880 г. в 18 часов 22 минуты в Зимнем дворце раздался взрыв. С. Халтурин рассчитывал, что в данный момент императорская фамилия дает ужин в честь приезда принца Александра Гессенского, брата императрицы Марии Александровны, но поезд задержался, что и спасло жизнь императору Александру II. В результате взрыва пострадали несшие караул солдаты лейб-гвардии Финляндского полка. Сам император в это время встречал принца в Малом Фельдмаршальском зале, далеко от столовой. По сообщению «Вятских губернских ведомостей» со ссылкой на «Правительственный вестник», при взрыве «убито восемь и ранено сорок пять нижних чинов караула от лейб-гвардии Финляндского полка; попорчены пол в караульном помещении и несколько газовых труб» [7]. Позже от ран скончались еще трое солдат. Но даже в этих условиях солдаты лейб-гвардии показали все свое мужество и стойкость, оставаясь на своих постах до прихода сменившего их лейб-гвардии Преображенского полка.

Несмотря на ожидания народовольцев, взрыв вызвал в среде народа скорее негативный отклик. По словам М. Т. Лорис-Меликова, покушение на императора вызвало «не только негодование русского народа, но и отвращение всей Европы» [8]. В циркуляре, разосланном третьим отделением С.Е.И.В. канцелярии, говорилось, что «в низших слоях общества, и в особенности среди крестьян, стал распространяться слух, что преступные покушения против жизни Священной Особы Государя Императора составляют результат происков дворян, остающихся будто бы недовольными крестьянской реформой 1861 года» [9]. То есть в среде патриархального крестьянства, остававшегося верным «монархическому мифу о царе-батюшке», попытка цареубийства вызывала скорее сочувствие правящему режиму, нежели выступавшим за них народовольцам. Не оправдались надежды террористов-революционеров и на то, что череда покушений как-то дезорганизует правительство. Хотя взрыв и вызвал растерянность в верхах, не привел к уличным волнениям. Остававшееся в своей массе консервативным население России еще явно было не готово к столь радикальным методам борьбы за свои права. Правительство ответило на череду покушений учреждением в Санкт-Петербурге верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Дальнейшие события подробно освещались как в центральной, так и в местной периодической прессе. 7 февраля 1880 г. в 2 часа пополудни, в церкви при лазарете лейб-гвардии Финляндского полка была отслужена панихида по солдатам, убитым 5 февраля. «К назначенному времени в церковь собрались все офицеры и нижние чины полка. На панихиде присутствовали также бывшие командиры полка, начальник 2-й гвардейской пехотной дивизии и офицеры других частей» [10]. Среди погибших были доблестные солдаты и офицеры, герои освобождения Болгарии от османского владычества в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Несмотря на угрозу новых покушений, здесь присутствовал и сам император. По окончании панихиды император встретился с офицерами лейб-гвардии Финляндского полка, несшими службу в день взрыва, и посетил лазарет, где находились раненные бойцы. «Государь Император изволил останавливаться у каждого больного, милостиво расспрашивал о состоянии их ран и выразил пожелания скорого им выздоровления, причем благодарил их за верную службу» [11].

8 февраля состоялось отпевание погибших, по окончании которого гробы под звуки гимнов были вынесены из церкви. «Затем, до самого Смоленского кладбища гробы были нешены офицерами и солдатами, а также многие из публики, не только мужчины, но даже женщины, старались помочь нести гробы, за которыми следовала толпа в несколько тысяч человек и множество экипажей» [12]. Тысячи людей по всей империи сочувствовали семьям невинных жертв погибших и пострадавших в результате теракта и собирали для них и членов их семей пожертвования. Для распределения этих пожертвований при штабе лейб-гвардии Финляндского полка была создана специальная комиссия [13]. В те же дни Александр II издал указ, согласно которому все находившиеся в этом карауле солдаты были представлены к наградам, денежным выплатам и прочим поощрениям, а семьи убитых гвардейцев были зачислены на вечный пансион.

В Вятке, как и многих других губерниях империи, сообщение о взрыве совпало с высокопраздничным празднованием восшествия на престол императора Александра II и двадцатипятилетним юбилеем его царствования. Во здравие императора было проведено богослужение в Кафедральном соборе Вятки, который, по сообщениям «Вятских губернских ведомостей», «не мог буквально вместить всех желавших принести молитвы за Царя, так что весьма многие принуждены были остаться на паперти и даже часть площади перед собором была покрыта массой народа» [14].

Несмотря на единодушие большей части населения губернии в отношении произошедшего события, по сообщениям жандармского управления, были и те, кто высказывался о действиях народников положительно. В повседневных разговорах крестьяне, зачастую в нетрезвом состоянии, высказывали различного рода оскорбительные слова в адрес императора. Так, в фондах Государственного архива Кировской области сохранились дела о подобных высказываниях. В частности, дело крестьянина Степана Катаева, проживавшего в селе Шестакове, который «пил вино и пиво и был навеселе», в обсуждении событий, связанных с покушением на императора, заявил: «Если и будет какая напасть, то мало этого ему» [15]. Подобных высказываний, сделанных в пьяном угаре, было немного, однако они приравнивались к преступлению против личности императора и карались арестом сроком от трех дней до нескольких недель.

Несмотря на то что после взрыва С. Халтурина удалось скрыться в Москве, третье отделение С.Е.И.В. канцелярии начало настоящую охоту на народовольцев. К началу 1882 г. политической полиции уже была известна причастность С. Халтурина к взрыву в Зимнем дворце. 18 марта 1882 г. в Одессе вместе с Н. Желваковым Халтурин принял участие в убийстве прокурора Киевского военно-окружного суда, генерал-майора В. Стрельникова. Известный своими консервативно-реакционными взглядами, беспринципностью и преданностью, он представлял явную угрозу революционному движению, за что был прозван «прокурором-пауком» [16]. Во время своей прогулки по Одессе В. Стрельников был убит выстрелом из пистолета в упор, произведенным Н. Желваковым. В это время С. Халтурин, переодетый извозчиком, должен был помочь Желвакову скрыться с места преступления, но оба были задержаны случайными прохожими. Желваков был задержан мещанином Ковригою. А Халтурина попытались остановить секретарь Игнатович, коллежский регистратор Гаврилов, мещанин Лабзин и запасной рядовой Некрасов. В момент задержания Халтурин попытался вырваться, открыв стрельбу по преследователям. Преградивший ему путь Лабзин был ранен выстрелом, но Некрасову удалось схватить его и не выпускать, пока на помощь не подоспели Гаврилов и раненный выстрелом Игнатович.

За этот поистине героический поступок, позволивший задержать преступников, все четверо были представлены к наградам. Коллежский секретарь Игнатович был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени, коллежский регистратор Гаврилов – орденом Святого Станислава 3-й степени, рядовой Некрасов – серебряной медалью «За храбрость» на Георгиевской ленте, а мещанин Лабзин – медалью «За усердие» на Станиславской ленте. Кроме того, они получили денежное вознаграждение в размере двухсот-трехсот рублей.

В советской историографии в связи с этим событием часто упоминалась телеграмма, отправленная императором Александром III министру внутренних дел, с распоряжением генерал-губернатору Одессы И. Гурко судить убийц военно-полевым судом и о том, что якобы казнь террористов состоялась даже без установления личностей и подлинных фамилий [17].

На самом деле следствие было проведено весьма основательно, о чем говорят соответствующие публикации в «Правительственном вестнике». Со ссылкой на последние «Вятские губернские ведомости» от 14 апреля 1882 г. опубликовали следующее сообщение: «При продолжающихся розысках по делу об убийстве генерал-майора Стрельникова, личности казненных по этому делу преступников вполне установлены. Стрелявший в покойного генерала оказался сыном коллежского секретаря Николаем Алексеевым Желваковым, бывшим вольнослушателем С.-Петербургского университета, оставившим университет в январе 1881 года. Вторым же участником преступления был крестьянин Вятской губернии, Орловского уезда, села Журавли Степан Николаевич Халтурин, разыскиваемый для привлечения к ответственности за совершенный им в феврале 1880 года взрыв в Зимнем дворце. Халтурин, судя по сведениям, полученным в настоящее время от нескольких, близко знавших его лиц, скрываясь в течение двух лет от преследования, проживал по подложным паспортам в Одессе, а также в Москве и занимался распространением вредных учений среди рабочих» [18].

22 марта 1882 г. Н. Желваков и С. Халтурин приговором военно-полевого суда были повешены в Одессе. За 1881–1882 гг. разного рода репрессиям подверглись до 6 тыс. человек. Последним актом террористической борьбы «Народной воли» явилась неудачная попытка покушения на Александра III в 1887 г. После этого народническая организация «Черный передел» окончательно заявила о своем неприятии тактики индивидуального террора и распалась, а «Земля и воля» попыталась продолжить курс на пропаганду в народе для подготовки «аграрного переворота». Однако развернуть практическую деятельность им так не удалось.

В Вятской губернии к казни земляка С. Халтурина отнеслись спокойно, фонды жандармского управления и канцелярии вятского губернатора не содержат документов о каких-либо высказываниях местного населения о сочувствии к повешенным. Спокойно к этому отнеслось и в целом население Российской империи: «Общество и народ так и остались безмолвными наблюдателями схватки революционного Давида с правительственным Голиафом» [19].

Тем не менее деятельность С. Н. Халтурина затронула непосредственно его родственников. Проживающий в Орловском уезде Вятской губернии брат С. Халтурина вместе со своей супругой попали под негласное, «но тщательное» наблюдение местной полиции [20].

Деятельность Халтурина и других народовольцев так и не нашла отклика в среде патриархального и в своей основе весьма консервативного населения Вятской губернии и Российской империи в целом. Общество либо осуждало террористические методы борьбы, либо старалось оставаться в стороне от борьбы революционеров-террористов и царского правительства. Надежды народовольцев на дезорганизацию правительства и поднятие народных масс для свержения существующего строя не оправдались, а их деятельность лишь вынудила правительство пойти на «замораживание» общественной жизни, что в конечном итоге ослабило и либеральное, и радикальное движение и привело к переходу правительственного курса от либеральных преобразований к эпохе контрреформ.

Примечания

1. Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998. С. 253.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. М., 1940. С. 315.
3. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет А. М. Прохоров (пред.). М., 1981. С. 1453.
4. Пушкарев С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество. М., 2001. С. 285.
5. Балязин В. Тайны дома Романовых. М., 2012. С. 263.
6. Черная книга имен, которым не место на карте России / сост. С. В. Волков. М., 2004. С. 59.
7. Вятские губернские ведомости. 1880. № 13. С. 3.
8. Там же.
9. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 714. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
10. Вятские губернские ведомости. 1880. № 16. С. 3.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. ГАКО Ф. 582. Оп. 139. Д. 135. Л. 43, 43 об.

16. *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М., 1978. С. 190.
17. Там же. С. 191.
18. Вятские губернские ведомости. 1882. № 30. С. 3.
19. Пушкарев С. Г. Россия 1801–1917: власть и общество. С. 285.
20. ГАКО. Ф. 582. Оп. 68. Д. 851. Л. 1, 1 об.

Notes

1. *Bokhanov A. N.* Imperator Aleksandr III [Imperator Alexander III]. Moscow, 1998. P. 253.
2. *Lenin V. I.* Poln. sobr. soch. – Full collection of works. Vol. 30. Moscow, 1940. P. 315.
3. *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar* – Soviet encyclopedic dictionary / scientific editorial council A. M. Prokhorov (chairman). Moscow, 1981. P. 1453.
4. *Pushkarev S. G.* Rossiya 1801–1917: vlast i obschestvo [Russia of 1801–1917: power and society]. Moscow, 2001. P. 285.
5. *Balyazin V.* Taynyi doma Romanovyih [The secret of House of Romanovs]. Moscow, 2012. P. 263.
6. *Chernaya kniga imen, kotoryim ne mesto na karte Rossii* [The black book of names, for which there is no place on a Russia map] / author S. V. Volkov. Moscow, 2004. P. 59.
7. *Vyatskie gubernskie vedomosti* [Vyatka provincial sheets]. 1880, No. 13, p. 3.
8. In the same place.
9. State archive of the Kirov region (further – GAKO). F. 714. Shed. 1. 4. Sh. 18.
10. *Vyatka provincial sheets*. 1880, No. 16, p. 3 (in Russ.)
11. In the same place.
12. In the same place.
13. In the same place.
14. In the same place.
15. GAKO F. 582. Shed. 139. 135. Sh. 43, 43 turn.
16. *Troitskiy N. A.* Bezumstvo hrabryih. Russkie revolyutsioneryi i karatelnaya politika tsarizma 1866–1882 gg. [Bezumstvo of the brave. Russian revolutionaries and retaliatory policy of tsarism of 1866–1882]. Moscow, 1978. P. 190.
17. In the same place. P. 191.
18. *Vyatka provincial sheets*. 1882, No. 30, p. 3 (in Russ.)
19. *Pushkarev S. G.* Rossiya 1801–1917: vlast i obschestvo [Russia of 1801–1917: power and society]. P. 285.
20. GAKO. F. 582. Shed. 68. F. 851. Sh. 1, 1 turn.

УДК: 23.00.02

Хао Лун

Традиционная форма подготовки государственных чиновников в Китае

В статье рассматриваются особенности подготовки государственных кадров в Китае. Автор отмечает, что чиновник в китайской системе управления неизменно занимает особое место. Прежде всего именно благодаря национальной специфике китайского чиновничества Китай смог не только развить, но и сохранить непрерывность культурной традиции своей государственности, насчитывающей более четырех тысячелетий.

The article discusses the features of the public training personnel in China. The author notes that an official in the governance Chinese system has always a special place. First of all, thanks to the specifics of the Chinese officialdom China was not only able to develop their own state, but also to preserve the continuity of its national cultural tradition numbering more than four millennia.

Ключевые слова: государственная служба, Китай, чиновник, подготовка, управление.

Keywords : public service, China, the official preparation, management.

Значимость китайского опыта для мировой теории управления и особенно для практики не подлежит сомнению. Вся система государственного управления в Китае была неотъемлемой частью своеобразной культуры страны в целом. В частности, чрезвычайно важным представляется выявление общего и частного в принципах формирования бюрократии из практики, возможно, наиболее продвинутого в бюрократическом отношении общества на протяжении всей истории развития китайского государства. Особенную актуальность это имеет именно сегодня, когда во многих странах многосоставность, иерархичность и негибкость управленческих структур становятся все более очевидными.

Более двух тысяч лет правящий слой в древнем Китае образовывали государственные чиновники, так называемые мандарины. Мандарином называли литературно образованного человека, искусного каллиграфа, пишущего стихи и способного толковать древние китайские литературные тексты, но совершенно не подготовленного к делам государственного управления. Он не придавал большого значения общественным обязанностям, занимая высокую государственную или политическую должность. Лишь его литературное образование служило мерой социального статуса чиновников и основным условием занятия должности [1].

Само государство древнего Китая представляло собою нечто отличное от западноевропейского государства. М. Вебер отметил ряд особенностей, присущих китайскому обществу. В государстве древнего Китая все основывалось на религиозно-магической вере в то, что при обычных условиях добродетель правителя и его чиновников, совершенство их литературного образования вполне способны удержать порядок в стране [2].

В китайском социокультурном варианте общественного устройства важнейшую роль играл сакральный (священный) текст, выступающий в качестве основания задающихся людям извне норм и требований или своего рода «учебника жизни», который в руках его толкователей является источником власти, ее легитимизатором и орудием борьбы с инакомыслием. По мнению Л. И. Головачевой и др., культура этого типа формирует не личностей, а текстоидов, низведенных до уровня исполнителей уставных указаний и приказов, у которых отсутствуют механизмы нравственного оценивания собственного поведения [3]. Вместо этого экзамены выявляли степень знакомства кандидата с классической литературой и соответствие его образа мыслей и поведения заданным ею образцам. В то же время китайское домашнее образование заключалось в усвоении правил самоконтроля и ритуально правильного поведения, особенно почтительности и благоговения по отношению к родителям, людям старшего возраста и начальникам.

Обучение способности рассуждать логически не выделялось, а география и естественные науки в учебной программе отсутствовали. Как пишет Чжай Гочжан, «в период с 606 по 1906 гг. имперская экзаменационная система подготовки государственных чиновников, по сути, была феодальной» [4].

Классическое китайское образование оставалось, согласно М. Веберу, ориентированным на «практические проблемы и статусные интересы патримониальной бюрократии». В качестве такового оно являлось непрофессиональным образованием, культивирующим общепринятые нормы поведения и классическую ученость.

Таким образом, «имперская экзаменационная система успешно продолжала свое функционирование в течение более 1300 лет, поскольку право отбора и назначения чиновников по-прежнему зависело от центральной власти» [5].

Немалую роль в становлении системы подготовки чиновников играли религиозные взгляды. Для религиозного мировоззрения древнего Китая в целом были характерны умеренность и рационализм, неприоритетность мифологии и метафизики и, что особенно важно, первичность этики перед мистикой, то есть осознанное подчинение религиозно-мистического начала требованиям социальной этики и административной политики, залогом чего было соединение в руках одних и тех же должностных лиц, начиная с правителей, функций чиновников и жрецов [6].

Первой и самой важной для Китая системой воззрений, помогавшей в решении острых общественных проблем, стало конфуцианство, со временем во многом определившее параметры китайской цивилизации [7]. Более того, уже в тот период конфуцианство стало переломным моментом в истории Китая. Стремления его создателя, философа и педагога Конфуция (Кун-цзы, 551–479 гг. до н. э.) были направлены на создание идеального государства, которое было бы основано на незыблемых нравственных принципах и гармоничных социальных отношениях.

Конфуций выдвинул в качестве общественного идеала эталонную личность благородного цзюнь-нзы, т. е. бескорыстного рыцаря с безупречной моралью, который готов на все ради самой истины и культивирует в себе чувство высокого долга (и), гуманности (жэнь), придерживается определенных норм во взаимоотношениях между людьми (принципы ли) и глубоко почитает жизненный опыт и мудрость старших (принцип сыновней почтительности – сяо).

Ратуя за моральное совершенствование прежде всего в самом себе, Конфуций предлагает затем наладить правильные отношения в собственной семье («пусть отец будет отцом, а сын – сыном»). Опираясь на эти основания, мыслитель выдвигает постулат о том, что государство – это и есть семья, хотя и большая, что означало распространение принципов «ли», «и», «сяо» и «жэнь» на всю административную систему и государственную политику в целом, в то время как такие идеалы были весьма далеки от тогдашней практики.

Конфуций также предложил принцип разумного управления государством, а его конечной целью было создание этически безупречного и во всех отношениях гармоничного общества. Именно для реализации этой идеи он и обучал в созданной им школе своих учеников, в будущем – кандидатов на должности чиновников разных рангов – тех самых мудрых и справедливых конфуцианских служащих, которые были призваны помочь правителям наладить добродетельное правление и добиться гармонии [8].

Мыслитель рассматривал процесс управления как соотнесение элементов государственной структуры с элементами духовного совершенствования. Чтобы такое согласование произошло, нужно было провести операцию выпрямления (чжэн): «Правление – это выпрямление». Без процедуры выпрямления вся система управления рухнет, поэтому во избежание этого следовало выдвигать прямых и ставить их над кривыми. Кривые выпрямляются под воздействием прямых, но само выпрямление происходит только через приложение собственных усилий.

Учение Конфуция, которое спустя несколько веков трансформировалось в государственную религию, на протяжении двух тысячелетий было основой духовной жизни китайского общества и в значительной степени определяло его социально-экономическое развитие.

В целом идеология конфуцианства вся пронизана рациональностью и практицизмом, поскольку Конфуций и затем его последователи разработали и привнесли в практику методы управления государством, систему отношений в обществе и в семье, основные этические нормы. Например, средоточием высшего блага и гармонии, примером для подражания в конфуцианстве является Небо как самое древнее божество. Поэтому подражание небесной гармонии подвигает человека на создание аналогичного Царства Божьего на земле.

В свою очередь, государство в конфуцианстве характеризуется как большая семья, в которой у каждого члена есть строго отведенное ему место, в соответствии с которым ему следует себя вести. Оплотом этого государства, по Конфуцию, служат преданность и покорность. Эти качества должны пронизывать всю социальную жизнь сверху донизу, когда дети почитают своих родителей, младшие братья и сестры – старших, а народ – своих правителей. Однако принцип «большой семьи» предполагал и огромную ответственность власти (то есть «родителей») перед народом. Лишь в этом случае в государстве («семье») будет царить всеобщее доверие, без которого невозможно стабильное существование.

Стоит особо отметить, что большое значение Конфуций придавал нравственному облику государственных чиновников – представителей власти и ее опоре. В Китае издавна существовали специальные школы, где на самом высоком уровне готовили новую бюрократическую элиту. После того как конфуцианство стало официальной религией, оно рассматривалось в качестве основного предмета в системе подготовки к государственным экзаменам. Чиновником мог стать только тот, кто блестяще знал труды Конфуция [9]. Вместе с тем конфуцианство с его идеей гуманного правления по-своему укрепляло бюрократический аппарат и в конечном счете – государственность в целом.

Поскольку в условиях сильной императорской власти в феодальном Китае не была развита система вассалитета, как в Западной Европе, государство считалось единственным и непререкаемым властителем. По этой же причине многочисленное городское население не могло рассчитывать на возможность самоуправления, и если западноевропейские города были настоящими очагами вольности, то в Китае любое инакомыслие жестко подавлялось государством. В этом смысле знаменитый тезис Конфуция о «большой семье», подразуме-

вавший необходимость поступаться личными интересами ради государственных, давал властям большие полномочия для давления на общество. При этом система коллективной ответственности предполагала, что за преступление отца мог отвечать как сын, так и вся семья, а старосту китайской деревни могли сурово наказать за недобросовестность крестьян и т. д.

По большому счету, в китайском обществе всегда действовал принцип равных возможностей. На формальном уровне каждый китаец, независимо от своего происхождения, при условии успешной сдачи государственных экзаменов, мог стать чиновником и частью элиты. Таким образом, в Китае постепенно сформировался уникальный для средневековья бюрократический аппарат, в котором ранг чиновника по многим основаниям зависел от его личных качеств.

Начиная с XVII–XVIII вв. Китай стал превращаться в могущественную державу с эффективной экономикой, сильной армией и мощным внутренним потенциалом, что позволяло ему сохранять независимость в отношениях с Европой. И лишь в XIX в., когда Запад активизировал свою колониальную политику, слабости традиционного конфуцианского Китая дали себя знать.

С началом XXI в. Китай вступил в новую фазу своего развития, для которой характерны и новые возможности, и новые вызовы и риски. Все они требуют неординарных, инновационных решений и новых реформ. Их конкретное содержание определяется самим характером реформирования при учете многих текущих обстоятельств.

Нынешнее понимание задач развития, стоящих перед КНР, было сначала отражено в «новом научном взгляде», зафиксированном в программной части Устава КПК, принятого в новой редакции XVII съездом КПК (2007 г.), а позже – в 12-летнем плане социально-экономического развития страны (2011–2016 гг.). Оно включает четыре составные части: развитие экономики, социальное развитие, гармоничное развитие отношений между человеком и природой и всестороннее развитие самого человека. В Китае до сих пор происходит трансформация созданного государством сословного общества и им же регламентированного гражданского общества, находящегося в процессе становления.

Ввиду колоссальных размеров этой страны ее проблемы, как правило, приобретают глобальный характер. Одним из первых западных аналитиков, заявивших о становлении специфической китайской модели государственности, кардинально отличной от всех иных, но пригодной вместе с тем, при определенном приспособлении к местным условиям, и для других стран, был Дж. Рамо [10]. Рамо назвал новую китайскую модель «Пекинским консенсусом», призванным заместить дискредитировавший себя в 1990-х гг. неолиберальный «Вашингтонский консенсус». «Пекинский консенсус» ориентирован, по словам Рамо, во-первых, на инновации, во-вторых, на устойчивое, сбалансированное и качественное развитие и на равенство и, в-третьих, на самоопределение. Эта модель придает социальным переменам столь же важное значение, как и экономическим. Экономика и управление в «Пекинском консенсусе» имеют своей целью совершенствование общества, что полностью игнорируется «Вашингтонским консенсусом». В отличие от последнего, он порождает много принципиально новых идей и подходов.

По мнению китайского ученого Чжан Вэйвэй, «к китайской модели управления можно предъявить немало претензий, но остальные модели – много хуже» [11]. В китайской модели Чжан Вэйвэй выделяет такие важные моменты как разумный баланс между реформами, развитием и стабильностью; смелое и одновременно осторожное обновление институтов, строящееся на основе эксперимента, непрерывного учета и использования своего и чужого опыта, а также поступательное осуществление реформ.

И. А. Василенко, А. В. Кива в своих трудах проанализировали модели осуществляемых на протяжении последних десятилетий административных реформ в Китае и России [12]. По мнению этих авторов, Китаю еще предстоит пройти непростой путь реформирования политико-административной системы, прежде чем он станет современным демократическим государством.

Такие авторы, как В. Г. Гельбрас, Н. Л. Мамаева, Е. С. Баженова, Я. М. Бергер, анализируя процессы реформирования экономической и административной систем в Китае и в России, показали его результаты с разных позиций, но неизменно в свете их эволюционности и поступательности [13]. Так, Я. М. Бергер при рассмотрении китайской политико-администра-

тивной реформы особое внимание обращает на исторические условия, обуславливающие выбор пути реформирования, а также роль самого государства в осуществлении реформ и их направленности [14].

В свою очередь, Л. М. Гудошников акцентирует важность конституционных основ КНР для процесса исторических перемен, происходящих в Китае, и их влияние на модернизацию системы государственной службы [15].

Для М. Л. Титаренко интерес представляют анализ факторов, обуславливающих тот или иной характер реформирования государственного аппарата, и проблемы, возникающие в ходе реформ отдельных элементов административной системы, наряду с очевидными успехами китайских реформаторов [16].

Однако в целом надо признать, что многие проблемы государственной службы Китая и пути ее реформирования имеют широко дискуссионный характер.

Сегодня Китай сохранился как единое государство на протяжении более двух тысяч лет, и не в последнюю очередь это стало следствием наличия специфического института чиновничества, являвшегося носителем традиционной идеологии и культуры, а также идеи единства китайского государства. На наш взгляд, китайское чиновничество как кровеносная система страны отражало и проводило в жизнь идею государства как «большой семьи», распространяя принципы «ли», «и», «сяо» и «жэнь» на всю административную систему и государственную политику в целом. Это подпитывалось и конфуцианским требованием преданности и покорности на всех уровнях, что в определенном смысле укрепляло бюрократический аппарат и в конечном счете – государственность в целом.

Однако сильные традиции в стране не помешали модернизации системы государственной службы в конце XX и начале XXI столетия. Процесс создания современной китайской бюрократии на основе конфуцианской традиции и осмысленная адаптация западных подходов вполне отвечают культурно-политическим традициям Китая, что позволяет говорить о преемственности исторического наследия при подготовке государственных кадров и прогнозировать ее успешную модернизацию в соответствии с требованиями времени.

Примечания

1. Кабашов С. Ю. Государственная служба Российской Федерации. Изд. 2. М., 2010. С. 25.
2. Кабашов С. Ю. Теоретические концепции: учеб. пособие. М.: Изд-во «Флинта», 2011. С. 64.
3. Головачева Л. И. Конфуцианство и мир и развитие в XXI веке // Восток. 2000. № 2. С. 153–155;
- Егоров К. А. Государственный аппарат КНР, 1967–1981. М.: Наука, 1982. С. 235–239.
4. 翟国璋: 《中国科举词典》(Чжай Гочжан. Чжунго кэцзюй цидянь. Китайский словарь государственных экзаменов для получения права на поступление на государственную службу). 江西教育出版社(Цзянси цзяюй чубаньшэ), 2006年, 第1–2页。
5. 龚延明: 《中国古代职官科举研究》(Гун Яньмин. Исследования имперской экзаменационной системы древнего Китая для чиновников). 中华书局(Чжунхуа шуцзю), 2006年, 第331页。
6. Гудошников Л. М. Высшие органы государственной власти и государственного управления Китайской Народной Республики. М., 1960. С. 55.
7. Там же. С. 58.
8. Котов К. Ф. Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике. М., 1959. С. 126.
9. Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, фак. мировой политики: Ин-т проблем междунар. безопасности. М: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 242–247; Переломов Л. С. Конфуций, Луньюй: исследования / пер. с кит.; текст “Лунь Юй” с коммент. Чжу Си; РАН, Ин-т Дальнего Востока; под ред. М. Л. Титаренко. М., 1998. 588 с.
10. Rato J. The Beijing consensus. The Foreign policy centre. L., 2004. 79 p.
11. 张维为: 《中国模式回应世界挑战》(Чжан Вэйвэй. Китайская модель – ответ на мировой вызов). 环球时报(Хуаньцю шибао), 2009年07月15日。
12. Василенко И. А. Менеджмент в государственных организациях // Государственная служба. 2000. № 1; Кива А. В. Китайская модель реформ // Вопросы истории. 2002. № 5.
13. Гельбрас В. Г. 30 лет реформ и открытости Китая // Общественные науки и современность. 2009. № 3; Мамаева Н. Л. Китайская Народная Республика: 60 лет партийно-политических преобразований. КПК и КПСС: некоторые направления сравнительного анализа // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5; Баженова Е. С. 30 лет реформ в КНР: итоги, проблемы, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2009. № 2.

14. Бергер Я. М. Административно-политическое обновление государственной власти в Китае (к итогам 1-й сессии ВСНП 110-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 3; Бергер Я. М. КНР. Десятилетия поисков и свершений // Азия и Африка сегодня. 2009. № 10.

15. Гудошников Л. М. Реформирование системы государственного управления в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4.

16. Титаренко М. Л. Поступательный характер китайских реформ: важный фактор их успеха. URL: <http://russian.cri.cn/l/2008/10/18/l5259918.htm> 18.10.2008; Титаренко М. Л. Стратегия Китая. XVII съезд КПК. «Перспективы светлые, но путь извилистый» // URL: http://www.zlev.ru/138/138_27.htm.

Notes

1. Kabashov S. Yu. Gosudarstvennaya sluzhba Rossiyskoy Federatsii [Public service of the Russian Federation]. Ed. 2. Moscow, 2010. P. 25.

2. Kabashov S. Yu. Teoreticheskie kontseptsii: ucheb. posobie. [Theoretical concepts: tutorial] Moscow: "Flinta" Publ., 2011. P. 64.

3. Golovacheva L. I. Konfutsianstvo i mir i razvitie v XXI veke [Confucianism and the world and development in the XXI century]// Vostok – The East, 2000, No. 2. Pp. 153–155; Egorov K. A. Gosudarstvennyy apparat KNR [Government of the People's Republic of China], 1967–1981. Moscow: Science Publ., 1982. Pp. 235–239.

4. 翟国璋: 《中国科举词典》 (Zhai Guoch-rang. Zhongguo kejuj qudian. The Chinese dictionary of state exams for receiving the right for revenues to public service). 江西教育出版社 (Jiangxi jiaojuj chunbanshe), 2006年, 第12页。

5. 龚延明: 《中国古代职官科举研究》 (Gong Yanming. Researches of imperial examination system of ancient China for officials). 中华书局 (Zhonghua shuju), 2006年, 第331页。

6. Gudoshnikov L. M. Vyisshie organyi gosudarstvennoy vlasti i gosudarstvennogo upravleniya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [The supreme bodies of the government and state management of People's Republic of China]. Moscow, 1960. P. 55.

7. In the same place. P. 58.

8. Kotov K. F. Mestnaya natsionalnaya avtonomiya v Kitayskoy Narodnoy Respublike [Local national autonomy in People's Republic of China]. Moscow, 1959. P. 126.

9. Perelomov L. S. Konfutsianstvo i sovremennyy strategicheskiy kurs KNR [Confucianism and modern strategic course People's Republic of China] / Moscow State University of M. V. Lomonosov, Dept. of World politics: Institute of problems of international safety. Moscow: LKI Publ., 2007. Pp. 242–247; Perelomov L. S. Konfutsiy, Lunyuy: issledovaniya [Confucius, Lunyu: the research] / translated form Chinese; text of "Lun Yuy" with comments of Zhu Xi; Russian Academy of Sciences, Institute of Far East; under the editorship of M. L. Titarenko. M, 1998. 588 p.

10. Ramo J. The Beijing consensus. The Foreign policy center. L. 2004. 79 p.

11. 张维为: 《中国模式回应世界挑战》 (Zhang Weiwei. The Chinese model – the answer to a world call). 环球时报 (Huanqiu shibao), 2009年07月15日。

12. Vasilenko I. A. Menedzhment v gosudarstvennykh organizatsiyah [Management in the state organizations]// Gosudarstvennaya sluzhba – Public service. 2000. No. 1; Kiva A. V. Kitayskaya model reform [Chinese model of reforms]// Voprosy istorii – Questions of History, 2002, No. 5.

13. Gelbras V. G. 30 let reform i otkryitosti Kitaya [30 years of reforms and openness of China]// Obshchestvennyye nauki i sovremennost – Social sciences and present. 2009, No. 3; Mamayeva N. L. Kitayskaya Narodnaya Respublika: 60 let partiyno politicheskikh preobrazovaniy. KPK i KPSS: nekotoryye napravleniya sravnitel'nogo analiza [Chinese National Republic: 60 years partiyno political transformations. PDA and CPSU: some directions of the comparative analysis]// Problemy Dalnego Vostoka – Problems of the Far East, 2009, No. 5; Bazhenova E. S. 30 let reform v KNR: itogi, problemy, perspektivy [30 years of reforms in the People's Republic of China: results, problems, prospects]// Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa today, 2009, No. 2.

14. Berger Ya. M. Administrativno politicheskoe obnovenie gosudarstvennoy vlasti v Kitae (k itogam 1 y sessii VSNP 110 go sozyiva) [Administrative and political updating of the government in China (to results of the 1st sessions of VSNP of the 110th convocation)]// Problemy Dalnego Vostoka – Problems of the Far East, 2008, No. 3; Berger Ya. M. KNR. Desyatiletiya poiskov i sversheniy [People's Republic of China. Decades of searches and fulfillments]// Aziya i Afrika segodnya -Asia and Africa today, 2009, No. 10.

15. Gudoshnikov L. M. Reformirovanie sistemy gosudarstvennogo upravleniya v KNR [Reforming of system of public administration in the People's Republic of China]// Problemy Dalnego Vostoka – Problems of the Far East, 2006, No. 4.

16. Titarenko M. L. Postupatelnyiy harakter kitayskih reform: vazhnyiy faktor ih uspeha [Forward nature of the Chinese reforms: important factor of their success]. Available at: <http://russian.cri.en/1/2008/10/18/ls259918.htm> (accessed 18.10.2008); Titarenko M. L. Strategiya Kitaya. XVII s'ezd KPK. «Perspektivy svetlyie, no put izvilistyiy» [Strategy of China. XVII congress of a PDA. "Prospects light, but way twisting"]// Available at: http://www.zlev.ru/138/138_27.htm.

УДК 94 (73+438) «1945/1952»

А. В. Зырянова

Политическая деятельность польской эмиграции и ее влияние на внешнеполитический курс США в 1945–1952 гг.

Статья написана в рамках исследования темы «Польский вопрос во внешней политике США в 1945–1953 гг.» на основе материалов Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории. Политическая деятельность польской эмиграции в США в 1945–1952 гг. рассматривается в контексте четырех вопросов – это истоки интереса американского общества к событиям начального этапа холодной войны; характер и содержание польской эмиграции в США; формы политической деятельности американцев польского происхождения, а также польское лобби в Конгрессе США. Основными формами участия американцев польского происхождения в политическом процессе можно назвать создание политически ориентированных организаций, распространение своих политических приоритетов при помощи издаваемых ими печатных изданий, отстаивание своих интересов в Конгрессе США через конгрессменов польского происхождения вплоть до формирования польского лобби. Наиболее влиятельными организациями поляков в США были Польско-американский конгресс, Национальный комитет американцев польского происхождения, Полония. В Конгрессе США польские вопросы активно обсуждались в 1949–1952 гг. в связи с результатами выборов в Польше 1947 г. и обсуждением Катынского дела.

This article is written within the framework of research of a theme «The Polish question in foreign policy of USA in 1945-1953» on the basis of materials of Archive of foreign policy of the Russian Federation and the Russian state archive of a sociopolitical history. Political activity of the Polish emigration in the USA in 1945–1952 is considered in a context of four questions: sources of interest of the American society to events of the initial stage of cold war; character and the maintenance of the Polish emigration in the USA; forms of political activity of Americans of the Polish origin, and also the Polish lobby in the Congress of the USA. It is possible to name the basic forms of participation of Americans of the Polish origin in political process. They are creation of politically focused organizations, distribution of the political priorities by means of printed editions issued by them, and upholding their interests in the Congress of the USA through congressmen of the Polish origin down to formation of the Polish lobby. The most influential organizations of Poles in the USA were the Polish American congress, National committee of Americans of the Polish origin, Polonium. In the Congress of the USA the Polish question was actively discussed in 1949-1952 in connection with the results of elections in Poland in 1947 and the discussion of a Katyn affair.

Ключевые слова: польская эмиграция в США, американцы польского происхождения, польские политические организации, польские печатные издания в США, польское лобби, Польско-американский конгресс, Национальный комитет американцев польского происхождения, Полония.

Keywords: The Polish emigration to the USA, the Americans of polish origins, the Polish political organizations, the Polish printed editions in the USA, the Polish lobby, the Polish American congress, National committee of Americans of the Polish origin, Polonium.

С окончанием Второй мировой войны общество Соединенных Штатов стало очень остро реагировать на вызовы современных ему международных отношений. Большую роль в принятии политических решений во второй половине XX в. начинают играть национальные эмигрантские группы, которые воспринимали происходящие события с точки зрения «устаревших» ценностей того периода, когда они покинули свою страну. Другим политическим явлением послевоенного периода в истории США становится закрепление в политическом процессе лоббистов и групп давления.

Одной из влиятельных политических групп в Соединенных Штатах в 1945 г. стали американцы польского происхождения. Участие поляков в военных действиях стран антигитле-

ровской коалиции давало им моральное право сформировать собственное правительство без давления извне. Это представление стало господствующим среди польской эмиграции. Но в условиях реализации Ялтинско-Потсдамских договоренностей странами-союзницами Польша включалась в сферу влияния Советского Союза, поэтому перспективы создания правительства при руководящей роли представителей эмигрантского правительства к 1947 г. были сведены на нет. В итоге поляки в США проявляют активность в политических вопросах, особенно в определении Соединенными Штатами курса в отношении СССР, что могло быть расценено как формирование польского лобби.

Политическая деятельность польской эмиграции в США не стала предметом для отдельных научных исследований. В отечественной и польской историографии советского периода ключевыми вопросами исследований были отношения Польши с СССР [1], решение вопроса о послевоенных границах, политика западных союзников в отношении Польши. В современной историографии эти вопросы сохранили свой приоритет [2].

Для рассмотрения основных проблем статьи использовался материал Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории, правда, только те фонды, которые стали доступны автору. Интересны акценты, которые расставляются в дипломатических и партийных донесениях, а также в американских и советских докладах. Другим источником были стенограммы Конгресса США, которые показывают, что поляки заняли свое место в политической системе США.

Поставленная цель рассмотрена в контексте четырех вопросов – это истоки интереса американского общества к событиям начального этапа холодной войны; характер и содержание польской эмиграции в США; формы политической деятельности американцев польского происхождения, а также польское лобби в Конгрессе США.

В феврале 1945 г. отделом национальностей бывшего управления стратегических служб США (разведывательный орган США военного времени) был издан справочник «Группы национальных меньшинств в Соединенных Штатах». В предисловии к первому изданию начальник отдела национальных групп ДеВитт К. Пул указывает на восприятие американцами мировой войны как войны «идей, совершенно логически с точки зрения истории и американских традиций», а также акцентирует внимание на том, что «за последнее время история является свидетелем большой концентрации сил в Соединенных Штатах. Соединенные Штаты приобрели решающее значение в мире. Этот факт сам по себе приведет к тому, что Соединенные Штаты сделаются основным местом политической деятельности» [3].

Объясняя причины усиленного интереса населения США к политическим процессам ДеВитт Пул отмечает, что «с самого начала Соединенные Штаты заселялись людьми, недовольными экономическими, религиозными или политическими условиями у себя на родине» [4]. Из «135 млн человек, родственных не по расовым признакам, а по своему демократическому складу... более одной четверти (35 млн человек) нынешних жителей США являются уроженцами других стран». «А самые запутанные и ответственные проблемы будущего мира встают именно в Центральной и Восточной Европе» [5]. «В общем, мы представляем собой нацию диссидентов, сохраняющих часто в течение долгого времени после того, как станут хорошими американцами, свыкшимися с американской жизнью, то недовольство, которое заставило нас переселиться сюда. Шестая часть нашего населения, прибывшая совсем недавно из стран Центральной и Восточной Европы, не отличается в этом отношении от других. Они в своем большинстве имеют тенденцию считать себя представителями меньшинств и диссидентами. Поэтому при рассмотрении европейской политики, находящей свое отражение здесь в их мыслях и деятельности, необходимо учитывать некоторые искажения и прежде всего количественное распределение» [6].

Таким образом, американцы не преминули обратить внимание на то, что они особенная нация, которая проявляет интерес к политике в силу своего происхождения, в отличие от континентальных народов.

Второй стороной вопроса являются исторические истоки польской эмиграции в США, ее характер и особенности. В докладе старшего референта 4-го Европейского отдела В. Павловича от 14.01.1943 г. «Политические группировки польской эмиграции в Лондоне и США» отмечается, что «после падения Франции в 1940 г. правительство Сикорского и основная масса польских эмигрантов перекочевала в Лондон. Часть поляков переехала в Америку. С этого периода деятельность польских буржуазно-шляхетских политиков усиливается» [7].

Польская эмиграция в Соединенных Штатах Америки коренным образом отличалась от польской эмиграции в Лондоне. Основная масса проживающих в США поляков – это люди, эмигрировавшие сюда уже давно, главным образом в поисках заработка [8].

Активная иммиграция поляков начинается после подавления революции 1830 г. в польских районах России, а затем бисмарковской политики «пруссиизации» в Восточной Германии. 1914 год стал последним годом массового прилива польских эмигрантов в США. В 1915 г. в США уже въехало только 97.000. За 25–26 лет в США въехало из Польши около 700–800 тыс. [9] Эмиграция 1939 г. «была очень немногочисленна и представлена, главным образом, обанкротившейся верхушкой санации, как-то: Матушевским, Медзинским, Флюяр-Райхманом, Адамом Коцом и др.» [10]

По данным 16-й переписи 1940 г. поляков в США проживало 2 905 859 человек по сравнению с 984 600 чехословаков, 662 100 венгров, 247 700 румын. Сами польские американцы утверждают, что всего «поляков в США» насчитывается около 6 млн человек, в эту цифру входят все лица «польского этнического происхождения», независимо от того, в какой стране они родились. Дипломатическое ведомство указывало, что «общее количество поляков в США в 1939 г. равнялась 5 870 тыс.» [11] Большинство проживало в северо-восточных штатах США, в промышленных городах. Наибольшее скопление поляков было в Чикаго (700 тыс.). Потому этот город называется центром польских политических, религиозных и культурных организаций. Вторым городом, в котором проживало наибольшее количество поляков, являлся Нью-Йорк (550 тыс.). Для сведения дипломатов в советских донесениях американские поляки характеризовались как непримиримые националисты и довольно сложно поддающиеся влиянию американской культуры. Однако в 1939 г. в польских школах обучалось не более 25% всех польских детей. Что же касается остальных детей поляков, то они обучались в американских учебных заведениях [12].

Но, исходя из материалов архивов, можно заключить, что польская эмиграция в США была достаточно консолидирована, отталкивалась от переселенцев XIX в., концентрировалась в крупных промышленных, политических и культурных центрах США, это позволило сформировать локальные центры политической деятельности поляков, в которых и проявились политические действия польской эмиграции в послевоенный период.

Формами политической деятельности американцев польского происхождения в 1945–1952 гг. можно назвать создание политически ориентированных организаций, распространение своих политических ценностей при помощи издаваемых ими печатных изданий, отстаивание своих интересов в Конгрессе США через конгрессменов польского происхождения вплоть до формирования польского лобби.

Дипломатические отчеты содержат сведения о 10–12 тысячах различных польских организаций в США. «В период после Первой мировой войны и до 1940 г. их деятельность, помимо культурной и просветительской, сводилась главным образом к укреплению связей с Польшей, и они превратились в придаток польской государственной машины, непосредственное руководство которыми осуществлял посольский и консульский аппарат Польши в США» [13].

Описывая политическую деятельность поляков в США, отдел национальных групп США делает вывод, что «польские американцы образуют самую активную в политическом отношении иностранную национальную группу в США». «...Поэтому совершенно естественным было, что кризис Польши во Второй мировой войне должен был снова всколыхнуть польскую колонию в Америке и заставить ее живо интересоваться судьбой ее родины».

Польских американцев интересовали две связанные друг с другом проблемы: отношение Польши к Советскому Союзу и характер будущей Польши. «До событий Перл-Харбор общественное мнение в польской колонии делилось на два лагеря. Конечно, все американские поляки считали, что только победа союзников может принести независимость Польше. Однако многие говорили, по крайней мере, до 22 июня 1941 года, что после победы над Германией потребуется война с СССР для полного освобождения Польши. Эта точка зрения не исчезла» [14].

«В период с июня 1941 по апрель 1943 года, во время которого между польским эмигрантским правительством и СССР поддерживались дипломатические отношения, частично ликвидировалась давно существовавшая подозрительность поляков в отношении СССР. После апреля 1943 года дискуссия сосредоточилась на вопросе о статусе польского эмигрант-

ского правительства в Варшаве (Люблинского), признанного Советским Союзом, на которое большинство поляков смотрело как на средство господства СССР в Польше или осуществления там своего влияния, а также на вопросе польских границ и на позиции правительства США в отношении этих вопросов» [15].

Исходя из этих политических ориентиров, можно выделить четыре основные политические группировки, позиции которых базируются на традиционных идеях польских политических партий.

Первая группа была сформирована политическими беженцами, которые были членами или сторонниками довоенного польского правительства и известны как «группа полковников», «санация», «пилсудчики». Их политическим инструментом являлся численно небольшой, но сильный в финансовом отношении Национальный комитет американцев польского происхождения (КНАПП). Эта группа резко критиковала слишком примиренческое отношение эмигрантского правительства к СССР [16].

Национальный комитет американцев польского происхождения был основан в Нью-Йорке в 1942 г. с целью проведения пропаганды «в защиту прав Польши». Комитет объявил о своем намерении бороться против всяких уступок Москве со стороны польского правительства в Лондоне. Его лидеры ориентировались на созданный в 1944 г. Польско-американский конгресс. Идеологом группы был полковник Игнаци Матушевский, министр финансов в правительстве Пилсудского и хорошо известный журналист [17].

Польско-американский конгресс (ПАК) стал постоянной организацией в 1944 г. Конгресс ставил своей целью объединить американских граждан польского происхождения и распространять информацию среди американцев относительно исторической роли, задач и нужд Польши, поддерживал эмигрантское правительство в Лондоне [18].

К первой группе можно отнести также следующие организации: Польско-американский совет, который представлял многие польские организации до создания ПАК; Американские друзья Польши – организация, созданная в 1940 г.; Польский национальный совет Соединенных Штатов – это крупнейшее польско-американское общество в США, основанное в 1880 г., председатель которого Чарльз Розмарек стал председателем ПАК.

Вторая группа была наиболее многочисленной и влиятельной, включала значительную часть польских американцев, состоящих в обществах. Находясь под большим влиянием католического духовенства, они стояли на позиции общей поддержки польского эмигрантского правительства, но не имели собственного координационного органа. К ней можно отнести Католическую лигу (Лига Католицка), созданную в 1944 г. Несмотря на то, что программа Католической лиги ставила своей целью оказание моральной и материальной помощи Польше, ее деятельность должна была ограничиваться чисто религиозными и благотворительными делами, Лига имела более широкую программу, направленную на восстановление и сохранение господствующего положения католической церкви в послевоенной Польше. В Лиге состояли только польские католики [19].

Третья группа стояла за поддержку польского правительства, искала компромисса с Люблинским правительством. Ее поддерживали социалистические партии.

Самую левую позицию занимало общество «Полония», у руководства которого стояли коммунисты. Оно входило в Международный рабочий орден, безоговорочно одобряло советские требования в польско-советском конфликте и осуждало разрыв польско-советских отношений со стороны польского эмигрантского правительства, присоединилось к программе Люблинского правительства [20]. К этой же группе относилась Лига им. Костюшко, насчитывавшая 3000 человек. Это одна из первых наиболее активных польско-американских просоветских организаций, основанная священником Ст. Орлеманским в ноябре 1943 г., чтобы дать возможность полякам в Америке оказывать моральную поддержку полякам, сражающимся в СССР [21].

Отдельно можно выделить Совет центрально- и восточноевропейского планирования, созданный в Нью-Йорке в 1942 г. совместными усилиями делегатов, представлявших правительства Польши, Чехословакии, Югославии и Греции на Международной профсоюзной конференции в ноябре 1941 г. Совет проводил активную работу примерно в течение одного года как организация, занимавшаяся исследованием и планированием проблем восстановления в Центральной и Восточной Европе, но вскоре интерес к ней всех групп, за исключением польской, пропал. Правительства Греции и Югославии порвали свои связи с Советом осенью

1943 г. Совет продолжает существовать под тем же названием и высказывает свои взгляды в ежемесячнике «Новая Европа» [22].

Другой формой политической деятельности польской эмиграции можно считать издание газет и журналов, в которых, несомненно, ставятся вопросы политического характера. В информационном материале о стране указано, что «возникновение польской прессы в США относится к середине прошлого столетия. Первый печатный орган появился в 1863 году. Это была еженедельная газета “Эхо из Польши”. Непосредственным толчком к созданию этой газеты явилось восстание в Польше против русского царского правительства. Газета ставила себе целью – помощь этому восстанию из Америки» [23].

В послевоенный период в США работает не более 65–70 польских изданий, в том числе 9 ежедневных газет [24]. Для сравнения в Англии насчитывается в этот период 22 периодических издания на польском языке, отражающих все оттенки польских политических направлений от крайне правых до социалистов [25].

Начиная с 1918 г. количество польских изданий все время сокращалось. Было представление, что польская пресса обречена на вымирание. «Причиной такого мнения являлась прогрессивная американизация молодого польского поколения, родившегося в Америке от родителей иммигрантов. ...Депрессия польской прессы несколько снизилась лишь в 1939 г., т. е. со времени развала Польши как государства. Польская иммиграция с того времени стала больше интересоваться вопросами международной обстановки. Собственно, иммигрантов снова беспокоит вопрос о будущем Польши, поэтому более оживленно обсуждают эту проблему и, конечно, пытаются найти ответ, в первую очередь, в польской печати. За это время даже появилось 5 новых изданий: одна еженедельная газета “Наша трибуна”, два еженедельных журнала “Наш Свят” и “Польское обозрение” и два ежемесячных журнала “Белый орел” и “Оса”. Но такого оживления, как было в 1914–1918 гг., сейчас нет» [26].

В таблице приведена информация о польских изданиях в американских городах, в соответствии с которой Нью-Йорк может быть информационным центром для американцев польского происхождения.

Штат	Кол-во польского населения	Кол-во изданий
Нью-Йорк	1.100.000	12
Иллинойс	1.100.000	7
Пенсильвания	600.000	12
Мичиган	600.000	6
Нью-Джерси	300.000	7
Огайо	300.000	6
Висконсин	250.000	4
Массачусетс	200.000	4
Коннектикут	150.000	1
Индиана	100.000	1
Мэриленд	80.000	1

Польскую прессу в США в послевоенный период можно было поделить на три группы.

Первая группа состояла из открыто враждебных СССР изданий – это «Новый свят» и «Дзенник Польски».

«Новый свят» (Новый мир) – самая реакционная газета, выходила с 1897 г. (издатель М. Венгжинек), требовала восстановления Польши в границах 1939 г., после подписания советско-польского соглашения 1941 г. выступила против Сикорского, а 24 июня 1942 г. опубликовала декларацию новой организации «Национального комитета американцев польского происхождения».

«Дзенник Польски» (Дневник польский) выходил с 1904 г. До разрыва лондонским правительством отношений с СССР в 1943 г. открытую враждебность в публикациях не проявляла, являлась официальным органом Польского правительства, по отношению к американскому правительству была лояльна. Редактором был Марчель Карчевский. В ней публиковался бывший польский министр Матушевский [27].

Во вторую группу были включены издания, не проявлявшие открытой враждебности к СССР. К ней можно было отнести «Дзенник Звионзковы», «Дзенник Чикагоски», «Курьер Польски».

«Дзенник Звионзковы» (Дневник союза) резко выступал против Матушевского и тех газет, которые печатали его профашистскую пропаганду. «Дзенник Чикагоски» – газета с католическим уклоном, ее стиль схож с Нью-Йорк Таймс. Активно поддерживала президента Рузвельта, о СССР предпочитала не говорить, чувствовалась проанглийская политика. «Курьер Польски» – это старейшая в Америке, единственная польская газета, которая выходила два раза в день по американскому обычаю, к СССР относилась довольно неопределенно [28].

Третью группу составляли издания, лояльные к СССР и поддерживавшие Сикорского. Это «Наруд польски» (Народ польский), «Курьер Цодзенны». «Наруд польски» – официальный орган католического союза. «Курьер Цодзенны» – также католическая газета [29].

Таким образом, большинство польских печатных изданий в послевоенный период транслировало отношение части американского общества к советско-американским отношениям, кроме того, половина всех польских изданий принадлежала разным политическим организациям, что еще более политически окрашивало материал, который публиковался в польских изданиях.

Чтобы сформировать полное представление о политической деятельности польской эмиграции в США в 1945–1952 гг., важно обозначить, какие вопросы, значимые для поляков, обсуждались в Конгрессе США и можно ли сделать вывод о существовании польского лобби в политической системе США.

В 1945 г. польский вопрос в Конгрессе ставился только в связи с работой Крымской конференции и позицией лидеров стран-союзниц по поводу судьбы Польши. Внимание парламентариев обращалось на то, что Польша завоевала себе свободу и независимость, право на свободные демократические выборы. Но выказывалось опасение, что «истинно демократические свободы могут быть нивелированы территориальными изменениями». Аргументом для абсолютного права поляков на независимое государство приводится право нации на самоопределение из «Четырнадцати пунктов» В. Вильсона [30]. Такая позиция по польскому вопросу показывает не только абсолютную неосведомленность о специфике ялтинских договоренностей, но, более того, о нежелании понять особенности разрешения польского вопроса в пределах Ялтинско-Потсдамской системы.

1946–1947 гг. были более плодотворны в контексте обсуждения ситуации в Польше. Депутат от Иллинойса Т. С. Гордон 7 февраля 1946 г. предложил направить письмо госсекретарю Дж. Ф. Бирнсу с резолюцией Польско-американского конгресса, критикующей американскую «согласительскую» внешнюю политику, а 7 апреля 1946 г. обсуждалось заявление польского американского конгресса «Верните Польшу полякам» [31].

В 1948–1950 гг. происходит обострение советско-американских отношений в условиях холодной войны, польская община использует международные обстоятельства для привлечения внимания к проблемам Польши, особенно к обсуждавшемуся Катынскому делу. 7 ноября 1949 г. Артур Блисс Лэйн, бывший послом США в Польше в 1945–1947 гг., обратился с письмом к министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому, «затронув инцидент в Катыни и попросив достоверного описания событий убийства более чем 4000 польских офицеров в Катынском лесу и исчезновения других 10000 польских военнопленных где-то в СССР во время прошедшей войны» [32].

Образ послевоенной Польши в США также формируется под влиянием политических деятелей из Лондонского эмигрантского правительства. Так, 28 марта 1949 г. в палате представителей было озвучено обращение члена довоенного Польского парламента, члена польского правительства в эмиграции и на тот момент члена Национально-демократической партии Польши Тадеуша Билески. Польский политик поднимает очень болезненный для Польши вопрос о самостоятельном политическом курсе: «Каждая нация имеет право организовать собственный порядок в соответствии с национальными правилами, а не по зарубежному образцу», таким образом намекая на то, что американцы должны им помочь освободиться от «советского образца». Билески призывает противостоять советской мощи, «иначе весь мир может оказаться под советской пятой», так как «коммунизм питает отвращение к компромиссам, не терпим к другой точке зрения, является разрушающей силой», а Соединенные Штаты обладают такой силой, которая может противостоять коммунизму [33]. Все выводы польского политического деятеля говорят о попытках довоенной политической элиты Польши добиться преференций для себя в послевоенной мировой политике.

Летом 1949 г. в Конгрессе США вновь ставится вопрос о помощи Польше, причем, выступая в Сенате, конгрессмен Уилей материальную помощь Польше называет «сложной задачей спасения Польши в 1949 году». Он обращает внимание Конгресса на необходимость финансовой и материальной помощи полякам, исходя из принципов равенства и гуманизма [34]. Это выступление показывает нам, что уже в 1949 г. американское общество постепенно теряет интерес к политической стороне польского вопроса. Но следует сказать, что это обращение к Конгрессу было запоздалым, так как уже 15 января 1949 г. между СССР и Польшей был подписан «Протокол о взаимных поставках товаров на 1949 год», в соответствии с которым стороны договорились о расширении свободной торговли на 35% по сравнению с ежегодными поставками, предусмотренными соглашением, подписанным 26 января 1948 г. «Советский союз будет поставлять в Польшу в 1949 году хлопок, железные, марганцовые, хромовые руды, автомобили, тракторы» [35]. В свою очередь, «Польша должна будет поставлять уголь, цветные и черные металлы, сахар и текстиль» [36]. Эти соглашения стали основой советско-польского экономического сотрудничества в 1949–1953 гг.

В условиях начинающейся предвыборной кампании 18 сентября 1951 г. в палате представителей Конгресса США был создан Комитет, ведущий расследование и изучающий факты, свидетельства и обстоятельства убийства в Катынском лесу в составе 7 конгрессменов [37]. На этом же заседании были сделаны первые комментарии, все они носили антисоветский характер или были пронизаны антисоветским настроением.

Подведем итог. Данное исследование не преследовало цель конкретизировать деятельность поляков в США по отдельным направлениям. Поэтому научная статья приобрела обобщающий информационный характер с опорой на статистические данные. Более подробное изучение места польского фактора во внешней политике США в 1945–1952 гг. – это предмет для будущих исследований.

Польская эмиграция в США в 1945–1952 гг. сформировала максимально активную политическую группу, которая использовала в своей деятельности разные формы участия в политике. Польско-американский конгресс стал глашатаем интересов американцев польского происхождения в начальный период холодной войны. Но польское влияние на политические решения в США не было системным, оно было связано только с эскалацией антисоветизма и антикоммунизма в стране. Дискуссия, развернувшаяся в Конгрессе США в 1949–1950 гг., показывает нам, что кризисы «холодной войны» прямым образом отражаются на общественном настроении, а также в этих условиях события локального характера приобретали большой резонанс на международном уровне.

В 1950–1952 гг. американцы польского происхождения в американском Конгрессе уже не стремились обсуждать вопросы пересмотра расстановки сил в мире и возвращения Польши в ряды полноправных субъектов международных отношений, поэтому и поднимало только частные вопросы, которые могли обеспечить им политические дивиденды. Таким вопросом стал расстрел польских военнопленных в Катынском лесу. В связи с этим можно прийти к заключению, что «польского лобби», определяющего определенное направление политики США, не было, польская эмиграция в 1948–1951 гг. сформировала группу давления и пыталась обеспечить себе поддержку высшего руководства страны, но безуспешно.

Примечания

1. Историография революционных преобразований в Польше (1944–1949 гг.). М., 1987. С. 108.
2. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): очерки истории. М., 2008; Яжборовская И. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2009. Носкова А. Ф. Послевоенное десятилетие. 1945–1955 гг. // Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда. М., 2010. С. 394–449.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б). Оп. 128. Д. 639. Л. 10.
4. Там же. Л. 7.
5. Там же. Л. 10.
6. Там же. Л. 7.
7. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 14. Л. 3.
8. Там же. Л. 11.

9. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 12. Л. 105.
10. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 14. Л. 11.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б). Оп. 128. Д. 639. Л. 90.
12. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 14. Л. 12.
13. Там же.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б). Оп. 128. Д. 639. Л. 128–129.
15. Там же. Л. 130.
16. Там же. Л. 131.
17. Там же. Л. 98.
18. Там же. Л. 99.
19. Там же. Л. 95–96.
20. Там же. Л. 104.
21. Там же. Л. 97.
22. Там же.
23. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 12. Л. 168, 170.
24. Там же. Л. 168.
25. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 14. Л. 395.
26. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 12. Л. 168.
27. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. Д. 14. Л. 16.
28. Там же. Л. 149–151.
29. Там же. Л. 148.
30. U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding a. debates of the 79th Congress, first session. 1945. V. 91. Wash., 1945. P. 1168. (Далее – Congressional Record.)
31. Congressional Record. 1946. V. 92. P. 9–10.
32. Congressional Record. 1950. V. 96. P. A477.
33. Congressional Record. 1949. V. 95. P. A1846.
34. Ibid. P. A5278.
35. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 11. Д. 264. Л. 1.
36. Там же. Л. 2.
37. Congressional Record. 1951. V. 97. P. 11545.

Notes

1. Historiography of revolutionary transformations in Poland (1944-1949). Moscow, 1987. P. 108.
2. *Volokitina T. V., Murashko G. P., Durable wa A. F. Pokivaylova T. A. Moskva i Vostochnaya Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953): ocherki istorii [Moscow and Eastern Europe. Formation of political regimes of the Soviet type (1949–1953): history sketches]. Moscow, 2008; Yazhborovskaya I. S. Katyinskiy sindrom v sovetsko-polskikh i rossiysko-polskikh otnosheniyah [Katynsk syndrome in the Soviet-Polish and Russian-Polish relations]. Moscow, 2009. Noskova A. F. Poslevoennoe desyatiletie 1945–1955 gg. [Post-war decade. 1945–1955]// Belye pyatna – chernyye pyatna: slozhnyye voprosy v rossiysko-polskikh otnosheniyah – White spots – black spots: difficult questions in the Russian-Polish relations / under a general edition of A. V. Torkunov, A. D. Rotfeld. Moscow, 2010. Pp. 394–449.*
3. The Russian state archive of socio-political history (further – RGASPI). F. 17. Department of foreign policy of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks). Sec. 128. 639. Sh. 10.
4. In the same place. Sh. 7.
5. In the same place. Sh. 10.
6. In the same place. Sh. 7.
7. Archive of foreign policy of the Russian Federation (further – AVP Russian Federation). F. 122. Shed. 24. F. 14. Sh. 3.
8. In the same place. Sh. 11.
9. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 12. Sh. 105.
10. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 14. Sh. 11.
11. RGASPI. F. 17. Department of external policy of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks). Sec. 128. 639. Sh. 90.
12. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 14. Sh. 12.
13. In the same place.
14. RGASPI. F. 17. Department of external policy of the Central Committee of All-Union Communist Party (bolsheviks). Sec. 128. 639. Sh. 128–129.
15. In the same place. Sh. 130.
16. In the same place. Sh. 131.
17. In the same place. Sh. 98.
18. In the same place. Sh. 99.

19. In the same place. Sh. 95–96.
20. In the same place. Sh. 104.
21. In the same place. Sh. 97.
22. In the same place.
23. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 12. Sh. 168, 170.
24. In the same place. Sh. 168.
25. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 14. Sh. 395.
26. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 12. Sh. 168.
27. AVP of Russian Federation. F. 122. Shed. 24. F. 14. Sh. 16.
28. In the same place. Sh. 149–151.
29. In the same place. Sh. 148.
30. U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding a. debates of the 79th Congress, first session. 1945.
- V. 91. Wash. 1945. P. 1168. (Further – Congressional Record.)
31. Congressional Record. 1946. V. 92. P. 9–10.
32. Congressional Record. 1950. V. 96. P. A477.
33. Congressional Record. 1949. V. 95. P. A1846.
34. Ibid. P. A5278.
35. AVP of Russian Federation. F. 06. Shed. 11. F. 264. Sh. 1.
36. In the same place. Sh. 2.
37. Congressional Record. 1951. V. 97. P. 11545

Вопросы правоприменительной практики контрольно-надзорных органов в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П

Вопросы снижения административного давления на российский бизнес и повышение его конкурентоспособности в условиях вступления России во Всемирную торговую организацию приобретают первоочередное значение для экономического развития государства. В то же время сложившаяся в последние годы законодательная практика ориентирована на ужесточение мер административной ответственности в отношении юридических лиц и предпринимателей за нарушения тех или иных норм при государственном контроле (надзоре). При этом уполномоченные органы и суды по действующему законодательству не вправе снижать штрафные санкции ниже размеров, установленных соответствующей статьей КоАП РФ.

В статье дан анализ проблем законности и целесообразности привлечения к административной ответственности контрольно-надзорными органами Российской Федерации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также назначения ими административных взысканий в виде штрафа в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П.

The problems of reduction of administrative pressure on business in Russia and increase its competitiveness in the conditions of Russia's entry into the world trade organization get the highest priority for the economic development of the state. At the same time, developed in recent years, the legal practice is aimed at toughening measures of administrative liability against legal persons and entrepreneurs for violations of various provisions of the state control (supervision). In addition, authorized authorities and courts under the current law has no right to reduce penalties below the sizes established by the corresponding article of the administrative code.

The article analyses the issues of legality and expediency of attraction to administrative responsibility of the supervising bodies of the Russian Federation of legal entities and individual entrepreneurs, as well as the purpose of their administrative penalties in the form of a fine in the light of the decisions of the constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2014, N 4-P.

Ключевые слова: административное законодательство, административное наказание, штраф, санкции, соответствие Конституции, государственный надзор, правоприменение, правовое регулирование, судебная практика.

Keywords: administrative law, administrative penalties, fines, penalties, according to the Constitution, state supervision, enforcement, regulation, legal practice.

Проблемы применения к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, совершившим в процессе осуществления предпринимательской деятельности административные правонарушения, административных наказаний, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, в последние годы находятся в центре внимания ученых-административистов, а также бизнес-сообщества и правоприменителей.

Это связано с устойчивой тенденцией в деятельности федеральных органов законодательной власти к расширению круга общественных отношений, охраняемых мерами административной ответственности, и к существенному ужесточению административных нака-

заний, в частности к увеличению размеров административного штрафа за совершение отдельных видов административных правонарушений.

При этом законодателем не учитывается, что увеличение минимального размера административного штрафа за совершение отдельных видов административных правонарушений для предприятий малого бизнеса, допустивших незначительные нарушения правил, нормативов и стандартов, может повлечь существенное ухудшение их финансового состояния, вплоть до прекращения их деятельности.

Так, например, 7 мая 2013 г. вступил в действие Федеральный закон № 98-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О рекламе” и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Статьей 2 данного закона внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающие, в частности, увеличение штрафных санкций в отношении юридических лиц за установку и (или) эксплуатацию рекламных конструкций без соответствующего разрешения с 80 тыс. рублей до 1 млн рублей (в 12,5 раза). При этом субъектом административной ответственности в данном случае может стать юридическое лицо, которое в силу бюрократической волокиты со стороны уполномоченных органов не смогло своевременно продлить срок действия имевшегося ранее разрешения, то есть лишь формально совершившее правонарушение.

Вопросы справедливости, целесообразности и соразмерности административных наказаний, применяемых в отношении субъектов предпринимательской деятельности, неоднократно ставились в публикациях профессора кафедры государственно-правовых дисциплин, доктора юридических наук П. И. Кононова [1], широко обсуждались на научно-практических конференциях [2] и различных площадках бизнес-сообщества.

Особую актуальность эти проблемы приобрели со вступлением России в ВТО, так, чрезмерное административное давление на бизнес существенно снижает его конкурентоспособность в условиях общего рынка [3].

Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно высказывалась правовая позиция, согласно которой мера административного наказания должна быть соразмерна содеянному и не превращаться из меры воздействия в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы [4].

Одной из основных проблем в данной сфере учеными и практиками всегда указывалась невозможность в рамках действующего административного законодательства в условиях чрезмерно завышенных административно-правовых санкций снижения органом, должностным лицом, судьей, рассматривающим дело о соответствующем административном правонарушении, минимального размера административного штрафа.

Предложения по внесению соответствующих поправок в Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), предусматривающих по аналогии с Уголовным кодексом Российской Федерации назначение административного наказания в виде штрафа в отдельных случаях ниже размера санкции установленной соответствующей статьи КоАП РФ, неоднократно вносились нами в уполномоченные органы, в том числе Вятской торгово-промышленной палатой через Российскую торгово-промышленную палату, однако не нашли своего практического воплощения до настоящего времени.

В сложившейся ситуации ряд хозяйствующих субъектов из различных регионов Российской Федерации, ставших субъектами, к которым были применены чрезмерно высокие штрафные санкции, был вынужден обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобами о соответствии такой правоприменительной практики Конституции Российской Федерации.

В частности, ОАО «Эксплуатационно-технический узел связи» (Нижегородская область) посчитал несправедливым наказанием наложенного на него уполномоченным органом административного штрафа в размере 700 тыс. рублей за совершение административного правонарушения, выразившегося в нарушении установленных сроков представления ежеквартальных отчетов в регистрирующий орган.

По этим же вопросам в Конституционный Суд обратился и сам правоприменитель – Арбитражный суд Нижегородской области.

Предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу явились положения ч. 1 ст. 7.3, ч. 1 ст. 9.1, ч. 1 ст. 14.43, ч. 2 ст. 15.19, ч. 2 и 5 ст. 15.231 и ст. 19.73 КоАП Российской Федерации, устанавливающие минимальные размеры

административных штрафов, применяемых в отношении юридических лиц, совершивших предусмотренные ими административные правонарушения, в той мере, в какой эти положения во взаимосвязи с закрепленными данным Кодексом общими правилами применения административных наказаний служат основанием для наложения на юридическое лицо административного штрафа за конкретное административное правонарушение.

Рассмотрев данное дело, Конституционный Суд установил ряд важнейших положений, которые существенным образом повлияют на практику применения административного законодательства уполномоченными государственными органами при назначении штрафов и в значительной степени защитят права субъектов предпринимательской деятельности, обеспечив возможность правоприменителю налагать административные штрафы в разумных и справедливых пределах.

В частности, суд подтвердил выводы наших ученых о том, что меры административной ответственности и правила их применения, устанавливаемые законодательством об административных правонарушениях, должны не только соответствовать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений.

А применение административных штрафов, минимальные размеры которых сопряжены со значительными денежными затратами, может – при определенных обстоятельствах – противоречить целям административной ответственности и приводить к чрезмерному ограничению конституционных прав и свобод.

Суд также установил, что для приведения правового регулирования размеров административных штрафов, устанавливаемых для юридических лиц, и правил их наложения в соответствие с конституционными требованиями могут использоваться различные способы, в том числе снижение минимальных размеров административных штрафов, установление более мягких альтернативных санкций, введение дифференциации размеров административных штрафов для различных категорий (видов) юридических лиц, уточнение (изменение) правил наложения и исполнения административных наказаний.

В противном случае, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 января 2013 года № 1-П, нельзя исключить превращения административных штрафов, имеющих значительные минимальные пределы, из меры воздействия, направленной на предупреждение административных правонарушений, в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности, что недопустимо в силу ст. 17, 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1, 2 и 3) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации и противоречит общеправовому принципу справедливости.

Таким образом, суд признал оспариваемые заявителями санкции соответствующих статей КоАП РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1, 2 и 3) и 55 (ч. 3) и установил, что впредь, до внесения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях надлежащих изменений, размер административного штрафа, назначаемого юридическим лицам за совершение административных правонарушений, минимальный размер административного штрафа за которые установлен в сумме 100 тыс. рублей и более, может быть снижен на основе требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, если наложение административного штрафа в установленных соответствующей административной санкцией пределах не отвечает целям административной ответственности и с очевидностью влечет избыточное ограничение прав юридического лица [5].

Этим, без преувеличения, судьбоносным решением Конституционный Суд Российской Федерации наконец восстановил в полной мере действие принципов справедливости и соразмерности административного наказания, применяемого в отношении юридических лиц, и обязал федерального законодателя привести нормы административного права в соответствие с ними.

Примечания

1. Кононов П. И. О некоторых актуальных проблемах административной ответственности юридических лиц (по материалам арбитражно-судебной практики) (статья) Законы России // Опыт. Анализ. Практика. 2012. № 3.

2. Домрачев Д. Г. Зарубежный опыт взаимодействия государственных надзорных органов и субъектов предпринимательской деятельности // Теоретические и практические аспекты осуществления и защиты прав и свобод: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 2013.

3. Домрачев Д. Г. О неотложных мерах по повышению конкурентоспособности российского предпринимательства в условиях интеграции по Всемирную торговую организацию // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(1).

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 г. № 1-П // Российская газета. 2013. 21 янв.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 4-П // Российская газета. 2014. 5 марта.

Notes

1. Kononov P. I. O nekotoryih aktualnyih problemah administrativnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits (po materialam arbitrazhno sudebnoy praktiki) (statya) Zakonyi Rossii [About some actual problems of administrative responsibility of legal entities (on materials arbitration – but jurisprudence) (article) Laws of Russia]// Opyit. Analiz. Praktika. – Experience. Analysis. Practice, 2012, No. 3.

2. Domrachev D. G. Zarubezhnyiy opyt vzaimodeystviya gosudarstvennyih nadzornyih organov i sub'ektov predprinimatelskoy deyatel'nosti [Foreign experience of interaction of the government supervisory authorities and subjects of business activity] // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty osuschestvleniya i zaschityi prav i svobod: sb. materialov Vseros. nauch. prakt. konf. [Theoretical and practical aspects of implementation and protection of the rights and freedoms: collection of the materials of All-Russia scientific and practical conference]. Kirov, 2013.

3. Domrachev D. G. O neotlozhnyih merah po povysheniyu konkurentosposobnosti rossiyskogo predprinimatel'stva v usloviyah integratsii po Vsemirnyuyu torgovuyu organizatsiyu [About urgent measures for increase of competitiveness of the Russian business in the conditions of integration on the World Trade Organization]// Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta- Herald of Vyatka state humanitarian university, 2012, No. 4(1).

4. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 17, 2013, No. 1 // The Russian Newspaper. 2013. January, 21. (in Russ.)

5. The resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2014, No. 4 // The Russian Newspaper, 2014, March 5.

УДК 34

Д. К. Ярославцева

Метод свободного толкования конституции в деятельности Верховного суда США

В статье анализируются понятие и сущность метода свободного толкования норм Конституции США: причины возникновения данного метода толкования права в деятельности Верховного суда США, позиция судей Верховного суда США, а также отечественных и зарубежных ученых по данному вопросу; примеры решений, вынесенных Судом с использованием метода свободного толкования; позитивное значение метода свободного толкования Конституции США в правоприменительной практике Верховного суда.

The article deals with the concept and essence of the loose interpretation method of the United States Constitution in the actions of the Supreme Court of the USA: the cause of this method, the position of judges of the Supreme Court of the United States, the position of Russian and foreign scientists on the subject; examples of decisions in the actions of the Supreme Court of the USA; the positive role of the loose interpretation method of the United States Constitution in the actions of the Supreme Court of the USA.

Ключевые слова: Конституция США, Верховный суд США, судебный конституционный контроль, конституционное толкование, метод толкования, метод свободного толкования, неинтерпретивистский метод толкования.

Keywords: the constitution of the USA, the Supreme Court of the USA, judicial review, the constitutional interpretation, method of interpretation, loose interpretation method, non-interpretive.

Толкование конституции и ее норм требует в каждом конкретном случае не только тщательного учета дословного текста толкуемого положения, но и истории его возникновения, места в системе конституции, его смысл и цель. Отмечая необходимость определённого компромисса между стабильностью права и социальным динамизмом, представители социологической юриспруденции считали возможным наделение судьи правом решать, подлежит ли применению та или иная норма закона или судебный прецедент, в том числе и вкладывать новый смысл в текст конституции.

Таким образом, Верховный суд США занимается не просто буквальным истолкованием текста закона, но учитывает и создает по многим делам правоприменительную практику, то есть высший судебный орган США оценивает не застывший на бумаге текст, а его живое, осуществляемое на практике звучание.

Такой подход к толкованию конституции принято называть методом свободного толкования, именуемым в США как «loose interpretation», или, как его еще принято называть, «non-interpretivist», т. е. неинтерпретивистский – метод, возникший из доктрины «свободного судебного усмотрения» [1].

Среди представителей данного подхода к толкованию норм конституции можно назвать таких судей Верховного суда США, как Б. Кардозо, Ч. Хьюз, У. Дуглас, О. Холмс, Дж. Маршалл и др.

Американские теоретики и отечественные исследователи в качестве причин появления метода свободного толкования выделяют следующие факторы:

1) огромная роль судов, легкость обращения в судебные органы, что якобы способствует увеличению числа рассматриваемых дел и дает возможность вмешиваться в законодательную деятельность, исправляя ее недостатки;

2) доктрина прецедента, господствующая в системе американского судопроизводства [2];

3) заложенная отцами-основателями возможность саморазвития конституции [3];

4) экономический фактор – вступление США в эпоху развитого капитализма потребовало от американских судов изыскания дополнительных возможностей обоснования их полномочий по осуществлению конституционного контроля [4];

5) обобщенно сформулированные законы и лаконичность самой конституции позволяют судьям при осуществлении толкования влиять на содержание нормативных актов;

6) неопределенность и расплывчатость конституционных формул дают возможность вкладывать в них тот смысл, который искажает намерения отцов-основателей;

7) мировоззренческая позиция самих верховных судей, которая, по мнению М. А. Никифоровой, порождается глубоко укоренившимся в сознании современного интеллектуала скептицизмом в отношении любых естественно-правовых доктрин. Наука, эмпирические данные заставляют людей сомневаться в наличии всеобщих универсальных законов, исходящих от «Природы» или «Всевышнего» [5].

Дж. Уилсон так раскрывает суть одного из вышеобозначенных факторов неинтерпретивистского толкования: «Такие формулировки, как “должный процесс закона”, “привилегии и иммунитеты граждан”, “равная защита закона”, возможно, были полны определенного смысла во времена Б. Франклина и Д. Вашингтона, но теперь по сути своей являются двусмысленными, а это дает простор фантазии судей: не случайно за последние сорок лет суд радикальным образом менял свою интерпретацию подобных фраз. Аналогично и законы, принимаемые Конгрессом, изложенные неясными формулировками: в частности предписывая предоставлять полномочия ведомствам и поступать так, как того требуют “общественные интересы”, они мало сообщают, как именно определить подобные интересы. Законы, направленные на смягчение бедности или перестройку жилых районов, упоминают об “участии граждан”, но не объясняют, кто эти граждане и какими полномочиями они пользуются. Все это дает суду возможность, относясь к конституционным положениям как к набору об-

щих принципов и формулировок, вносить свои коррективы в действующее законодательство, вводя новые доктрины, расширяя область применения конкретного закона» [6].

К примеру, согласно поправке XIV к конституции США, «ни один штат не должен лишать кого-либо жизни, свободы или собственности без надлежащей правовой процедуры». Этот принцип неоднократно толковался Верховным судом США и закреплялся прецедентами. Так, в одном из постановлений по делу в 1970 г. было сформулировано общее определение «надлежащей правовой процедуры, фундаментальным условием которой является возможность быть выслушанным. Это выслушивание должно осуществляться в определенное время и определенным способом... В этом контексте указанный принцип требует, чтобы тот, к кому это относится, был своевременно и правильно извещен о подробных основаниях и получил реальную возможность защиты от показаний свидетелей противоположной стороны представлением своих собственных устных аргументов и устных показаний...» [7].

На основании поправки XIV Верховный суд создал доктрину «фундаментальных прав и свобод» человека, к которым суд поначалу относил гражданские свободы и политические права, прямо упомянутые в конституции и формально охраняемые от произвола со стороны властей Биллем о правах. Связав воедино положения поправки XIV о «надлежащей правовой процедуре» и «равной защите законов», суд расширил понятие «фундаментальных прав», отнес к этой категории такие права человека, которые не только прямо упомянуты конституцией, но и подразумеваются ею, вытекают из ее духа. К примеру, суд Уоррена сконструировал права, связанные с неприкосновенностью личной жизни граждан, право свободного передвижения и выбора места жительства, право на брак, на обращение в суд, на участие в выборах и др. [8]

С. Л. Будылин отмечает, что за истекшие двести с лишним лет суды выработали весьма развитую теорию того, что означает понятие «надлежащей правовой процедуры». Период наиболее интенсивного развития теории значения оговорки о «надлежащей процедуре» получил название «революция надлежащей процедуры», которая является ярким примером вложения совершенно нового смысла в неизменный текст конституции [9].

Важным моментом в осуществлении функции судебного конституционного контроля высшим судебным органом страны является тот факт, что Верховный суд США не придерживается строго каких-либо единых правил или приемов конституционного толкования. Формы его меняются и зависят не только от характера конституционных предписаний. К примеру, по мнению С. А. Егорова, конституционная философия подразумевает лишь функцию «творческого толкования конституции», не конкретизируя, как именно осуществляется данная роль [10].

В конечном итоге, при использовании данного метода толкования конституции, речь идет не о выяснении позиций создателей проекта, которые очерчивают пределы интерпретации конституции, а о выявлении объективного смысла самой конституции, быть может не совпадающего с субъективными представлениями его создателей. По замечанию Т. Маунца, «толкователь, смотря по обстоятельствам, может понимать конституцию лучше, чем понимали ее авторы самого текста» [11].

При этом суд не всегда может рассматривать текст интерпретируемой нормы в качестве той границы толкования, которую невозможно преодолеть. Анализ языка конституции, ее истории достаточен при «первичной» ее интерпретации. Рациональное применение конституции или принятого на ее основе закона может потребовать от интерпретатора выйти за пределы чисто грамматического толкования, основанного на дословном тексте конституционной нормы. И тогда Верховный суд одновременно выполняет в известной мере правотворческую функцию, поскольку предлагает такие решения, которые связаны с дословным текстом конституции весьма тонкими нитями.

Действительно, некоторые теоретики, в целом согласные с существованием судебного активизма, проявляемого в ходе конституционного контроля, ограничивают его определенными правовыми сферами. Так, безусловно, принимается активизм в области защиты гражданских прав и свобод, в охране прав наименее обеспеченных слоев общества. Но при этом не рекомендуется активно вмешиваться в вопросы федерализма, взаимоотношений между штатами и разделения властей, поскольку данные проблемы вполне могут разрешаться политическим путем, а не с помощью судебного процесса. При условии сохранения подобного баланса все существующие споры о незаконности и ненужности судебного активизма прекращаются.

Наиболее яркий пример использования метода свободного толкования конституции – «торговая оговорка». По тексту конституции, основная экономическая роль федерального центра – регулирование торговли между штатами. В деле «Gibbons v. Ogden», используя при толковании «торговли» довольно широкое и не вполне определенное понятие «взаимосвязи», Маршалл предоставил Конгрессу США возможность включать в торговлю в конституционном значении данного явления многочисленные проявления общественных отношений, связанных с движением товаров и лиц между штатами. Хотя изначально законодатель, говоря о «торговле», имел в виду куплю-продажу, обмен и связанное с ними перемещение товаров. То есть компетенция федерации не распространяется на любую коммерческую деятельность, хотя бы и воздействующую на торговлю, но собственно торговлей не являющуюся [12].

В период с 1937 по 1995 г. торговая оговорка нашла несколько неожиданное применение: она стала активно использоваться для почти безграничного расширения полномочий федерального центра, и не только экономических. Логическое обоснование состоит в том, что почти любое действие федерального центра так или иначе влияет на торговлю между штатами, следовательно, разрешено торговой оговоркой [13].

Так, конституционной основой для некоторых антидискриминационных законов послужила именно торговая оговорка. В деле «Katzenbach v. McClung» (1964) федеральный запрет на расовую дискриминацию в частных ресторанах был признан конституционным, поскольку такая дискриминация, помимо прочего, ограничивает возможности передвижения чернокожих граждан по коммерческим делам, следовательно, влияет на торговлю между штатами [14].

По мнению С. Л. Будылина, такая техника интерпретации конституционной нормы выводит полномочия федерального центра далеко за рамки, предусмотренные самими авторами конституции [15].

Нам представляется верным мнение С. Л. Будылина, утверждающего, что в ряде случаев конституция трактуется судами не так, как могли бы предложить ее авторы [16]. Судьи Верховного суда создают «новую» Конституцию, применяя конституционные положения к реальным социально-политическим условиям общества. Направленностью свободного толкования конституции являются: защита основных прав человека, поддержание баланса между ветвями власти [17].

В заключение хотелось бы отметить позитивное значение метода свободного толкования Конституции США в правоприменительной практике Верховного суда:

- 1) свободное толкование устраняет нарушение конституционности и фиктивности норм конституции в связи с изменением социально-политических отношений;
- 2) данный метод позволяет избежать сложной процедуры внесения поправок;
- 3) свободное толкование конституции препятствует необоснованному росту подзаконных актов и судебных прецедентов ввиду краткости и преклонного возраста основного закона США;
- 4) метод свободного толкования конституции США способен смягчить, а в дальнейшем и устранить противоречия в действующем праве;
- 5) практика Верховного суда США по применению метода свободного толкования конституции свидетельствует об умении устанавливать баланс между фактическими отношениями, волей законодателя и «духом» конституции;
- 6) метод свободного толкования позволяет наиболее эффективно защищать права и свободы личности;
- 7) данный путь толкования представляется наименее сложным и прогрессивным.

Таким образом, в случае использования Верховным судом США метода свободного толкования конституции итог должен быть один – обеспечение в процессе толкования конституционных норм совпадения фактической и юридической конституции. Толкование конституции, в конечном счете, – это основа фактической конституции, которая не может противоречить писаной конституции. Соответствие фактической конституции, «устного» конституционного права писаной конституции – основной критерий адекватности интерпретации последней и непременное условие реализации функции конституции по рационализации организации и функционирования социума, стабилизации институтов конституционного строя, ограничения государственной власти и возможностей ее вторжения в сферу индивидуальной автономии личности и гражданское общество.

Примечания

1. *Евдокимов В. Б.* Конституционное судопроизводство в США. Екатеринбург, 1996. С. 33.
2. *Жидков О. А.* Верховный суд США: право и политика. М.: Наука, 1985. С. 110–113.
3. *Miller, Charles A.* The Supreme Court and the uses of history. Cambridge, 1969. P. 46.
4. *Евдокимов В. Б.* Указ. соч. С. 32.
5. *Никифорова М. А.* Гражданские права и свободы в США: судебная доктрина и практика. М.: Наука, 1991. С. 48.
6. *Уилсон Дж.* Американское правительство. М., 1997. С. 414–415.
7. *Апарова Т. В.* Конституционное регулирование организации и деятельности судов: зарубежная практика // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 151–160.
8. *Мишин А. А., Власихин В. А.* Конституция США. Политико-правовой комментарий. М.: Юрид. лит., 1985. С. 294.
9. *Будылин С. Л.* Верховный суд против «отцов-основателей». Парадоксы конституционного права США и выводы для России // Российская юстиция. 2007. № 2. С. 68.
10. *Егоров С. А.* Конституционный надзор в современной политико-правовой теории США // Советское государство и право. 1991. № 4. С. 124.
11. *Эбзеев Б. С.* Толкование конституции Конституционным судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 8–9.
12. *Gibbons v. Ogden* // United States Reports. 22 U.S. 1 (1824).
13. *Сидоров О. А.* Судебный федерализм США: история и современность: Клаузула о торговле: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Йошкар-Ола, 2007. 179 с.
14. *Katzenbach v. McClung*, 379 U.S. 294 (1964).
15. *Будылин С. Л.* Указ. соч. С. 67.
16. *Будылин С. Л.* Указ. соч. С. 68.
17. *Лuzин В. В.* Методы толкования Конституции в деятельности Верховного Суда США // Государство и право. 1997. № 10. С. 93.

Notes

1. *Evdokimov V. B.* Konstitutsionnoe sudoproizvodstvo v SShA. [The constitutional legal proceedings in the USA]. Yekaterinburg, 1996. P. 33.
2. *Zhidkov O. A.* Verhovnyiy sud SShA: pravo i politika [U.S. Supreme Court: right and policy]. Moscow: Nauka Publ., 1985. Pp. 110–113.
3. *Miller, Charles A.* The Supreme Court and the uses of history. Cambridge, 1969. P. 46.
4. *Evdokimov V. B.* Spec. work. P. 32.
5. *Nikiforova M. A.* Grazhdanskie prava i svobody v SShA: sudebnaya doktrina i praktika [The civil rights and freedoms in the USA: judicial doctrine and practice.] Moscow: Nauka Publ., 1991. P.48.
6. *Wilson Dzh.* American government. Moscow, 1997. Pp. 414–415. (Russ. ed.: Uilson Dzh. Amerikanskoe pravitelstvo. Moscow, 1997. Pp. 414–415.)
7. *Aparova T. V.* Konstitutsionnoe regulirovanie organizatsii i deyatelnosti sudov: zarubezhnaya praktika [Konstitutsionnoye organization and activity of the courts regulation: foreign practice]// Zhurnal rossiyskogo prava – Magazine of Russian law, 1998, No. 6. Pp. 151–160.
8. *Mishin A. A. Vlasikhin V. A.* Konstitutsiya SShA. Politiko pravovoy-kommentariy. [Constitution of the USA. Politiko legal comment.] Moscow: Yurid. lit.Pub. 1985. P. 294.
9. *Budylin S. L.* Verhovnyiy sud protiv «ottsov osnovateley». Paradoksyi konstitutsionnogo prava SShA i vyivody dlya Rossii [The Supreme Court against "fathers of founders". Paradoxes of a constitutional law of the USA and conclusions for Russia]// Rossiyskaya yustitsiya – The Russian justice, 2007, No. 2. P. 68.
10. *Egorov S. A.* Konstitutsionnyy nadzor v sovremennoy politiko pravovoy teorii SShA [The constitutional supervision in modern policy of the legal theory of the USA]// Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet state and the right, 1991, No. 4. P. 124.
11. *Ebzeev B. S.* Tolkovanie konstitutsii Konstitutsionnyim sudom Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie i prakticheskie problemy [Constitution interpretation by the Constitutional court of the Russian Federation: theoretical and practical problems]// Gosudarstvo i pravo- State and right, 1998, No. 5, pp. 8-9.
12. *Gibbons V. Ogden*//United States Reports. 22 U.S. 1 (1824).
13. *Sidorov O. A.* Sudebnyiy federalizm SShA: istoriya i sovremennost: Klauzula o trgovle: dis. kand. yurid. nauk [Judicial federalism of the USA: history and present: Clause about trade: Cand. of Jur. science diss.]: 12.00.01. Yoshkar-Ola, 2007. 179 pages.
14. *Katzenbach v. McClung*, 379 U.S. 294 (1964).
15. *Budylin S. L.* Spec. work. P. 67.
16. *Budylin S. L.* Spec. work. P. 68.
17. *Luzin V. V.* Metodyi tolkovaniya Konstitutsii v deyatelnosti Verhovnogo Suda SShA [Methods of interpretation of the Constitution in U.S. Supreme Court activity]// Gosudarstvo i pravo – The State and the right, 1997, No. 10. P. 93.

К вопросу об использовании дефиниции «должностное лицо» в современном законодательстве Российской Федерации

В работе автором рассматриваются законодательные нормы, имеющие в своем составе термин «должностное лицо». Анализируя современное российское законодательство, правоприменительную практику, доктринальные толкования существующих в законодательстве определений должностного лица, автор обосновывает необходимость унифицированного понятия «должностное лицо», закрепленного на законодательном уровне.

In article as the author the legislative norms incorporating the term «official» are considered. Analyzing the modern Russian legislation, practice, the scientific interpretation of definitions of the official existing in the legislation by the author necessity of the unified concept the «official» fixed at legislative level is proved.

Ключевые слова: законодательство, должностное лицо, руководитель, представитель власти, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции.

Keywords: The legislation, the official, the head, the representative of the power, organizational-administrative functions, administrative functions.

Говоря об использовании дефиниции «должностное лицо» в законодательстве Российской Федерации, следует отметить, что на сегодняшний день «единственным законодательным актом, где легально раскрывается понятие должностного лица не применительно к какой-либо отрасли права, является Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ» [1]. В соответствии со ст. 4 Закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [2] должностное лицо – лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственном органе или органе местного самоуправления.

Однако, учитывая, что данный Закон призван регулировать исключительно процесс реализации гражданином Российской Федерации закрепленного за ним Конституцией Российской Федерации права на обращение государственные органы и органы местного самоуправления [3], место деятельности должностного лица в соответствии с данным Законом ограничено сферой государственной или муниципальной власти. В этом смысле трудно не согласиться с мнением И. Н. Сурманидзе о том, что основополагающим признаком должностного лица является наличие у него властных полномочий по отношению к иным государственным служащим, по организации деятельности государственного органа, а также в отношении физических и юридических лиц, не находящихся в служебной зависимости от них [4].

Иными словами, при отсутствии разъяснений признаков должностного лица, перечисленных в дефиниции, данное понятие ограничивает перечень лиц, признаваемых законодателем должностными в сравнении с другими легальными определениями. К ним относятся только работающие в государственных органах власти и органах местного самоуправления.

Итак, достаточно широкий перечень федерального законодательства, включая и кодифицированные нормативно-правовые акты, содержит понятие «должностного лица».

Однако некоторые законодательные акты, широко применяя определение «должностного лица», не раскрывают его содержание.

К примеру, данное понятие используется в Бюджетном кодексе РФ. «Особенностью БК является то, что он не дает обобщенного определения должностного лица. К субъектам, в отношении которых возможно применение вышеуказанных мер ответственности, БК относит: руководителей получателей бюджетных средств, руководителей государственных органов, руководителей органов местного самоуправления, руководителей кредитных организаций. В Кодексе эти лица определяются как нарушители бюджетного законодательства» [5].

Так, в ст. 70 БК РФ законодатель, не устанавливая понятия должностного лица, называет в качестве получателей бюджетных средств «работников казенных учреждений... работников органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих» [6].

Интересен тот факт, что для целей данной нормы в Законе в один ряд поставлены не только работники казенных учреждений, но и работников органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, а также государственные и муниципальные служащие. На наш взгляд, при отсутствии понятия «должностное лицо» применительно к данным правоотношениям в правоприменительной практике вполне возможно возникновение некоторой неопределенности.

Например, при привлечении лица к административной ответственности за нарушение бюджетного законодательства для правоприменителя важно четко представлять критерии, по которым следует выделять должностных лиц среди иных субъектов: работники казенных учреждений, государственные и муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами. Иными словами, возникший на сегодняшний день пробел в действующем законодательстве, на наш взгляд, должен быть восполнен, чтобы исключить возможность появления трудностей у правоприменителя в процессе привлечения должностных лиц к ответственности.

Широко используется понятие «должностного лица» и в Налоговом кодексе РФ [7].

Из анализа закона следует, что должностные лица как субъекты нарушений налогового законодательства могут быть подразделены на две категории.

Во-первых, это должностные лица государственных органов, которые реализуют особые полномочия. Они имеют право совершать в пределах своей компетенции властные действия, влекущие юридические последствия, а также руководить находящимися в их подчинении сотрудниками, давать им обязательные к исполнению распоряжения, а также применять меры административного воздействия к органам и лицам, не находящимся в их подчинении. Например, п. 3 ст. 31 НК РФ «Права налоговых органов» предусматривает возможность для вышестоящих налоговых органов отменять и изменять решения нижестоящих налоговых органов в случае несоответствия указанных решений законодательству о налогах и сборах.

При этом законодатель, не устанавливая различий между понятиями «должностное лицо налогового органа» и «налоговый орган», для закрепления обязанностей предусматривает две нормы: «Обязанности налоговых органов» (ст. 32 НК РФ) и «Обязанности должностных лиц налоговых органов» (ст. 33 НК РФ).

Во-вторых, к должностным лицам – субъектам налоговой ответственности – относятся также руководители предприятий и организаций, главные бухгалтеры, а при их отсутствии – бухгалтеры организаций, допустившие нарушения законодательства о налогах и сборах.

К примеру, в соответствии с п. 6 ст. 169 НК РФ счет-фактура подписывается руководителем и главным бухгалтером организации либо иными лицами, уполномоченными на то приказом (иным распорядительным документом) по организации или доверенностью от имени организации. За несоблюдение этих требований данные лица могут быть привлечены к ответственности в соответствии со ст. 15.11 КоАП РФ. При этом «практика привлечения к административной ответственности по данной статье Кодекса свидетельствует, что для правильного определения субъекта правонарушения необходимо руководствоваться не только требованиями Федерального закона от 21.11.1996 № 129-ФЗ «О бухгалтерском учете», но и исследовать локальные документы организации (должностные инструкции, положения об отделах, приказы о возложении обязанностей на отдельных лиц и т. п.)» [8]. Иными словами, при отсутствии единого понятия «должностного лица», перечень лиц, которые могут быть привлечены к ответственности в соответствии с налоговым законодательством, может быть истолкован расширительно.

К тому же такое отсутствие общеправовой дефиниции «должностное лицо» приводит к тому, что «санкции, определенные БК и НК, в отличие от КоАП, не предусматривают дифференциации наказаний, совершенных должностными лицами и лицами, не наделенными правомочием должностного лица: так, при выявлении обстоятельств, отягчающих ответствен-

ность за совершение налогового правонарушения, принимается во внимание лишь повторное совершение указанного проступка лицом, к которому уже были применены налоговые санкции» [9].

Земельный кодекс РФ [10] также использует понятие «должностного лица», например, при установлении положений о земельном контроле.

В частности, в п. 1 ст. 71 ЗК РФ «Государственный земельный контроль» приводится перечень субъектов, обязанных соблюдать земельное законодательство, требования охраны и использования земель. К ним относятся организации, руководители, должностные лица и граждане.

Примечателен тот факт, что в данном перечне на законодательном уровне закреплено разграничение понятий «руководитель» и «должностное лицо».

В данном случае, по-видимому, использование термина «руководитель» обусловлено тем, что к этой категории следует относить не только лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, являющихся руководителями органов государственной власти или органов местного самоуправления, но и, исходя из смысла ст. 2.4 КоАП РФ, руководителей иных организаций. В этом смысле объединение двух этих понятий под одним определением «должностное лицо», несмотря на наличие у них управленческих функций, было бы, на наш взгляд, неправильным, поскольку наличие управленческих полномочий, имеющих у всех руководителей без исключения, не есть наличие полномочий представителя власти, присущих исключительно должностным лицам.

Такое разделение весьма оправданно еще и потому, что в правовой науке существует мнение о том, что «любой руководитель является должностным лицом, но не каждое должностное лицо является руководителем» [11]. На наш взгляд, наличие или отсутствие у руководителя полномочий представителя власти является достаточным и весьма существенным основанием для разделения этих понятий.

Однако отсутствие понятия «должностное лицо», на наш взгляд, способствует созданию ситуации, когда одной из «потерь» действующего ЗК РФ некоторые ученые называют «неполное регулирование ответственности должностных лиц» [12].

При конструировании норм Трудового Кодекса РФ [13] законодателем при определении лица, осуществляющего управленческие функции, в основном употребляется термин «руководитель», которым, согласно ст. 273 ТК РФ, является физическое лицо, в соответствии с законодательством осуществляющее руководство организацией, в том числе при выполнении функций ее единоличного исполнительного органа.

При совершении административных правонарушений, согласно примечанию к ст. 2.4 КоАП РФ, руководитель и другие работники организаций привлекаются к административной ответственности в связи с выполнением ими организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций.

При отсутствии законодательного закрепления понятий организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельности, о чем говорилось выше, «по смыслу ст. 2.4 наравне с руководителем, единоличным исполнительным органом юридического лица, административную ответственность может нести любой менеджер организации (под менеджером будем понимать работника, выполняющего организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции), совершивший правонарушение, предусмотренное нормами КоАП РФ» [14]. В этом смысле трудно не согласиться с точкой зрения А. С. Горячева о недостаточной ясности круга субъектов, подлежащих административной ответственности [15], а также о необходимости делать соответствующий анализ трудовой функции работника в каждом конкретном случае совершения правонарушения [16].

С другой стороны, хотя Трудовой Кодекс не содержит определения понятия «должностное лицо», в отдельных статьях ТК РФ, предусматривающих ответственность за несоблюдение законодательства, этот термин все же используется. Так, согласно ст. 362 ТК РФ, помимо руководителей за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, ответственность несут также «иные должностные лица организаций», ст. 369 содержит дефиницию «должностные лица федеральных органов исполнительной власти».

Отсутствие унифицированного понятия «должностное лицо» в российском законодательстве не только оставляет правоприменителю возможность достаточно широко тракто-

вать это понятие, но и создает ситуацию, когда определение «должностное лицо» становится предметом дискуссий в научной среде.

При этом существует точка зрения, согласно которой понятие «должностного лица» следует трактовать более широко: «В настоящее время необходимо расширить понятие должностного лица в трудовом праве, включив в него всех лиц, которые наделены работодателями определенными представительскими функциями в отношении отдельных работников (начальников отделов, служб, инспекторов отделов кадров, бригадиров), наделенных правом выдавать заработную плату, отстранять работников от исполнения трудовых обязанностей в случае появления их в нетрезвом состоянии» [17]. Более того, по мнению О. Б. Зайцевой, «Трудовой кодекс РФ в своих статьях выделяет главного бухгалтера вместе с такими субъектами, как руководитель организации и его заместитель, и данный факт позволяет констатировать, что главный бухгалтер по своей сути является должностным лицом, обладающим специальной трудовой правосубъектностью» [18]. С. А. Бодункова, характеризуя руководителей и иных должностных лиц, говорит об их возможности в пределах своих полномочий самостоятельно выносить решения от своего имени и нести за это персональную ответственность [19].

Такая неопределенность при толковании понятия «должностное лицо», на наш взгляд, должна быть устранена, и сделать это необходимо посредством, во-первых, создания общеправового понятия «должностное лицо» и, во-вторых, путем разъяснения признаков, характеризующих данное понятие на законодательном уровне.

Помимо упоминавшихся выше нормативных актов дефиниция «должностное лицо» встречается и во многих других законодательных актах Российской Федерации.

В качестве примера можно назвать Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [20]. В соответствии с п. 1 ст. 26 данного Закона предметом прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина должностными лицами государственных и муниципальных органов власти, руководителями коммерческих и некоммерческих организаций. Иными словами, руководители коммерческих и некоммерческих организаций в данном случае не относятся к категории должностных лиц.

С другой стороны, по смыслу п. 1 ст. 24 Закона представление об устранении нарушений закона вносится должностному лицу, обязанному устранить допущенные нарушения, то есть руководители коммерческих и некоммерческих организаций «приравниваются» в данном случае к должностным лицам.

Подобной точки зрения придерживаются А. А. Аникитин и П. И. Кононов, по мнению которых «прокурор вправе направлять представления и предостережения в адрес должностных лиц не только государственных органов и органов местного самоуправления, но и иных организаций, в том числе коммерческих» [21].

Кроме того, определение «должностное лицо» как специальный субъект правоотношения используется и в других нормативных актах. В частности, в ст. 25 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [22] говорится не только о руководителях или уполномоченных лицах юридического лица, но и об «иных должностных лицах юридического лица».

О руководителях и должностных лицах организаций как субъектах, обязанных к исполнению представлений, вносимых в порядке ст. 29.13 КоАП РФ лицами, рассматривающими дело об административном правонарушении, упоминается в п. 12 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» [23]. Однако данный закон, как и Федеральный закон «О государственной гражданской службе» [24], Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [25], не содержат понятия «должностное лицо», формулируя лишь понятия «государственная должность» [26] либо «должности в органах внутренних дел» [27].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод об использовании дефиниции «должностное лицо» во многих отраслях российского права. В связи с этим трудно не согласиться с точкой зрения М. В. Ермоленко о том, что «при этом конкретное должностное лицо выступает в качестве субъекта правоотношений, регулируемых нормами данных отраслей, которые, как правило, охраняются мерами административной ответствен-

ности. Но ни один из приведенных выше кодифицированных актов не только не дает общего определения должностного лица, а, напротив, трактует его с учетом особенностей определенной правовой отрасли» [28].

Безусловно, каждая отрасль права обладает своими, только ей присущими особенностями, и, конечно, существуют определенные юридические признаки, специфические особенности, характеризующее должностное лицо в конкретной сфере правоотношений. На сегодняшний день, регулируя правоотношения с участием должностных лиц, законодатель исходит из отраслевого подхода к пониманию должностного лица. В этом смысле следует согласиться, на наш взгляд, с мнением В. И. Кычкова о том, что «при анализе законодательных и иных правовых актов Российской Федерации напрашивается вывод о том, что термин “должностное лицо” официально употребляется в качестве не общего, а специального понятия, часто отражающего наличие противоречий в законодательстве» [29].

Однако еще несколько лет назад, говоря об отсутствии в отечественной науке единого для всех отраслей права понятия должностного лица, Н. А. Егорова указывала на нетождественность административно-правового и уголовно-правового понятия должностного лица [30]. К тому же, как отмечалось Н. В. Бодровой, «представители отраслевых юридических наук рассматривают понятие должностного лица лишь в связи с целями и особенностями той или иной отрасли права, что ведет к односторонности в раскрытии содержания данного понятия» [31]. Подобная ситуация ни в коей мере не могла способствовать единообразному правоприменению.

В этом смысле нельзя не согласиться с точкой зрения В. Д. Сорокина, который считал, что «отсутствие единого определения понятия должностного лица естественно вынуждает заинтересованные органы и ведомства искать выход из этого явно ненормального положения, формулируя это понятие, руководствуясь своими, подчас узковедомственными, потребностями» [32].

Поэтому, на наш взгляд, на данный момент остро стоит вопрос о создании базового понятия должностного лица, которое могло бы быть применимо ко всем отраслям российского права, «а в отдельных отраслях законодательства в него могли бы вноситься определенные коррективы» [33], хотя и дополняющие общеправовое понятие с учетом специфики отрасли, но не меняющие сущности основополагающих признаков должностного лица, содержащихся в базовом понятии.

Примечания

1. Плотников Д. А. К вопросу о понятии дефиниции «должностное лицо» при рассмотрении дел в порядке гл. 25 ГПК РФ // Право и практика (Научные труды Института МГЮА имени О. Е. Кутафина в г. Кирове) / гл. ред. С. М. Кочои. 2009. № 6. С. 182.
2. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 21.04.2006) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.
3. См.: Плотников Д. А. Указ. соч. С. 182–183.
4. См.: Сурманидзе И. Н. Должности и должностные лица государственной службы // Административное право и процесс. 2009. № 1. С. 7.
5. Осин А. А. Ответственность должностных лиц за нарушение бюджетного законодательства // Финансы. 2004. № 12. С. 12.
6. Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
7. Налоговый кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
8. Штукмастер И., Урбан Ю., Скакунова Т. Административная и уголовная ответственность за нарушение налогового законодательства // Налоговый учет для бухгалтера. 2011. № 5, 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.delo-press.ru/articles.php?№=8384>
9. Агапов А. Б. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Расширенный, с использованием материалов судебной практики: (в 2 кн.). М.: Статут, 2004. Кн. 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://log-i№.ru/books/9638/>
10. Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
11. Цит. по: Ермоленко М. В. Административная ответственность должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Н. Новгород, 2004. С. 166.
12. Цит. по: Сухова Е. А. Ответственность за правонарушения в области охраны и использования земель: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. Саратов, 2005. С. 183.
13. Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
14. Горячев А. С. Правовое положение руководителя коммерческой организации: монография. М.: Юрист, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1070>

15. Там же.
16. Там же.
17. Жильцов М. А. Правосубъектность организации как работодателя: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2002. С. 119.
18. Зайцева О. Б. Особый правовой статус бухгалтера // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2007. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hr-portal.ru/article/osobyi-pravovoi-status-bukhgaltera>
19. См.: Бодункова С. А. Санкции норм российского трудового права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Омск, 2002. С. 142.
20. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1992. № 8. Ст. 366.
21. Аникитин А. А., Кононов П. И. Должностные лица в административных правоотношениях: понятие и виды // Полицейское право. Научно-практический журнал. 2007. № 1(9). С. 17–21.
22. СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 10.
23. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (принят ГД ФС РФ 28.01.2011) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
24. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 07.07.2004) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
25. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 17.11.2011) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
26. Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 07.07.2004) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
27. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 17.11.2011) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
28. Ермоленко М. В. Административная ответственность должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Н. Новгород, 2004. С. 169.
29. Кычков В. И. К вопросу о понятии должностного лица таможенных органов // Ученые записки СПб филиала РТА. 2001. № 3. С. 48–60.
30. Егорова Н. А. Субъект преступлений против интересов службы // Законность. 1998. № 4. С. 11–12.
31. Бодрова Н. В. Административная ответственность должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Саратов, 2001. С. 24–25.
32. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень) монография. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 242.
33. Кычков В. И. Указ. соч.

Notes

1. Plotnikov D. A. K voprosu o ponyatii definititsii «dolzhnostnoe litso» pri rassmotrenii del v poryadke gl. 25 GPK RF [To a question of concept of a definition "official" by hearing of cases as hl. 25 GPK Russian Federation]// Pravo i praktika (Nauchnyie trudyi Instituta MGYuA imeni O. E. Kutafina v g. Kirove) – The Right and practice (Scientific works of Moscow State Juridical Academy of a name of O. E. Kutafin in Kirov) / chief editor S. M. Kochoi, 2009, No. 6. P. 182.
2. The federal law of May 2, 2006 No. 59-FZ "About an Order of Consideration of Addresses of Citizens of the Russian Federation" (accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation 21.04.2006)//Legislation Assembly of Russian Federation. 2006. No. 19. Art. 2060. (in Russ.)
3. See: Plotnikov D. A. Spec. work. Pp. 182–183.
4. See: Surmanidze I. N. Dolzhnosti i dolzh-nostnyie litsa gosudarstvennoy sluzhbyi [Positions and officials of public service]// Administrativnoe pravo i protsess – Administrative law and process, 2009, No. 1. P. 7.
5. Osin A. A. Otvetstvennost dolzhnostnyih lits za narushenie byudzhethnogo zakonodatelstva [Responsibility of officials for violation of the budgetary legislation]// Finansyi – Finance, 2004, No. 12. P. 12.
6. The budgetary code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145 Federal Law// Legislation Assembly of Russian Federation, 1998, No. 31, Art. 3823 (in Russ.)
7. The tax code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 146 Federal Law// Legislation Assembly of Russian Federation, 1998, No. 31, Art. 3824 (in Russ.)
8. Shtukmaster I., Urban Yu., Skakunova T. Administrativnaya i ugolovnaya otvetstvennost za narushenie nalogovogo zakonodatelstva [Administrative and criminal liability for violation of the tax legislation]// Nalogovyyi uchet dlya buhgaltera [Tax accounting for the accountant], 2011, No. 5, 6. Available at: <http://www.delo-press.ru/articles.php?№=8384>

9. Agapov A. B. Postateyniy kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administra-tivnyih pravorusheniyah. [The itemized comment to the Code of the Russian Federation about administrative offenses]. Expanded, with use of materials of jurisprudence: (in 2 books). Moscow: Statut Publ., 2004. Book 1. Available at: <http://log i№.ru/books/9638/>

10. The land code of the Russian Federation of October 25, 2001 No. 136. Federal Law// Legislation Assembly of Russian Federation. 2001, No. 44, Art. 4147 (in Russ.)

11. Cit. on: Ermolenko M. V. Administrativnaya otvetstvennost dolzhnostnyih lits. Dis.kand. yurid. nauk [Administrative responsibility of officials: Cand. of Jur. science diss.] 12.00.14. N. Novgorod, 2004. Page 166.

12. Cit. on: Sukhova E. A. Otvetstvennost za pravonarusheniya v oblasti ohranyi i ispolzovaniya zemel. Dis.kand. yurid. nauk [Otvetstvennost for offenses in the field of protection and use of lands: Cand. of Jur. science diss.] 12.00.06. Saratov, 2005. P. 183.

13. The labor code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197. Federal Law// Legislation Assembly of Russian Federation. 2002. No. 1 (p.1). Art. 3 (in Russ.)

14. Goryachev A.S. Pravovoe polozhenie ruko-voditelya kommercheskoy organizatsii: monografiya [Legal status of the head of the commercial organization: monograph]. Moscow: Yurist Publ., 2006. Available at: <http://www.lawmix.ru/commlaw/1070>

15. In the same place.

16. In the same place.

17. Zhiltsov M. A. Pravosub'ektnost organizatsii kak rabotodatelya. Dis.kand. yurid. nauk [Personality of the organization as employer: Cand. of Jur. science diss.] 12.00.05. Yekaterinburg, 2002. P. 119.

18. Zaytseva O. B. Osobyiy pravovoy status buhgaltera [Special legal status of the accountant]// Kadrovik. Trudovoe pravo dlya kadrovika – Personnel officer. The labor law for the personnel officer, 2007, No. 2. Available at: <http://www.hr.portal.ru/article/osobyi-pravovoi-status-bukhgaltera>

19. See: Bodunkova S. A. Sanktsii norm ros-siyskogo trudovogo prava: Dis.kand. yurid. nauk [Sanctions of standards of the Russian labor law: Cand. of Jur. science diss.] 12.00.05. Omsk, 2002. P. 142.

20. The federal law of January 17, 1992 No. 2202 1 "About prosecutor's office of the Russian Federation"// Legislation Assembly of Russian Federation. 1992, No. 8, Art. 366.

21. Anikitin A. A., Kononov P. I. Dolzhnostnyie litsa v administrativnyih pravootnosheniyah: ponyatie i vidyi [Officials in administrative legal relationship: concept and types]// Politseyskoe pravo. Nauchno prakticheskiy zhurnal – Police right. Scientifically practical magazine, 2007, No. 1(9). Pp. 17–21.

22. Legislation Assembly of Russian Federation. 2009, No. 1, Art. 10.

23. The federal law of February 07, 2011 No. 3-FZ "About Police" (accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation 28.01.2011)// Legislation Assembly of Russian Federation. 2011, No. 7, Art. 900 (in Russ.)

24. The federal law of the Russian Federation of July 27, 2004 No. 79-FZ "About the Public Civil Service of the Russian Federation" (accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation 07.07.2004)// Legislation Assembly of Russian Federation. 2004, No. 31, Art. 3215 (in Russ.)

25. The federal law of the Russian Federation of November 30, 2011 No. 342-F "About Service in Law-enforcement Bodies of the Russian Federation and Modification of Separate Acts of the Russian Federation" (accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation 17.11.2011)// Legislation Assembly of Russian Federation. 2011, No. 49 (p.1), Art. 7020 (in Russ.)

26. The federal law of the Russian Federation of July 27, 2004 No. 79-FZ "About the Public Civil Service of the Russian Federation" (accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation 07.07.2004)// Legislation Assembly of Russian Federation. 2004, No. 31, Art. 3215 (in Russ.)

27. The federal law of the Russian Federation of November 30, 2011 No. 342-FZ "About Service in Law-enforcement Bodies of the Russian Federation and Modification of Separate Acts of the Russian Federation" (accepted by the State Duma of Federal Assembly of the Russian Federation 17.11.2011)// Legislation Assembly of Russian Federation. 2011, No. 49 (p.1), Art. 7020 (in Russ.)

28. Ermolenko M. V. Administrativnaya otvetstvennost dolzhnostnyih lits: Dis.kand. yurid. nauk [Administrative responsibility of officials: Cand. of Jur. science diss.] 12.00.14. N. Novgorod, 2004. P. 169.

29. Kychkov V. I. K voprosu o ponyatii dolzhnostnogo litsa tamozhennyih organov [To a question of concept of the official of customs authorities]// Uchenyie zapiski SPb filiala RTA – Scientific notes of Saint Petersburg of Russian customs Academy branch, 2001, No. 3. Pp. 48–60.

30. Egorova N. A. Sub'ekt prestupleniy protiv interesov sluzhbyi [Subject of crimes against interests of service]// Zakonnost – Legality, 1998, No. 4. Pp. 11–12.

31. Bodrova N. V. Administrativnaya otvetstvennost dolzhnostnyih lits: Dis.kand. yurid. nauk [Administrative responsibility of officials: Cand. of Jur. science diss.] 12.00.14. Saratov, 2001. Pp. 24–25.

32. Sorokin V. D. Pravovoe regulirovanie: Predmet, metod, protsess (makrouroven) monografiya. [Legal regulation: Subject, method, process (macrolevel) monograph]. Saint-Petersburg.: "Yuridicheskiy tsentr Press" Publ., 2003. P. 242.

33. Kychkov V. I. Spec. work.

Вербальная конкуренция в пространстве Интернета: реклама, рерайт, репост

В статье на примере явлений рекламы, репоста и рерайта рассматривается такая особенность Интернета, как постоянный кругооборот в нём одних и тех же текстов; показываются причины и следствия этого кругооборота. Особо ставится вопрос об изменении в интернет-дискурсе семантики и сочетаемости лексем *уникальный*, *уникальность*.

In the article on the example of the phenomena of advertising, reposting and rewriting such feature of the Internet, as a constant circulation of the same texts is considered; causes and effects of this circulation are shown. The question of change in an Internet discourse of semantics and compatibility of lexemes *unique*, *uniqueness* is especially raised.

Ключевые слова: язык Интернета, активные процессы в языке, репликация контента, гипертекст, свёрхтекст.

Keywords: Internet language, active processes in language, content replication, the hypertext, the supertext.

Верлиока... выронил из рук светящийся шар и рассыпался на множество маленьких верлионок, отвратительно розовых, как новорождённые мыши. Однако эти мыши были ростом с двухлетнего ребенка, и нельзя сказать, что между ними и исчезнувшим Демоном Бюрократии не было никакого сходства... Вася и не собирался бежать. Сильно размахнувшись, он бросил шар в поле, и верлиоки побежали за шаром, сталкиваясь и топчась друг друга... Одни, добравшись до шара, с торжеством плясали на нем. Другие, схватываясь уже на бегу, подставляли подножки, хватали за ноги и падали, задыхаясь от злобы и боли. Третьи, шагая по трупам, продолжали свой суетливо-беспорядочный бег.

В. Каверин. Верлиока

Интернет в наши дни становится едва ли не самым главным пространством коммуникации – как массовой, поскольку в нём отражаются все мировые новости, так и личной – благодаря возможностям, которые предоставляют пользователям социальные сети, а также разнообразные форумы, чаты, скайп (Skype), твиттер (Twitter) и другие способы обмена сообщениями. Специфике интернет-коммуникации посвящено уже большое количество научных исследований [1].

Цель настоящей статьи – рассмотреть с лингвистической точки зрения такую особенность Интернета, как постоянная репликация в нём одного и того же контента (на примере явлений репоста, рерайта и рекламы).

Термин *репликация*, входящий в круг употребления многих наук (например, биологии, информатики, искусствоведения), происходит от латинского существительного *rēplīcātio* – «развёртывание, перевёртывание; поворот, кругообращение» [2]. Под *контентом*, как известно, понимается «информационное наполнение, содержание» [3].

Не случайно все указанные нами явления, связанные с репликацией интернет-контента, имеют в своём названии латинскую приставку *re-*. Она выражает следующие значения: «1. Возобновление или повторность действия; 2. Противоположное действие или противодействие» [4]. Определим, какой именно оттенок значения придаёт эта приставка

каждому из рассматриваемых нами слов – *репост*, *рерайт*, *реклама* – и дадим толкование этих слов.

Самым освоенным из этих заимствований является слово *реклама*. Этимологически существительное **реклама** происходит от английского глагола *to reclaim* ‘привлекать к себе внимание’, который, в свою очередь, восходит к латинскому глаголу *reclamāre* (*re+clamare*) ‘громко возражать, шумно протестовать; громко выкрикивать, призывать; кричать против, криком выражать неудовольствие’ [5]. В современной речи *реклама* означает «оповещение потребителей, зрителей и т. п. различными способами для создания широкой известности кому-чему-н., с целью привлечения внимания» [6].

Другие два слова появились в речи относительно недавно, бытуют прежде всего в интернет-дискурсе и ещё не вошли в словари русского языка. За их толкованием обратимся к интернет-источникам.

Репост (от *re-* ‘снова, ещё раз’ и *post* ‘сообщать, объявлять о чём-л.’) – это повторная публикация какого-либо сообщения, то есть цитирование какого-либо поста методом пересылки с указанием первоисточника [7]. Иными словами, *репост* – это копирование какого-либо сообщения (с помощью специальных команд) с одного ресурса на другой с обязательной ссылкой на первоисточник. Как можно понять, репост – это чисто сетевое явление, отличающееся и от понятия «цитирование», и от понятий «копирование», «плагиат». Ср.: **Если вы просто скопируете пост и отправите куда-то без указания автора, это будет уже не репост, а банальный плагиат, или как его называют в Сети, копиаст. А если просто напишете имя или ник автора, то это всё равно будет не репост, а просто цитата** (Что такое репост, <http://pc-otvet.com/chto-takoe-repost>). В качестве синонима для слова *репост* используется также его «русифицированный» вариант *перепост*, а сам процесс копирования сообщения с указанием ссылки на первоисточник называется *репостинг*. Разновидностью репостинга является *кросспостинг* – намеренная публикация одной и той же информации сразу на нескольких интернет-ресурсах с целью искусственного увеличения количества ссылок на размещённое сообщение; кросспостинг является одним из методов продвижения сайтов в Интернете.

Рерайт, или **рерайтинг** (от англ. *to rewrite* ‘переписывать’, *rewriting* ‘переписывание’), – это переписывание исходного текста с сохранением его содержания, но с изменением его лексического наполнения, грамматической структуры фраз, композиционного строения, некоторым сокращением или расширением объёма текста и т. д. Цель рерайтинга – «изменить входящий текст до уровня оригинального текста» [8]. Специалист по такому «перелицовыванию» текстов называется *рерайтер*. Рерайтинг обычно требуется для наполнения контентом разнообразных информационных и развлекательных сайтов; текст, подвергнутый рерайтингу, уже не считается плагиатом, а характеризуется тем или иным процентом «уникальности» (что подтверждается путём проверки этого текста специальными программами типа «антиплагиат»).

Стало быть, реклама – это создание известности какому-либо объекту, репост – это особый вид прямого интернет-цитирования, рерайт – это творческая переработка исходного текста, «вольный пересказ». Казалось бы, у каждого из этих жанров современной сетевой коммуникации свои задачи. Однако мы считаем вполне правомерным рассматривать такие явления, как реклама, репост и рерайт, в одном контексте. Их сближение возможно по целому ряду причин, как экстралингвистических, так и собственно языковых.

Во-первых, репост, рерайт и реклама сходны по самой своей сути: во всех трёх случаях мы имеем дело с повторением, дублированием, размножением одного и того же содержания – что и можно назвать репликацией контента, то есть его кругообращением. В случае с репостом эта репликация самая простая и непосредственная: сообщение, размещаемое на разных сетевых ресурсах, является точной копией первоисточника и сопровождается ссылкой на него. Рерайт является примером закамouflированной, замаскированной репликации: текст кажется отличающимся по форме, но не содержит никакой оригинальной информации по сравнению с первоисточником. Реклама же является в некотором роде промежуточным явлением между репостом и рерайтом: с одной стороны, она может представлять собой точное копирование содержания (например, при размещении на различных сайтах одних и тех же рекламных сообщений, изображений, роликов, слоганов и т. д.); с другой стороны, существует множество способов сделать рекламу скрытой, неявной, то есть подать «рекламное содержание» в форме, прямо не опознаваемой как реклама.

Во-вторых, репост, рерайт и реклама очень часто связаны друг с другом функционально. Не секрет, что такое огромное количество сайтов в Интернете и жёсткая конкуренция за их продвижение (то есть за их попадание в первые строчки поисковых систем) связаны с желанием владельцев данных сайтов получать от них прибыль. Прибыль владельцам сайтов в основном идёт от рекламодателей. Рекламодатель же заинтересован в высокой посещаемости сайта, на котором он разместил своё сообщение. Чтобы поисковые системы идентифицировали тот или иной сайт как посещаемый, на него должны как можно чаще ссылаться другие сайты. Поисковые системы, в числе прочего, реагируют и на «уникальность» содержания сайта, и чем она выше – тем лучше. Поэтому контент такого сайта создаётся благодаря рерайтингу, а нужные показатели посещаемости сайта обеспечиваются во многом с помощью репостинга, то есть отсылочного цитирования. В Интернете давно сложился мощно развитый бизнес по продвижению сайтов; на биржах фриланса [о фрилансе и фрилансерах см., напр., 9] множество предложений работы связано с такими задачами, как постинг, репостинг, кросспостинг, комментирование постов, написание заказных отзывов о товаре или услуге (как положительных, так и отрицательных), рерайтинг, поисковая оптимизация (то есть создание нужных ключевых слов для повышения рейтинга сайта в поисковых системах, так называемый «поисковый спам») и другие виды деятельности, которые мы в рамках данной статьи не рассматриваем, но которые направлены на «раскручивание» сайтов.

В-третьих, репост, рерайт и рекламу в Интернете можно рассматривать как виды гипертекста. *«Гипертекст, информ.»* – множество отдельных документов, содержащих текст, аудио- и видеoinформацию, связанных ссылками друг на друга» [10]. Ср. также: *«Гипертекст – организационная надстройка над текстом, позволяющая рассматривать его в различных структурных представлениях. Гипертекст позволяет наряду с линейным чтением текста (слева направо, строка за строкой) двигаться и по другим структурным схемам, находить и выбирать определённые фрагменты, расположенные в различных частях текста... В настоящее время на основе гипертекста строятся все электронные издания»* [11]; *«Гипертекст – термин, введенный в 1960-х гг. для обозначения комбинации текста на естественном языке с возможностями компьютера осуществлять переход к различным кускам (порциям) информации»* [12].

Стало быть, репост, рерайт и реклама относятся к явлениям гипертекста уже потому, что размещаются в виде электронных документов в интернет-среде и являются необходимыми элементами общей системы. Репост обязательно содержит отсылку к сайту первоисточника; реклама, как правило, сопровождается ссылкой на сайт рекламодателя, электронного магазина и т. п. Рерайт может стать объектом репоста или рекламы и тем самым тоже быть задействованным в системе интернет-ссылок.

В-четвёртых, рассматриваемые явления можно расценивать и как разновидности свёрхтекста, если под свёрхтекстом понимать «совокупность высказываний или текстов, объединённых содержательно и ситуативно... целостное образование, единство которого зиждется на тематической и модалной общности входящих в него единиц (текстов)» [13].

В этом смысле любое рекламное сообщение можно считать частью свёрхтекста «Реклама». Реклама, по классификации Н. А. Купиной и Г. В. Битенской, принадлежит к однотипно структурированным свёрхтекстам [см. 14]. Поскольку рекламные сообщения уже достаточно хорошо исследованы, в том числе и в качестве свёрхтекста [15], мы не будем сейчас на них останавливаться. Обратимся к признакам свёрхтекста у таких явлений, как рерайт и репост.

Рерайт будет входить в свёрхтекстовое единство по крайней мере с одним текстом – оригиналом, подвергнутым рерайтингу (притом что в Интернете обычно сосуществуют не один, а десятки вариантов одного и того же текста). Очевидно, можно провести определённую, хотя и довольно поверхностную, параллель между рассмотрением единств «исходный текст – рерайт/рерайты» и «исходный текст – пародия/пародии» [о пародии как минимальном свёрхтексте см., напр., 16]. Ср. примеры исходного текста (1) и его рерайта (2); разными видами выделений показаны семантически соотносительные фрагменты текстов:

(1) *Дом из бруса, расположенный на дачном или загородном участке – отличная возможность отдохнуть от города и развеяться от ежедневных хлопот. И все больше и больше людей мечтает иметь свой собственный домик поближе к природе. Однако начать самостоятельное строительство решает далеко не каждый, ведь это трудоемкий и довольно сложный процесс. Надо обязательно соблюсти все этапы строительства дома из*

бруса, при этом учесть все до малейших мелочей, что порой очень сложно неподготовленному человеку. В этом случае строительство дома можно доверить профессионалам, которые со знанием дела и должным опытом смогут возвести качественное современное жилище... (<http://pbk-service.ru/gl-stati-8.html>);

(2) В каком доме можно по-настоящему **отдохнуть от городской суеты, почувствовать себя ближе к природе, ощутить истинный уют?** Может ли типовая городская квартира быть тем оазисом покоя и умиротворения, о котором мечтает каждый? Где искать свою тихую гавань, своё надёжное убежище от круговерти будней?.. Впрочем, зачем что-то где-то искать, **если можно построить свой тёплый, светлый и красивый дом самому?**

Многие уже так и сделали, построив **на своём загородном участке дом из бруса** – материала, впитавшего в себя добрую энергетику русского леса, пропитанного солнечным светом и чистым воздухом.

Однако строительство дома – это процесс долгий и сложный, и мало кто способен обойтись в этом деле без помощи специалистов. Давайте познакомимся с советами профессионалов и реально представим себе этапы строительства нашего будущего дома – дома из бруса... (<http://www.stroi-baza.ru/articles/one.php?id=2963>).

Репост можно рассматривать как составляющую свертхтекста «Интернет-страница», тем более что репост обычно собирает комментарии пользователей, связанные с обсуждением заданной темы. Приведём пример репоста в контексте интернет-страницы «Филологическая дева» [17]. Сразу отметим, что поводом для репоста в «Филологической деве» сообщения новостного агентства «Lenta.ru» послужила орфографическая ошибка, допущенная журналистами сайта «Lenta.ru» – написание «обаняние» вместо «обоняние».

Запись в «Филологической деве» от 8 февраля 2014 года, 17:16:

Невозможно не репостнуть.

↳ **Lenta.ru**

8 фев. 2014 в 17:10

Вообще-то это текст про то, как работает человеческое обаняние, но мы его постим чисто из-за заголовка <http://lenta.ru/articles/2014/02/08/noses/>

Вонючая алгебра

Как ученые обнаружили десять основных запахов

(Далее приведена иллюстрация к статье «Вонючая алгебра» с подписью «*Всем пострадавшим от алгебры гуманитариям*»; затем к репосту прикреплена аудиозапись: Soul Hooligan – Algebra. – Л. К.).

Данный репост собрал 15 комментариев читателей страницы «Филологическая дева»; большая часть комментариев сопровождается так называемыми «лайками», то есть выражением одобрения (с помощью нажатия на кнопку «мне нравится») со стороны посетителей страницы. Приведём для примера часть этих комментариев (с сохранением всех особенностей орфографии, пунктуации и стиля авторов).

Александр Каледин

обаняние обанание

Мне нравится **17**

8 фев в 17:17

Дмитрий Радковский

Обояние

Мне нравится **2**

8 фев в 17:18

Евгений Ивачевский

оба два

Мне нравится **3**

8 фев в 17:20

Валерия Дмитриенко

обоняние

Мне нравится **1**

8 фев в 17:20

Анна Белолипецкая

о да!

8 фев в 17:20

Reyton Sawyer

любимый предмет в школе был

8 фев в 17:21

Евгений Калашников

граммар наци по вам плачут

8 фев в 17:22

Евгения Кривицкая

об воняние:)

8 фев в 17:37

Илья Хадыкин

(в качестве реплики прикреплено изображение с подписью на английском языке «Согласен». – Л. К.)

8 фев в 17:45

Светлана Савченко

не знаю, чем алгебра мешает гуманитариям. развивает логическое и аналитическое мышление, которое активно используется филологами. не говоря уже о прикладной лингвистике и статистике.

Мне нравится 5

8 фев в 19:44

Кристина Сараева

Отличная цитата из статьи! "Так что обонятельный «белый шум» можно использовать для маскировки запаха общественных туалетов или, например, кокаина и взрывчатых веществ".))) Просто экстремистское издание!)

При чтении комментариев можно заметить, что большинство из них так или иначе осмеивают и передразнивают допущенную орфографическую ошибку (что естественно для «Филологической девы»), некоторые комментарии касаются содержания самой статьи. В своих комментариях пользователи используют принятые в Интернете эмодзи (смайлики), фото- и видеоизображения, отсылки к понятным им реалиям – например, упоминается интернет-течение «Граммар наци» («Grammar nazi»), сторонники которого нетерпимы к безграмотности. Стало быть, данный репост оказывается включённым в целое поле смежных явлений, что и позволяет рассматривать его в данном случае как составляющую сверткста «Интернет-страница» (конкретно – «Интернет-страница «Филологическая дева»»).

Итак, мы убеждаемся, что реклама, рерайт и репост – это вполне сопоставимые по целому ряду признаков понятия, но главное, что их сближает, – что все они являются способами репликации одного и того же содержания.

В связи с этим нельзя не обратиться к проблеме оригинальности текстов в Интернете. Безусловно, в Сети немалое количество текстов является авторскими: это и размещённые в Интернете художественные произведения, и научные публикации, и журналистские материалы, и тексты креативной рекламы, и записи блогеров, и многое другое. Однако, пожалуй, гораздо более заметными в коммуникативном пространстве Интернета являются тексты-репликации (как правило, анонимные или подписанные никами), подобные тем, что мы рассматриваем в настоящей статье.

Распространение таких текстов приводит к постепенному изменению семантики и расширению сочетаемости слов *уникальный, уникальность*, что в целом говорит об обезценивании соответствующих понятий. Ср.: *Уникальный* – «единственный в своём роде, неповторимый» [18]. А теперь приведём примеры распространённых сочетаний со словами *уникальный, уникальность* из Интернета, ср.: ***Уникальный текст с неба не упадёт, его нужно сделать таким; Уникальность текста можно проверить при помощи специализированных сервисов. В некоторых случаях 100% уникальность необязательна. Вполне подходит и 96-98%; Пишу тексты для сайта, и проверяю их на уникальность... Некоторые тексты получают 80% уникальности, можно ли так оставить? И какой минимум должен быть уникальности?; Программа показывает степень уникальности; Уникализация контента: основные методы и др.***

Сочетания *процент уникальности, степень уникальности, минимум уникальности, уникализация контента* и т. п. являются, по сути своей, оксюморонными, как «осетрина второй

свежести». Не случайно в интернет-дискурсе появляется разграничение уникальности «фактической» и «технической», причём эти два вида уникальности могут находиться друг с другом в весьма противоречивых отношениях. Вот как об этом пишет один из интернет-авторов: **Фактическая уникальность текста** – это свойство, присущее тексту, который по своей сути является исключительным, единственным в своем роде... **Техническая уникальность текста (псевдоуникальность)** – это относительная величина, выражаемая, как правило, в процентах, и с определенной достоверностью показывающая, насколько данный текст не дублирует другие тексты, опубликованные в Интернете... **Текст, обладающий стопроцентной технической уникальностью, не обязательно является уникальным на самом деле (фактическая уникальность может быть близка к нулю). Пример – самый обычный рерайт... Абсолютно уникальный (фактически) текст может обладать псевдоуникальностью, например, в 50%** – были прецеденты. Пример – авторская УНИКАЛЬНАЯ идея, облечённая в эксклюзивный материал, написанный «с нуля», копирайтинг. Причинами такой низкой псевдоуникальности в данном случае могут быть использованные в тексте цитаты, речевые обороты, фразеологизмы, техническая терминология, крылатые фразы и прочие, по сути неизменные, вещи (Святослав Дутов. Уникальность текста: вся правда <http://content-factory.ru/unikalnost-teksta-vsya-pravda.html>).

Таким образом, специфика Интернета, а именно тот факт, что невозможно заполнить многие тысячи сайтов абсолютно неповторимым контентом, обуславливает появление своего рода вербальной конкуренции, то есть конкуренции текстов за право быть замеченными в первую очередь (мы показали это в настоящей статье на примере явлений рекламы, рерайта и репоста). Эта конкуренция осуществляется прежде всего за счёт репликации (размножения, кругооборота) текстов. Можно говорить о репликации текстов как массовом сетевом явлении. Также можно говорить о том, что существуют разные виды репликации: претендующие на уникальность (как рерайт) и не скрывающие своей вторичности (как репост), а также находящиеся в промежуточном положении (как реклама, ввиду большого разнообразия её видов). В любом случае столь агрессивное размножение текстовой информации порождает одну из глобальных проблем современности, о которой говорит Татьяна Черниговская, российский нейролингвист и экспериментальный психолог, доктор филологии и биологии, член-корреспондент Норвежской академии наук: **Информации теперь такое количество, что на самом деле почти что всё равно, есть она или нет. Каждый день несметные тонны разных данных. Их не только невозможно осмыслить, их невозможно даже хранить. Собственно говоря, даже непонятно, зачем хранить, если мы не можем это осмыслить, переварить...** (Т. Черниговская. Свобода воли и нейроэтика // Сноб. 04 дек. 2012, <http://www.snob.ru/selected/entry/55396>). Полагаем, что вербальная конкуренция в Интернете будет в ближайшем будущем только усиливаться, поэтому её лингвистическое изучение будет актуальным и перспективным.

Примечания

1. Кедрова Г. Е. Интернет-технологии и коммуникативные проблемы лингводидактики // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 659–670; Маклюэн М. Понимание Media: внешнее расширение человека. М.: «Гиперборей», 2007; Таратута Е. Е. Философия виртуальной реальности. СПб., 2007; Юдина Т. В. Универсальные и специфические характеристики Интернета как формы коммуникации // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М., 2008. С. 654–659 и др.
2. Латино-русский словарь / сост. Д. И. Фомицкий. Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999.
3. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М.: ЭКСМО, 2007.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: ЭКСМО, 2005.
5. Латино-русский словарь; Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов.
6. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов; ср. также: Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г. Н. Складневской. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003; Большой толковый словарь русских существительных / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.

7. *Что такое репост*. URL: http://vk.com/page-20651541_43865310 (дата обращения 20.02.2014); *Что такое репост*. URL: <http://pc-otvet.com/chto-takoe-repost> (дата обращения 20.02.2014); *Что такое репост*. URL: <http://setadra.ru/2012/10/chto-takoe-repost-2/> (дата обращения 20.02.2014).
8. *Рерайтинг*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Рерайтинг> (дата обращения 20.02.2014).
9. *Калинина Л. В.* Образ фрилансера как успешного человека современности // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. трудов. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 52–63.
10. *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*.
11. *Мирский Э. М.* Гипертекст // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 527–528.
12. *Кроль В. М.* Гипертекст // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
13. *Данилевская Н. В.* Сверхтекст // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 374–376.
14. *Купина Н. А., Битенская Г. В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
15. Ср., напр.: *Амиров В. М.* Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегии реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.; *Базанова А. Е.* Язык современной российской рекламы // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 80–81; *Енина Л. В.* Современные российские лозунги как сверхтекст: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 235 с.; *Стрельникова Е. С.* Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5 и др.
16. *Лошаков А. Г.* О семантической деривации пародийного текста // Проблемы культуры, языка, воспитания: науч. статьи и материалы преподавателей и аспирантов Северодвинского гуманитарного ин-та Поморского гос. ун-та. Вып. 3 / отв. ред. С. В. Козлов. Архангельск, 1998. С. 26–34; *Лошаков А. Г.* Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2008.
17. *Филологическая дева*. URL: http://vk.com/ph_maiden (дата обращения 20.02.2014).
18. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*
19. *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия* / под ред. Г. Н. Скляревской. М.: ООО «Издательство Астрель: ООО «Издательство АСТ», 2001.
20. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель: ООО «Издательство АСТ», 2003.
21. *Большой толковый словарь русских существительных* / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
22. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.
23. *Что такое репост*. URL: http://vk.com/page-20651541_43865310 (дата обращения 20.02.2014); *Что такое репост*. URL: <http://pc-otvet.com/chto-takoe-repost> (дата обращения 20.02.2014); *Что такое репост*. URL: <http://setadra.ru/2012/10/chto-takoe-repost-2/> (дата обращения 20.02.2014).
24. *Рерайтинг*. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Рерайтинг> (дата обращения 20.02.2014).
25. *Калинина Л. В.* Образ фрилансера как успешного человека современности // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. науч. трудов. Киров: Изд-во ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. С. 52–63.
26. *Мирский Э. М.* Гипертекст // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 527–528.
27. *Кроль В. М.* Гипертекст // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
28. *Данилевская Н. В.* Сверхтекст // Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 374–376.
29. *Купина Н. А., Битенская Г. В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. С. 214–233.
30. Ср., напр.: *Амиров В. М.* Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегии реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.; *Базанова А. Е.* Язык современной российской рекламы // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 80–81; *Енина Л. В.* Современные российские лозунги как сверхтекст: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999. 235 с.; *Стрельникова Е. С.* Реклама как объект изучения в современной лингвистической литературе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5 и др.
31. *Лошаков А. Г.* О семантической деривации пародийного текста // Проблемы культуры, языка, воспитания: науч. статьи и материалы преподавателей и аспирантов Северодвинского гуманитарного ин-та Поморского гос. ун-та. Вып. 3 / отв. ред. С. В. Козлов. Архангельск, 1998. С. 26–34; *Лошаков А. Г.* Сверхтекст: семантика, прагматика, типология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров, 2008.
32. *Филологическая дева*. URL: http://vk.com/ph_maiden (дата обращения 20.02.2014).

19. Explanatory dictionary of modern Russian. Language changes of the end of the XX century / under the editorship of G. N. Sklyarevskaya. Moscow: JSC Astrel Publ.: JSC Publ., 2001.
20. The explanatory dictionary of Russian / under the editorship of D. V. Dmitriyev. Moscow: JSC Astrel Publ.: JSC Publ., 2003.
21. The big explanatory dictionary of the Russian nouns / under the editorship of L. G. Babenko. Moscow: AST-PRESS BOOK Publ., 2005.
22. The explanatory dictionary of Russian with inclusion of data on an origin of words / resp. editor N. Yu. Shvedov. Moscow: "Azbukovnik" Publ., 2008.
23. What is the repost. Available at: http://vk.com/page-20651541_43865310 (accessed 20.02.2014) (in Russ.); What is the repost. Available at: <http://pc-otvet.com/chto-takoe-repost> (accessed 20.02.2014) (in Russ.); What is the repost. Available at: <http://setadra.ru/2012/10/chto-takoe-repost-2/> (accessed 20.02.2014) (in Russ.)
24. Rewriting. Available at: <http://ru> (accessed 20.02.2014) (in Russ.)
25. *Kalinina L. V.* Obraz frilansera kak uspeshnogo cheloveka sovremennosti [Obraz of the freelancer as successful person of the present] // Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: mezhvuz. sb. nauch. trudov [Semantics. Functioning. Text: interhigher education institution. coll. of scient. works]. Kirov: JSC Raduga-PRESS Publ., 2013. Pp. 52–63.
26. *Mirsky E. M.* Gipertekst [Hypertext] // Novaya filosofskaya entsiklopediya – New philosophical encyclopedia: in 4 vol. Vol. 1. Moscow: Mysl Publ., 2010. Pp. 527–528.
27. *Krol V. M.* Gipertekst [Hypertext] // Bolshoy psihologicheskiy slovar – Big psychological dictionary / under the editorship of B. G. Meshcheryakov, V. P. Zinchenko. Moscow: Prime-EVROZNAK Publ., 2003.
28. *Danilevskaya N. V.* Sverhtekst [Supertext] // Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar – Stylistic encyclopedic dictionary / under the editorship of M. N. Kozhina. Moscow: Flint Publ.; Science, 2006. Pp. 374–376.
29. *Kupina N. A., Bitenskaya G. V.* Sverhtekst i ego raznovidnosti [Supertext and his versions] // Chelovek – Tekst – Kultura – Person – Text – Culture. Yekaterinburg, 1994. Pp. 214–233.
30. Comp., e.g.: *Amirov V. M.* Agitatsionnyiy predvyiborniy sverhtekst: organizatsiya soderzhaniya i strategii realizatsii: avtoref. dis.kand. filol. nauk. [Agitation pre-election supertext: organization of the contents and realization strategy: Cand. Phil. sci. avtoref. diss.]. Yekaterinburg, 2002. 24 pages; *Bazanova A. E.* Yazyik sovremennoy rossiyskoy reklamy [Language of modern Russian advertising] // Russkiy yazyik za rubezhom – Russian abroad, 2001, No. 2. Pp. 80–81; *Enina L. V.* Sovremennyye rossiyskie lozungi kak sverhtekst: dis. kand. filol. nauk. [Modern Russian slogans as supertext: Cand. Phil. sci. diss.]. Yekaterinburg, 1999. 235 pages; *Strelnikova E. S.* Reklama kak ob'ekt izucheniya v sovremennoy lingvisticheskoy literature [Advertizing as object of studying in modern linguistic literature] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Volgograd State University, Series 2: Linguistics, 2006, No. 5, etc.
31. *Loshakov A. G.* O semanticheskoy derivatsii parodiynogo teksta [About semantic derivation of the parody text] // Problemyi kulturey, yazyika, vospitaniya: nauch. stati i materialyi prepodavateley i aspirantov Severodvinskogo gumanitarnogo in-ta Pomorskogo gos. un-ta. – Problems of culture, language, education: scient. articles and materials of teachers and graduate students of Severodvinsk institute of humanities of Pomor state university. Iss. 3 / resp. editor S. V. Kozlov. Arkhangelsk, 1998, pp. 26–34; *Loshakov A. G.* Sverhtekst: semantika, pragmatika, tipologiya: avtoref. dis. Dokt. filol. nauk [Supertext: semantics, pragmatics, typology: Dokt. Phil. sci. diss.]. Kirov, 2008.
32. Philological maiden. Available at: http://vk.com/ph_maiden (accessed 20.02.2014) (in Russ.)

УДК 81'27:159.942

Ю. В. Березина

Аспекты изучения наименования эмоций в языке

В статье рассматриваются вопросы специфики понятийного корпуса эмоций и их отражения в системе языка.

The article deals with the peculiarities of the “emotions” concepts and their reflection in the language system.

Ключевые слова: эмоция, эмотивность, коммуникация.

Keywords: emotion, Emotiology, communication.

В современной науке есть разные точки зрения на природу и значение эмоций. Существует мнение, что в области науки о поведении можно вообще обойтись без понятия «эмоция», а поведенческие проблемы проще объяснять с помощью понятий «активация» и «возбуждение», которые не столь аморфны, как термины, относящиеся к эмоциональной сфере (Duffy, 1962, Lindsey, 1957). Иные исследователи (Tomkins, 1962, 1963; Izard, 1971, 1972) придерживаются мысли о том, что эмоции образуют первичную мотивационную систему человека. Некоторые считают эмоции кратковременным, переходящим состоянием, в то время как другие полагают, что люди постоянно находятся под влиянием той или иной эмоции, что поведение и аффект – неразрывны (Schachtel, 1959). Также одни авторы убеждены, что эмоции разрушают и дезорганизуют поведение человека, являясь источником психосоматических заболеваний (Arnold, 1960; Lazarus, 1968; Young, 1961), а другие видят позитивную роль эмоций в организации, мотивации и подкреплении поведения (Izard, 1971, 1972; Leeper, 1948; Mower, 1960; Rapaport, 1942; Schachtel, 1959; Tomkins, 1962, 1963) [1]. «Эмоции – переживания человеком его отношения к окружающему миру и самому себе, одна из форм отражения субъективной действительности» [2]. «Эмоции – любое нарушение фонового, нейтрального состояния организма» [3]. «Эмоция – не только одна из форм отражения действительности, но и сама является для языка объектом отражения» [4]. Эмоции отражают не предметы реального мира, а те отношения, в которых они находятся применительно к человеку, то есть не свойства предметов и явлений мира, а их значение в жизни человека. С этой позиции эмоции могут рассматриваться как вид оценки и как способ информирования адресата о специфическом состоянии внутреннего «Я» адресанта через эту оценку. В основе такой информации лежат не любые, а только те эмоции, которые базируются на обобщенном опыте определенной лингвокультуры, систематизации видовых эмоций, значимых не только для индивидуума, но и для соответствующего языкового общества [5]. Психический феномен эмоций – то, что испытывает, переживает человек, они независимы от языка и вполне могут языковыми средствами не выражаться и относиться к области психологии, физиологии, медицины. Существует другое понятие – «эмоции в языке» как одна из сторон психического феномена эмоций, как совокупность всех потенциально возможных форм и способов лингвистической и паралингвистической репрезентации эмоций [6]. Эмоция как лингвистический термин подразумевает не свойство субъекта, а содержание значения слова как языкового знака, фиксирующего факт эмоционального переживания субъектом некоторого явления, они представляют собой субъективные «реакции на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющие ярко выраженную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний».

Изучение отражения эмоций в языке – тема, вызывающая интерес у широкого круга исследователей. Язык является основным инструментом познания человеческих эмоций. Он номинирует их, выражает, описывает, имитирует, симулирует, классифицирует, структурирует, комментирует. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры. Эмоции концептуализируются и вербализируются в языке [7]. Лингвистика эмоций сформировалась на стыке психологии и традиционного языкознания и своими корнями восходит к давнему спору большой группы лингвистов (М. Бреаль, К. Бюлер, Э. Сэпир, Я. ван Гиннекен, Г. Гийом, Ш. Балли, Э. Штиль и др.) о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими [8]. Часть ученых считали, что доминантой в языке является когнитивная функция, и поэтому они исключали изучение эмоционального компонента из исследований о языке (К. Бюлер, Э. Сэпир, Г. Гийом). Другая группа ученых (Ш. Балли, Я. ван Гиннекен, М. Бреаль) считала выражение эмоций центральной функцией языка.

В лингвистической научной традиции, связанной с изучением эмоций в системе языка, выделяют три масштабные линии в зависимости от предмета анализа. Исследователей, которых условно можно отнести к первому направлению, интересует, главным образом, категоризация эмоциональной сферы (Вежбицкая, 1996; Иорданская, 1970; Лакофф, 2004; Апресян, 1993; Kovacs, 1990; и др.). Они описывают природу эмоции в целом, в качестве объекта научных интересов они рассматривают язык. Вторая группа ученых исследует эмоции на различных уровнях языка (Апресян, 1995; Арнольд, 1973; Арутюнова, 1990; Вокачев, 2003; Гальперин, 1981; Степанов, 1976; Трипольская, 1999; Уфимцева, 1996; Филимонова, 2001; Шаховский, 1983–2007; и др.). Наконец, третье направление затрагивает развитие когнитив-

ного подхода к изучению эмоций, в рамках которого ученых интересует взаимосвязь эмоций и когнитивных процессов (Lazarus, 1982, 1991; Lazarus, Kanner, Follmaft, 1980; Ortony, Clore, Collins, 1988; и др.) [9]. Все три подхода к изучению эмоций имеют свои преимущества и раскрывают конкретные аспекты исследуемых эмоций.

При изучении эмоционального материала, зафиксированного языком (во всех формах и на всех уровнях), необходимо четко различать явление эмоциональности в языке и то, как оно обозначается. Под эмоциональностью понимается такая черта человеческой личности, которая характеризует чувствительность человека к эмоциональной ситуации [10]. Эмоциональность в данном случае может считаться также речевой категорией, которая предполагает действие высказывания на человека, так как она выражает чувственную реакцию человека на текст и его смыслы [11]. И. И. Туранский определяет эмоциональность не как собственно лингвистическую категорию, а как состояние психики, о котором можно судить по каким-то объективным языковым данным [12]. Эмоциональность, будучи психологическим понятием, находит свою лингвистическую метаморфозу в понятии эмотивности, без рассмотрения сущности которой невозможно говорить о принципиальных основах лингвистической теории или концепции эмоций. Эти два понятия впервые разграничил Ш. Балли (1961), в отечественном языкознании – Б. А. Ларин (1974). Хотя в некоторых работах не проводится четкой дифференциации эмоциональности и эмотивности, в то время как известно, что эмоциональность – это явление, относящееся к сфере психики и физиологии, эмотивность – к сфере лингвистики.

Традиционная лингвистика долго понимала эмотивность как «некий феномен, находящийся на периферии лингвистической системы» [13], поскольку проблема эмотивности лежит в пограничной области, где сталкиваются общетеоретические вопросы лингвистики, физиологии, психологии, философии и логики, связанные друг с другом и с методологией научного анализа – системностью явлений, единством *ratio* и *emotio*, единством языка, сознания и мышления и др. Кроме того, в лингвистической литературе получил распространение взгляд на эмотивность как на нечто субъективное, неуловимое, ведущее к разрушению языковой системы [14]. Типичными для представителей классического языкознания являются противоположные точки зрения на природу эмотивности А. Клейкора и О. Эрдмана. По А. Клейкору, в языке нет непосредственного выражения чувства и воли. Выразить чувство и волю можно только опосредованным путем – через понятие. О. Эрдман, напротив, считает чувственный элемент и попутный смысл входящими в значение слова наряду с его понятийным содержанием [15]. Понятие эмотивности традиционно либо связывалось с нарушением языковой системы, либо рассматривалось как стилистическая черта этой системы. Такая точка зрения характерна для Пражской лингвистической школы, представитель которой Ш. Балли определял стилистику как науку, связанную с выражением эмоций в языке. В своей «аффективной» концепции стилистики он противопоставлял аффективное эмоциональному. Он полагал, что «логические» формы языка находятся на разных полюсах языковой системы, и в то же время утверждал, что все факты языка подразделяются на факты с логической доминантой и речевые факты с эмоциональной доминантой [16]. Изучение эмотивности речи – область эмотиологии, или лингвистики эмоций. Ее объект – языковая категоризация эмоций. Также эмотиологию определяют как науку о вербализации, выражении и коммуникации эмоций. Для эмотиологии отделение эмоциональности от эмотивности принципиально. Эмотивность, по В. И. Шаховскому, означает одну из трех базовых характеристик языка (когнитивность, коммуникативность, эмотивность) и может пониматься как «лингвистическое выражение эмоций» [17]. Она развивается в слове на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности и представляет собой результат интеллектуальной интерпретации эмоциональности [18]. У категорий эмоциональности и эмотивности различное предназначение. Эмоциональность – инстинктивное, бессознательное, незапланированное проявление эмоций, сфокусирована на субъекте (это эмоции для себя). Эмотивность – сознательная, запланированная демонстрация эмоций, направлена на объект (это эмоции для других) [19]. Л. А. Пиотровская пишет об эмотивности как о функции языковых единиц, связанной с выражением эмоционального отношения говорящего к объективной реальности непосредственно или к содержанию значимых единиц языка (номинативных или коммуникативных). Языковые единицы, которые выполняют эмотивную функцию, она обозначает как эмотивные [20]. Эмоциональность – психологическая характеристика лично-

сти, состояние и уровень развития ее эмоциональной сферы. Эмотивность – лингвистическая характеристика слова, предложения, способная произвести эмоциогенный эффект [21]. Некоторые авторы используют термин эмотивность как синоним оценочности, утверждая, что эти понятия соотносятся друг с другом (Ахманова, 1969; Лукьянова, 1986), в то время как эмоциональное соотносится только с сенсорным видом оценки. Эмоциональность и оценочность высказывания выступают как часть и целое, а эмотивность включает в себя эмоциональное и рациональное. Признак эмотивности описывается как отношение, основанное на эмоциях, переживаемых человеком [22]. Другие полагают, что эмотивное нельзя отождествлять с оценочным, хотя эти понятия тесно взаимосвязаны (Блох, 1986; Телия, 1991; Астарян, 1995). Оценка может быть как эмоциональной, так и рациональной. Рациональная оценка соотносит оцениваемый объект или состояние лишь с двумя полюсами качества. Эмоциональная же привносит в эту оценку коннотативные значения, предполагающие определенное эмоциональное отношение к тому, что оценивается. Спектр эмоциональной оценки шире спектра рациональной. Оценочность – выражение оценки в речи, неразрывно связанное с системой личных и социальных ценностей. Оценка является неотъемлемой стороной эмоций. Эмоциональность всегда оценочна, тогда как оценочность может быть и неэмоциональной.

Выражение эмоции в языке связывают с репрезентацией языковых категорий эмотивности и экспрессивности. Некоторые авторы рассматривают понятия эмотивности и экспрессивности как синоним (Балли, 1961; Якобсон, 1979; Новиков, 1982). Экспрессивность – форма выражения, которая применима для передачи как эмотивной, так и интеллектуальной информации. И иногда большая выразительность достигается при меньшем присутствии или полном отсутствии эмотивной информации (в научном тексте). Экспрессивность – способность языковых единиц оказывать впечатление на слушающего, она имеет непосредственное отношение к выбору и реализации единиц в речи и связана с сферой представлений, в отличие от эмоциональности, связанной с чувственной сферой человеческой психики [23]. Эмоциональные элементы в языке служат для выражения чувств человека, а экспрессивные – для усиления выразительности и образности как при выражении эмоций, так и при выражении любой другой коммуникации [24]. Экспрессивность понимается как совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которая обеспечивает ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения, отношения говорящего к содержанию или адресата к речи [25]. Эмотивность – часть высказывания, соответствующая самовыражению говорящего и отражающая его впечатления, чувства, оценки. Экспрессивность заключается в усилении впечатляющей силы высказывания в соответствии с планируемым целенаправленным действием на адресата. Говоря об эмотивности, нельзя не упомянуть понятие интенсивности. Интенсивность – мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность. Интенсификация как показатель степени усиления есть количественное отражение того, насколько экспрессивное содержание высказывания повышается над предметно-логическим. Характеристикой интенсивности служит «интенсема» – любая отдельная языковая манифестация увеличения или уменьшения экспрессивности.

Способность текста к эвокации эмоционального состояния у реципиента В. И. Шаховский определяет как эмоциогенность [26]. Эмоциогенность – потенциальная способность вызывать эмоциональный отклик, эмоциональную реакцию у реципиента. Содержание любого текста является потенциально эмоциогенным, потому что всегда найдется реципиент, для которого оно окажется лично значимым. Эмоциогенность может быть присуща как слову, высказыванию, так и целому тексту. Эмоциогенность содержания текста можно интерпретировать как эмоциогенность фрагментов мира, отраженных в тексте [27]. Эмоциогенность можно также определить как когнитивную категорию, поскольку один и тот же текст может вызвать эмоции или оставить безразличными представителей разных культур, различных слоев общества, как и у одного и того же человека в разные периоды его жизни. В сфере исследования проблемы эмоциогенности текста Я. А. Покровская ввела понятие эмоционального концепта как единицы национального менталитета, скрытой категории смысла, которую можно распределить с помощью языка [28]. Концепты едины для всех носителей данной культуры, но эмоциональные фреймы различаются в зависимости от ряда социально-этнопсихологических факторов, что и обуславливает различия в эмоциональном

воздействии, производимом одним и тем же текстом, на разных реципиентов. Так как концепт вообще или эмоциональный концепт в частности «спрятаны» в единицах языка, то в процессе восприятия текста происходит подсознательное или сознательное распредмечивание концепта конкретной эмоции конкретным реципиентом. Благодаря этому может возникнуть или не возникнуть тот или иной эмоциональный эффект.

Примечания

1. *Бабенко Е. В.* Фразеосемантическое поле эмоций: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 2–16.
2. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб.: Изд-во «Питер», 2000. С. 458.
3. *Сорокин Ю. А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 72.
4. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. С. 94.
5. *Астен Т. Б.* Формирование межтекстуального эмоционального фона средствами английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. С. 18–28.
6. *Романов Д. А.* Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: на материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Тула, 2004. С. 32–38.
7. *Шаховский В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие по спецкурсу. Волгоград, 1983. С. 25–28.
8. *Шаховский В. И.* Лингвистика эмоций // Филол. науки. 2007. № 5. С. 3–13.
9. *Лепеньшева А. А.* Языковая репрезентация эмоции удивления в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. С. 5.
10. *Астен Т. Б.* Указ. соч. С. 32–34.
11. *Фресс П.* Природа эмоций // Психология аномального развития ребенка: хрестоматия: в 2 т. / ред. В. В. Лебединский, М. К. Бардышевская. М.: ЧеРо: Изд-во Моск. ун-та: Высш. шк., 2002. Т. 1. С. 14.
12. *Туранский И. И.* Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. С. 11.
13. *Volek V.* Emotive signs in language and semantic, functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1984. С. 2.
14. *Малинович Ю. М.* Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. С. 7.
15. *Городникова М. Д.* Эмотивные явления в речевой коммуникации. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1985. С. 7
16. *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
17. *Шаховский В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания: учебное пособие по спецкурсу. С. 6–11.
18. *Ляхович И. В.* Окказиональная деривация как способ и средство создания языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. С. 127.
19. *Ларина Т. В.* Эмоциональность и эмотивность коммуникации \ Межкультурная коммуникация и перевод. Волгоград, 2004. С. 36–46.
20. *Пиотровская Л. А.* Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. 1993. С. 42.
21. *Маслова В. А.* Параметры экспрессивности текста. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука. 1991. С. 15.
22. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки: монография. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 11, 226.
23. *Яблокова Т. Н.* Выражение гнева и восторга в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 7–8.
24. *Волгина Е. В.* Гендерные факторы формирования англо-американской правовой терминологии. Саратов, 2006. С. 38.
25. *Шипова И. А.* Эмоциональный синтаксис в немецкоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. С. 8.
26. *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. С. 182.
27. *Маслова В. А.* Указ. соч. С. 49.
28. *Покровская Я. А.* Отражение в языке агрессивных состояний человека (на материале англо- и русскоязычных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. С. 25–27.

Notes

1. *Babenko E. V.* Frazeosemanticheskoe pole emotsiy: dis. Kand. filol. nauk [Phrase-semantic field of emotions: Cand. Phil. sci. diss.]. Moscow, 2003. Pp. 2–16.
2. *Rubenstein S. L.* Osnovyi obschey psihologii [Fundamentals of the general psychology]. Saint-Petersburg.: Piter Publ., 2000. P. 458.

3. *Sorokin Yu. A.* Tekst: tselnost, svyaznost, emotivnost [Text: integrity, connectivity, emotivity]// Aspektyi obschey i chastnoy lingvisticheskoy teorii teksta – Aspects of the general and private linguistic theory of the text, Moscow, 1982. P. 72.
4. *Shakhovskiy V. I.* Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyika [Categorization of emotions in lexico-semantic system of language]. Voronezh, 1987. P. 94.
5. *Asten T. B.* Formirovanie mezhtekstualnogo emotsionalnogo fona sredstvami angliyskogo yazyika: dis. kand. filol. nauk [Formation of an intertextual emotional background by means of English: Cand. Phil. sci. diss.]. Volgograd, 2000. Pp. 18–28.
6. *Romanov D. A.* Yazyikovaya reprezentatsiya emotsiy: urovni, funktsionirovanie i sistemy issledovaniy: na materiale russkogo yazyika: dis. Dokt. filol. nauk. [Language representation of emotions: levels, functioning and systems of researches: on Russian material: Doct. Phil. sci. diss.]. Tula, 2004. Pp. 32–38.
7. *Shakhovskiy V. I.* Emotivnyiy komponent znacheniya i metody ego opisaniya: uchebnoe posobie po spetskursu [Emotiv component of value and methods of its description: the manual on a special course]. Volgograd, 1983. Pp. 25–28.
8. *Shakhovskiy V. I.* Lingvistika emotsiy – Linguistics of emotions// Filol. nauki. – Philological sciences, 2007, No. 5. Pp. 3–13.
9. *Lepenysheva A. A.* Yazyikovaya reprezentatsiya emotsii udivleniya v angliyskom yazyike: dis. Kand. filol. nauk. [Language representation of emotion of surprise in English: Cand. Phil. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2012. P. 5.
10. *Asten T. B.* Spec. work. Pp. 32–34.
11. *Fress P.* Priroda emotsiy [Nature of emotions]// Psihologiya anomalnogo razvitiya rebenka: hrestomatiya – Psychology of abnormal development of the child: anthology: in 2 vol. / ed. V. V. Lebedinsky, M. K. Bardyshevskaya. Moscow: CheRo: Publishing house of Moscow university: Higher school. 2002. Vol. 1. P. 14.
12. *Turanskiy I. I.* Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyike [Semantic category of intensity in English]. Moscow: Higher school. 1990. P. 11.
13. *Volek B.* Emotive signs in language and semantic, functioning of derived nouns in Russian. Amsterdam, Philadelphia: John Bejimis Publishing Company, 1984. C. 2.
14. *Malinovich Yu. M.* Ekspressiya i smysl predlozheniya: problemy emotsionalno-ekspressivnogo sintaksisa. Irkutsk [Expression and sense of the sentence: problems of emotional and expressional syntax]. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk university, 1989. P. 7.
15. *Gorodnikova M. D.* Emotivnyie yavleniya v rechevoy kommunikatsii [Emotiv effects in speech communication]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute of Foreign languages of M. Thorez, 1985. P. 7
16. *Balli S.* Franzuzskaya stilistika [French stylistics]. Moscow, 1961.
17. *Shakhovskiy V. I.* Emotivnyiy komponent znacheniya i metody ego opisaniya: uchebnoe posobie po spetskursu [Emotiv component of value and methods of its description: the manual on a special course]. Pp. 6–11.
18. *Lyakhovich I. V.* Okkazionalnaya derivatsiya kak sposob i sredstvo sozdaniya yazyikovoy kartiny mira: dis. Kand. filol. nauk [Occasional derivation as way and tool for a language picture of the world: Cand. Phil. sci. diss.]. Krasnodar, 2003. P. 127.
19. *Larina T. V.* Emotsionalnost i emo-tivnost kommunikatsii [Emotionality and emotiveness of communication] \ Mezhekulturnaya kommunikatsiya i perevod – Cross-cultural communication and translation. Volgograd, 2004. Pp. 36–46.
20. *Piotrovskaya L. A.* Emotivnost kak yazyikovaya kategoriya [Emotivity as language category]// Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta – Herald of St. Petersburg university. Ser. 2. Iss. 2, 1993. P. 42.
21. *Maslova V. A.* Parametryi ekspressivno-sti teksta. Chelovecheskiy faktor v yazyike. Yazyikovyye mehanizmy ekspressivnosti [Parameters of expressivity of the text. Human factor in language. Language mechanisms of expressivity]. Moscow: Nauka Publ., 1991. P. 15.
22. *Wolf E. M.* Funktsionalnaya semantika otsenki: monografiya [Functional semantics of an assessment: monograph]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. Pp. 11, 226.
23. *Yablokova T. N.* Vyrazhenie gneva i vostorga v sovremennom angliyskom yazyike: dis. Kand. filol. nauk [Anger and delight expression in modern English: Cand. Phil. sci. diss.]. Moscow, 2006. Pp. 7–8.
24. *Volgina E. V.* Gendernyye faktory formirovaniya anglo-amerikanskoy pravovoy terminologii [Gender factors of formation of Anglo-American legal terminology]. Saratov, 2006. P. 38.
25. *Shipova I. A.* Emotsionalnyiy sintaksis v nemetskoyazyichnom hudozhestvennom tekste: dis. Kand. filol. nauk [Emotional syntax in the German-language art text: Cand. Phil. sci. diss.]. Moscow, 2005. P. 8.
26. *Shakhovskiy V. I.* Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: monografiya [Linguistic theory of emotions: monograph]. Moscow: Gnozis Publ, 2008. P. 182.
27. *Maslova V. A.* Spec. work. P. 49.
28. *Pokrovskaya Y. A.* Otrazhenie v yazyike ag-ressivnyih sostoyaniy cheloveka (na materiale anglo- i russkoyazyichnykh tekstov): dis. Kand. filol. nauk. [Reflection in language of aggressive conditions of the person (on a material of English and Russian-language texts): Cand. Phil. sci. diss.]. Volgograd, 1998. Pp. 25–27.

Грамматические средства выражения эмоций в сетевом общении

В статье рассматриваются и систематизируются словообразовательные и синтаксические способы выражения эмоций в интернет-дискурсе.

In article are discussed and systematized word-formative and syntactical ways of expression in Internet communication.

Ключевые слова: коммуникация, словообразование, синтаксис, интернет-дискурс, экспрессивная функция языка.

Keywords: communication, word-formation, syntax, Internet-discourse, expressive function of language.

Экспрессивная функция в языке реализуется практически на всех его уровнях – фонетическом, морфемном, лексическом, фразеологическом, морфологическом и синтаксическом. Учитывая специфику интернет-переписки, сюда следует отнести ещё один уровень – графический, который включает в себя всё, что отвечает за невербальную коммуникацию, но при этом представлено в письменной или графической форме.

Цель настоящей статьи – систематизировать словообразовательные и синтаксические способы выражения эмоций в интернет-дискурсе.

Выражение в языке эмоционального проявления личности – не только одна из важнейших человеческих потребностей, но и наиболее сложная и актуальная проблема современной лингвистики. Как и в реальной жизни, основные цели виртуального общения – это приём и передача различной информации, в том числе и эмоциональной. Говоря о социальных сетях, мы имеем в виду личную переписку, комментарии и статусы пользователей. В рамках нашей работы именно эти каналы эмоционального общения представляют наибольший интерес.

Интернет-пространство ввиду своей безграничной свободы и мобильности неуклонно меняется, создавая всё новые возможности для реализации наших потребностей. Таким образом, через желание полноценно общаться и быть понятым меняется и наш интернет-язык. Особенно ярко это отражено на морфологическом уровне в условиях словообразования. Когда пользователю для выражения своих эмоций недостаточно общеупотребительной лексики, в ход идёт активное образование новых слов. В одних случаях оно носит индивидуальный, авторский характер и его «продукты» не входят в широкое употребление. В других – однажды произведенное и употребленное слово ввиду своей оригинальности или уместности переходит (путем копирования) в массовое употребление и постепенно осваивается в русской речи (*имхо, лайк, смайлик, кэп, лол* и т. д.).

Что касается способов **словообразования**, то наиболее продуктивными в интернет-пространстве являются следующие.

а) **Аффиксация**. Присоединение уменьшительно-ласкательных суффиксов в зависимости от контекста передаёт симпатию или иронию. Примеры: *о божечки!*, *любимка моя*, *братюня*, *контактик*, *красоточка*, *пацанчик*, *боянище*.

Зачастую прибавлением соответствующих словообразовательных аффиксов сопровождается вербализация или адъективация, ср.: **троллить** и его производные, образованные от слова *троль* – ‘сетевой агрессор, шутник’; **фейспалмить** – от *фейспалм* (буквально – *рукалицо*, ср. англ. *facermalm* – описание лица, закрытого одной рукой: жест, означающий порицание или стыд), **патихард**, **патихардовый** – от англ. *party hard* – ‘шумно веселиться, отрываться’. Приведём примеры употребления этих и других слов: *И, признаться, я думала, меня уже ничего не сможет рассмешить или хотя бы заставить **фейспалмить**. // Элина, ахаха, они ещё не знают, что **затроллить** нас невозможно :D // Дуров опять **троллит** // я как-нить **протроллю** вас всех и поставлю др куда-нить в мае // нашелся эпичный **патихардовый** ТОП // просто не мог не **лайкнуть** // Правила те же – **лайкнуть** и **репостнуть** запись!!!*

б) **Сложение.** В одних случаях это представлено графической гибридизацией, ср. *зру-стьпечаль*, **овнофотка* (некрасивая фотография), *рукалицо* (когда стыдно за себя или за других). В других – телескопическим словосложением: *сдербанк* – банк, вытягивающий много денег, *тандемагогия* – от слов *тандем* и *демагогия*. Отсюда же происходят кальки из английского, такие как *покерфейс* (*pokeface*) – «покерное лицо» в значении ‘непроницаемое лицо’, ‘хорошая мина при плохой игре’, *оккейфейс* (*okkayface*) – лицо смирившегося с чем-либо человека. Примеры: *Сегодня ко мне приходит начальство, кладёт мне на стол стопку хондовских договоров и говорит, что мол эти люди снова хотят с нами работать. А я что? Я ничего. Окейфэйс. // Покерфейс не покидай меня, пожалуйста не покидай, нельзя смеяться НЕЛЬЗЯ. // Просто эпик. особенно если смотреть на ее аватарку где у нее ПОКЕРФЕЙС.*

в) **Аббревиация.** Для переписки и общения в чатах характерным является использование аббревиатур (акронимов, сокращений) буквенного, слогового типа, придающее высказыванию непринужденность и позволяющее наиболее ёмко и быстро выразить свои эмоции. На клавиатуре гораздо проще и быстрее написать «спс» вместо «спасибо». Причём акронимы могут как образовываться от русских слов (*спс* – спасибо, *лю* – люблю, *мими* – мило, милый, *тож* – тоже, *норм* – нормально, *нра* – нравится, *тя* – тебя, *збс* – зае*ись, т. е. ‘хорошо’, *хз* – х* знает ‘не знаю, не уверен’, *таксе* – так себе), так и путём транслитерации английских акронимов (*лол* – lol (*laughing out loud*), *рофл* – rofl (*rolling on the floor laughing*) – ‘смеяться или кататься по полу от смеха’, *втф* – wtf (*what the fuck*) – ‘какого чёрта’, *омг* – omg (*oh my god*) – ‘боже мой’.

На двух последних словообразовательных моделях можно проследить тенденцию к экономии, универбализации (от лат. unum verbum – «одно слово»), когда замена описательного наименования является одним из продуктивных способов образования новых слов. Это объясняется стремлением к цельнооформленности и компактности сообщения, а вместе с ним – к экономии речевых усилий [1].

г) Особое место в системе новых слов занимают **индивидуально-авторские окказионализмы**, созданные согласно существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям. Причём эти окказионализмы используются исключительно в условиях контекста как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры. Благодаря Интернету и его доступности теперь каждый пользователь, придумав новое необычное слово, может поделиться им с широкой общественностью в своём статусе или комментарии. Ср., напр.: *Жизнь – это миг. Её нельзя сначала прожить на черновике и переписать на беловик // пошел я в мазаг* (магазин – магазин) // *Вчера отправила диплошу* (диплом) // *Спокойной ночи!* // публикации *публикачить* // *Могёте* (можете), *пацаны*) // *Ой умничка хоть что-то ты знаешь. Видать мозг не совсем дегролировался // пасибос!* (спасибо).

Характерными особенностями **синтаксиса** виртуального общения являются активизация разговорных синтаксических конструкций, а также аналитизм как ведущая тенденция в современной грамматике. В процессе интернет-коммуникации синтаксические построения становятся всё более расчленёнными, фрагментарными, приближенными к устной речи, а формальные синтаксические связи – ослабленными, свободными, что повышает роль контекста, порядка слов, акцентных выделений, словесной сжатости синтаксических единиц и их смысловой ёмкости [2]. При всём этом синтаксический уровень также реализует экспрессивную функцию языка. Наиболее ярко это представлено в следующих синтаксических средствах.

а) **Парцелляция.** Конструкция, представляющая собой намеренное расчленение связного предложения на несколько интонационно самостоятельных отрезков с целью усиления эмоций, эмоциональной оценки или эмоционального состояния пишущего. Графическими показателями этой категории коммуникативного синтаксиса могут являться не только традиционные знаки препинания (точка, восклицательный знак, многоточие), но и их эмоционально-маркированные субституты – эмодзи [3]. Примеры: *Внезапно! Я снова флужу в интернете // это все хиты!!!!бессмертные! // Я!! НИ ЗА ЧТО! ТУДА!! НЕ ПОЙДУ! // Блин, я в шоке)) Приятном) Да.) // ну... это... как тебе сказать то. Нет не буду. вообще отдохай там. не волнуйся. без тебя не умру, если что. :))// А: а сессия сдана или еще нет? Б: ага. как же. нет. рассмешила меня. сессия идет. студент спит.*

В качестве своеобразной разновидности парцелляции в сети могут также выступать заглавные буквы, как сигнал о фазовом ударе. Например: *и даже не верится, что это НЕ*

видеосъемка! // Я его пригласила, Я за все буду теперь отвечать // ну и ЛАЖА этот новый фильм про бригаду // ДА ЛАДНО!! Так и СКАЗАЛ?!!

б) **Эллипсис.** Ярким примером интернет-речи является характерный для разговорного стиля намеренный пропуск слов, несущественных для смысла выражения, ср.: (я) Вернулась вот с этого жрок визуал-кей концерта не дождавшись энкора, ибо (это был) ад // следующий (новый) год буду спать, ибо нафиг (отмечать). Такой приём часто используется в личной переписке, как правило, между близкими людьми, осведомленными в теме беседы, ср.:

А: как насчет фотографий. Если не сможешь ничего страшного
Б: в понедельник? У кинотеатра? других концепций у меня нет)
А: я думаю в ботаническом саду, там рядом. ты как?
Б: Я тоже об этом подумала кста. Оккей. С тебя попкорн.
А: Блин, мы мысли читаем! Заметано:)

В отдельных случаях пользователь может опускать целую реплику, заменив её характерными знаками препинания или эмоджиконами. При этом степень эмоциональности такого «сообщения» зависит от количества используемых знаков.

А: когда приехала?
Б: вчера. Дело есть.
А: ?
Б: Отметить мой приезд))
А: Я прям обеими руками!)

А: НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!!11
В: ??????????!!!!
А: ВЧЕРА была репетиция! Ты хоть бы слово мне сказал (((

А: Сдала! На пять!! Димкаааа!))
В: !!!!!
В: поздравляю :)))
А: :D

в) Ещё один приём, характерный для виртуальной переписки, – это **отсутствие пробелов и знаков препинания** между словами в словосочетании, предложении или между предложениями. Исключение пробелов между словами наглядно передает сильное эмоциональное волнение пользователя. Ср., напр.: датычто // ЯХОЧУДОМОЙХОЧУДОМОЙХОЧУДОМООООООЙ! // да-дададададада // асбадаэтобылонечтотоникапитанамерикахалкяваслюблюю!!!!

Случаи, когда коммуникант пренебрегает знаками препинания между целыми высказываниями, – распространённое явление для чатов, где функцию разделения, по сути, выполняют интервалы между односложными сообщениями, ср.:

А: Как самочувствие?
В: нормально
В: только работать не хочется
А: понимаю
А: у меня тоже сегодня кпд ниже некуда

В то же время, если на развернутое сообщение пользователь отвечает непрерывным потоком речи, такое поведение чаще всего расценивается как нежелание общаться, отвлечённость чем-то другим, неуважение к собеседнику.

А: Привет! Как дела? Как учеба?)
В: привет нормально госы сдаю у тебя

А: красава ху*ь тут добавишь?
В: запятую не мешало бы

Отдельно были выявлены такие синтаксические средства, как **анадиплосис** и **эффект обманутого ожидания**, которые чаще всего используются в переписке для выражения сарказма или комического впечатления, ср.: *Майк у нас теперь режиссер. Режиссер, кажись, от слова "режу". Режу по живому // А: И парней у тебя должно быть много? В: Много, табунами за мной бегают.*

А: вот, послушай песню одну. Как тебе?

Б: аж мурашки по коже...

Б: замерз наверно, оденусь пойду

Б: а песня таксе по правде

А: убил бы тебя..

А: да люблю ведь))

А: привет. Как лето?

Б: привет. Жаркое.

А: плюс один за тонкий юмор, но я серьезно. Как отдыхается тебе?

Опосредованный характер общения в Интернете ставит проблему адекватного восприятия текстов пользователей. Возможная неверная интерпретация смысла высказывания связана с затруднённой выразительностью эмоционального компонента общения. В письменной речи, электронной или реальной, отсутствует интонационный компонент и паралингвистическая составляющая устного общения – мимика, жесты, позы [4]. Для компенсации этих недостатков электронное письменное общение изобретает всё новые способы передачи эмоций и чувств, коммуниканты используют различные

словообразовательные, лексические и синтаксические средства для адекватного достижения поставленных коммуникативных целей и самопрезентации. В целом языковые процессы виртуального пространства восприимчивы к новым, нестандартным и девиантным (отклоняющимся) лексико-синтаксическим явлениям [5], которые в большинстве случаев носят окказиональный характер, тесно связаны с контекстом и отличаются достаточной выразительностью и эмоциональностью.

Примечания

1. Рыжков М. С. Людемы интернет-дискурса: русский и английский языковые сегменты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 115–118.

2. Шабшин И. О психологических феноменах и особенностях коммуникации посредством Интернета. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76>.

3. Рыжков М. С. Указ. соч.

4. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): монография. М.: Изд-во РУДН, 2008.

5. Шабшин И. О. Указ. соч.

Notes

1. Ryzhkov of M. S. Lyudemyi internet-diskursa: russkiy i angliyskiy yazykovyie segmentyi [Lyudema of an Internet discourse: Russian and English language segments]// Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of the Voronezh State University. Series: Linguistics and cross-cultural communication, 2009, No. 2. Pp. 115–118.

2. Shabshin I. O psihologicheskikh fenomenah i osobennostyah kommunikatsii posredstvom Interneta [About psychological phenomena and features of communication by means of the Internet]. Available at: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=76>.

3. Ryzhkov M. S. Spec. work.

4. Trofimova G. N. Yazykovoy vkus internet-epohi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptualno-suschnostnyie dominantyi): monografiya [Language taste of an Internet era in Russia (Russian functioning on the Internet: conceptual and intrinsic dominants): monograph]. Moscow: RUDN Publ., 2008.

5. Shabshin I. O. Spec. work.

Лингвостилистические особенности СМС-объявлений о знакомстве в интерактивных телепрограммах

В статье представлены результаты исследований объявлений о знакомстве, присылаемых посредством СМС в интерактивные телевизионные программы. Исследование проводилось по двум направлениям: лингвостилистическому и социолингвистическому.

The article contains the results of researches of declarations about the acquaintance sent via premium SMS in interactive television programs. The study was conducted in two directions: linguistic stylistics and sociolinguistics.

Ключевые слова: интерактив, объявление о знакомстве, СМС-общение, социолингвистика, стилистика.

Keywords: interactive, the advertisement about the acquaintance, SMS-communication, sociolinguistics, stylistics.

СМС (от англ. *Short Message Service*, «служба коротких сообщений») – это система, которая позволяет принимать текстовые сообщения при помощи мобильного телефона [1].

Цель настоящей статьи – проанализировать специфику языка и стиля СМС-объявлений о знакомстве, публикуемых в прямом эфире специальных телепрограмм. Материалом исследования послужили 200 СМС-сообщений, собранных в течение 2012 года из эфира программы «Муз-приват» на «Первом городском» телеканале города Кирова. В задачи исследования входило, во-первых, описание лингвостилистических особенностей СМС-объявлений о знакомстве и, во-вторых, выявление в языке СМС-объявлений тех черт, которые бы указывали на местную, региональную специфику данного вида коммуникации и могли бы служить «штрихами к портрету» современного кировчанина.

Изучение языка СМС-сообщений является актуальным, так как в настоящее время СМС прочно вошли в повседневную жизнь. Однако трудно представить, что ещё каких-нибудь двадцать лет назад абоненты не могли (да и не испытывали потребности) общаться друг с другом посредством коротких сообщений. Сейчас же люди пользуются текстовыми сообщениями не только для передачи какой-либо фактической информации, но также и для того, чтобы передать чувства, эмоции и какой-то особый смысл, например при написании поздравительных СМС. За последние пять лет вспомогательный сервис к основной голосовой услуге службы коротких сообщений превратился в популярный инструмент общения. Для множества людей возможность отправлять короткие сообщения становится предпочтительнее телефонных звонков. С помощью СМС назначают свидания, признаются в любви и даже спасают жизнь.

Ср. в связи с этим слова из популярной современной песни:

*Целый день у телефона сижу –
Ни звонков, ни СМС-ок, просто наваждение.
Места я себе всё не нахожу –
Может, это любовь, а может, увлечение?..
Я накручиваю себя – почему ты мне не звонишь?
Может, денег нет, а может, нет любви?
Ну, пришли хотя бы смайлик на мой
Одинокий серебристый телефон.
Этот смайлик улыбнётся мне, а я
Буду точно знать, что я тебе нужна.*

(Верка Сердючка. Смайлик)

Новый виток в развитии СМС-общения начался с выходом текстовых сообщений на телеэкран. Многие каналы увидели рентабельность использования СМС в эфире телепередач. Одни пускают их бегущей строкой; это не занимает большого пространства на телеэкране, зато привлекает внимание зрителя и приносит дополнительный источник дохода владельцу

канала. Другие предлагают вниманию телезрителей некое подобие форума, куда в режиме реального времени транслируются сообщения. В этом случае оппоненты могут вступать в спор, делиться комментариями, вести разговор друг с другом.

До сих пор не сформулировано чёткое определение интерактивного телевидения и, как следствие, не имеется подробного единого описания услуг, которые может предоставлять своим пользователям эта система, и их единой общепринятой классификации.

Само слово «интерактивное» произошло от слияния двух английских слов: *inter* – «между» и *active* – «деятельность, активность» [2], т. е. активное взаимодействие между пользователем и источником информации. При таком взаимодействии пользователь, являясь одновременно телезрителем, отправляет своё сообщение на интересующий его канал. Информация в сообщении может быть различной: поиск людей, поздравления, объявления частного характера, реклама, приглашение, уведомление о чём-либо и т. д.

Особое распространение на телевидении получили интерактивные игры, когда ведущий в прямом эфире телеканала призывает аудиторию позвонить в студию и дать правильный ответ на какой-либо вопрос и получить денежный приз. Виды заданий могут быть разными (составить слово из заданных букв, угадать число в математической загадке, найти отличия на картинке и др.) Основная цель организаторов – создать ажиотаж и сформировать как можно большую очередь из звонящих, стремящихся попасть в прямой эфир. Каждый «висящий на линии» формирует доход телеканала, так как платит за время соединения с роботом в ожидании эфира. Иногда часть зрителей отправляет СМС, чтобы «записаться в очередь» на прямой эфир.

В данной статье рассматриваются СМС-сообщения на одном из телеканалов г. Кирова – «Первом городском». «Первый городской» успешно транслирует в рамках интерактива передачи «Fresh», «Fresh-чарт» и «Муз-приват» [3].

Нас интересует программа «Муз-приват», поскольку она непосредственно связана с темой знакомства мужчин и женщин. Передача транслируется в вечернее время. Ведущая предлагает тему для обсуждения, как правило, касающуюся взаимоотношений мужчины и женщины; одновременно с этим обсуждением на экране появляются СМС-объявления, посылаемые зрителями. Цель отправляемых в эфир СМС – знакомство. Таким образом, СМС заняли ещё одну, пока ещё практически не изученную нишу в сфере общения.

Удобство данного способа знакомства налицо – это скорость. Причём как скорость публикации сообщения, так и скорость получения отклика на него. Для сравнения можно привести пример объявления о знакомстве посредством письма в редакцию газеты, когда между созданием объявления и его публикацией проходят не минуты, а недели.

Однако недостатком СМС о знакомстве в рамках телепередачи является то, что они не дают исчерпывающей информации об адресате и адресанте сообщения. Типичное СМС в «Муз-приват» выглядит так:

- *позн с дев 25-35 для с/о Александр 30л [4].*
- *Симпатичная девушка Киров поз-ся со свободн.мол.чел*

Количество нестандартных СМС крайне мало, всего 1%. Хотя подобные объявления и привлекают больше внимания [5], авторы не стараются подать свое СМС в необычной форме. Например, следующее объявление можно оценить как нетипичное для СМС-интерактива: *Добрый день! Потерялся любимый, не могу найти... может он здесь? Он высокий, добрый, заботливый, серьёзный, ему до 38... Я знаю, что он тоже ищет меня... Мне 38.* Далее указывается номер телефона.

Во избежание недоразумений и конфликтных ситуаций в такого рода программах есть ряд определенных правил для участников. В частности, принять участие в программе могут лица, достигшие 14 лет. Также в эфир не выводятся сообщения, содержащие:

- номер телефона, который не совпадает с номером абонента;
- адреса электронной почты и т. п.;
- нецензурные выражения;
- рекламную информацию (названия магазинов, бренды, марки одежды и т. д.);
- конкретные адреса граждан или организаций;
- высказывания, оскорбляющие личность или достоинство граждан, порочащие репутацию организаций и т. п.

Исходя из небольшого количества информации, указанной в СМС, можно сделать некоторые выводы об авторах таких сообщений.

В указанных выше правилах оговорён минимальный возраст желающих прислать СМС о знакомстве – 14 лет. Верхний возрастной порог не указан. Однако люди среднего и старшего возраста, как правило, не пользуются подобным сервисом. Среди 200 исследованных нами СМС-объявлений только в одном встретилось указание на солидный возраст: *Пообщаюсь с несвободной женщ.50лет.* В среднем же возрастные рамки пользователей данной услуги не выходят за 14–40 лет. Следует отметить, что особенно активны пользователи 18–21 года и 28–35 лет. Скорее всего, это связано с тем, что указанные возрастные промежутки – это периоды в жизни людей, с одной стороны, до официального брака и, с другой стороны, уже повторно ищущих свои половинки. Если считать средним возрастом вступления в брак 25 лет, то тенденция обращения в подобную службу знакомств в указанные возрастные периоды представляется закономерной.

Знакомство с помощью СМС может иметь различные цели. Кировчане среди наиболее частотных указывают:

- серьёзные отношения;
- продолжительное общение;
- нечастые встречи;
- прогулка, поездка на машине;
- визит в гости.

Также имеют место завуалированные предложения интимного характера, в которых часто адресант или адресат обозначается как несвободный по семейному положению человек. Например, *м.ч.28 несвободен, поз-ся от 18 с простой, приятной девушкой; Познакомлюсь с дамой из кирова можно с замужней от 30 до 35 алексей; приглашу в гости даму на эротический массаж мне 35.*

Отличительной особенностью СМС о знакомстве в подобных передачах является их си-юминутный характер. Телезритель отправляет сообщение в момент эфира передачи и ждёт, что ему незамедлительно ответят, перезвонят или договорятся о встрече. Как правило, адресаты сообщений не обдумывают несколько дней, ответить им на СМС или нет. Ср.: *м ч 31г позн с дев дамой без компл сегодня смс.* Подобные указания на время достаточно частотны.

Согласно проведенному исследованию, мужчины прибегают к подобному способу знакомства чаще девушек. Из 10 объявлений 3 принадлежат девушкам, у 7 авторы – молодые люди.

Поскольку количество символов в СМС ограничено, то авторы сообщений не могут указать достаточное количество информации о себе или объекте поиска. Среди сообщаемых параметров чаще всего присутствуют:

- возраст;
- фигура, внешность;
- социальный статус (семейное положение, наличие детей);
- материальное положение;
- место проживания;
- отличительные черты характера.

Ср.: *познакомлюсь с девушкой с ребенком из кирова; Худенькая озорная 38л позн с муж с м/п; Красивая девушка познак. с добрым, высоким м.ч; Симпатичная девушка Киров поз-ся со свободн. мол. чел; встречу с молодой девушкой поддержка.*

Иногда авторы пренебрегают какими-либо характеристиками вообще, отправляя только сам посыл к общению, ср.: *девчонки кто хочет замуж.*

В ходе исследования было выдвинуто предположение, что в подобных СМС будут фигурировать какие-либо реалии жизни кировчан. Это было бы обусловлено тем, что, во-первых, передача транслируется по местному телеканалу, а во-вторых, абонентам, договариваясь о первом свидании, было бы проще назначить встречу у всем известного объекта (например, у памятника С. М. Кирову, у памятника И. С. Коневу или у фонтана на Театральной площади). Однако даже сплошная выборка сообщений не дала подобных результатов.

Единственным фактом, указывающим на то, что данные СМС присланы жителями нашего города и обращены именно к ним, является собственно указание города.

Большинство СМС адресовано кировчанам. Также встречаются сообщения от жителей городов Кирово-Чепецка и Слободского. Указание на город идёт двумя способами:

- через наименование жителя/жительницы, ср.: *С.О.ДЛЯ СТРОЙНОЙ СИМП.КИРОВЧАНКИ*;
- через название населенного пункта, ср.: *познакомлюсь с девушкой от 20 до 34.из кировова*.

В приведенных примерах орфография и пунктуация не были исправлены. Таким образом, можно делать вывод об уровне грамотности телезрителей, пишущих в «Муз-приват».

Следует отметить, что авторы-кировчане в целом следуют общим тенденциям написания СМС [6]:

- игнорируют пробелы и знаки препинания или ставят их, но делают это неправильно;
- производят сокращения слов не по правилам русского языка;
- допускают орфографические ошибки;
- используют графические средства при написании СМС.

Многое из перечисленного объясняется ограниченным количеством символов в СМС и платой за каждое последующее сообщение. Авторы и стараются передать за минимальное количество символов максимальное количество информации, ср.: *м.ч.п-ся с дев*.

Также встречаются и простые опечатки, ср.: *девушка делает пообщаться от 30 до 35 лет*. Их появление связано с использованием в телефоне так называемого сервиса Т-9, который при наборе первых букв слова «угадывает» это слово и предлагает автору его целиком. Учитывая чувствительность кнопок клавиатуры телефона или сенсорного экрана, можно не заметить, как составленное из одинаковой комбинации кнопок слово «желает» превратилось в «делает».

Таким образом, СМС-объявления о знакомстве имеют как свои достоинства (минимальное время между обращением адресанта и ответом адресата), так и недостатки (невозможность сообщить достаточно полную информацию о себе и желаемом партнёре, необходимость экономить символы в сообщении). Для СМС-объявлений о знакомстве характерны те же лингвостилистические особенности, что и для СМС в целом. Что касается каких-то указаний на местную, региональную специфику, то их в текстах исследованных нами сообщений почти не встретилось.

Примечания

1. *Ле-Бодик Г.* Мобильные сообщения: службы и технологии SMS, EMS и MMS / пер. с англ. М., 2005.
2. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999.
3. Сайт телеканала г. Кирова «Первый городской». URL: <http://kirov.1gorodskoi.ru/project/2179.html> /. Дата обращения 23.07.2013.
4. В приводимых примерах сохранены авторская орфография и пунктуация.
5. *Рысева У. А.* Отражение гендерных стереотипов в текстах брачных объявлений // Антропология языка: сб. статей / отв. ред. С. Р. Омельченко. Вып. 2. М., 2012. С. 166–172; *Рысева У. А.* Лексические особенности языка брачных объявлений // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: сб. статей по материалам междунар. науч. конф. молодых ученых. Вып.11. Н. Новгород, 2012. С. 244–249.
6. *Венедиктова Ю. Е.* СМС-сообщения: опыт типологического исследования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011; *Савельев Е. А.* Русскоязычные SMS-тексты в социолингвистическом аспекте (на примере текстов SMS-сообщений представителей молодёжной среды): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011.

Notes

1. *Le-Bodic G.* Mobile messages: services and the SMS, EMS and MMS (Russ. ed.: Mobilnyie soobsheniya: sluzhbyi i tehnologii SMS, EMS i MMS. Moscow, 2005).
2. *Ojegov S. I. Shvedova N. Y.* Tolkovyy slovar russkogo yazyika [Explanatory dictionary of Russian]. Moscow, 1999.
3. Site of TV channel of Kirov "The first city one". Available at: <http://kirov.1gorodskoi.ru/project/2179.html>/. Accessed 23.07.2013 (in Russ.)
4. In given examples the author's spelling and punctuation are kept.
5. *Ryseva U. A.* Otrazhenie gendernyih stereotipov v tekstah brachnyih ob'yavleniy [Reflection of gender stereotypes in texts of marriage announcements]// Antropologiya yazyika – Language Anthropology: coll. of articles / resp. editor S. R. Omelchenko. Iss. 2, Moscow, 2012. Pp. 166–172; *Ryseva U. A.* Leksicheskie osoben-

nosti yazyika brachnyih ob'yavleniy [Lexical features of language of marriage announcements] // Problemy yazyikovoy kartiny mira na sovremennom etape – Problems of a language picture of the world at the present stage: coll. of articles on materials of International scient. conferention of young scientists. Iss.11, N. Novgorod, 2012. Pp. 244–249 (in Russ.)

6. *Venediktova U. E.* SMS-soobscheniya: opyt tipologicheskogo issledovaniya: avtoref. dis. Kand. filol. nauk [SMS messages: experience of typological research: Cand. Phil. sci. avtoref. diss.]. Moscow, 2011; *Save-lyev E. A.* Russkoyazyichnyie SMS-teksty v sotsiolingvisticheskom aspekte (na primere tekstov SMS-soobscheniy predstaviteley molodYozhnoy sredy): avtoref. dis. Kand. filol. nauk [Russian-language SMS texts in sotsiolingvistichesky aspect (on the example of texts of Sms of representatives of the youth environment): Cand. Phil. sci. avtoref. diss.]. N. Novgorod, 2011.

УДК 1 (091)

С. А. Пушкин

Концепция медиавоздействия в работах Дженнингза Брайанта

Одним из ведущих современных зарубежных исследователей, изучающих медиавоздействие, является Дж. Брайант. В своей фундаментальной работе «Основы воздействия СМИ», а также в последующих публикациях Дж. Брайант подробно рассматривает различные аспекты проблемы медиавоздействия на общественное сознание.

В настоящей статье анализируются результаты исследования Дж. Брайанта, ставится вопрос об этической стороне некоторых из методик, применяемых Дж. Брайантом.

In his «Fundamentals of media exposure» J. Bryant highlights all aspects of the problem of media effects raised by his predecessors. The strong and weak points of his concept are considered, the question of the ethics of some of the research techniques applied by J. Bryant is raised.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, масс-медиа, медиавоздействие, медианасилие, перенос возбуждения.

Keywords: media and communication, mass media, media effect, media violence, excitation transfer.

В информационный век особо актуальной является проблема медиавоздействия на общественное сознание, что обусловлено прогрессом в области информационных технологий и латентностью механизма влияния на сознание субъекта. Латентный характер медиавоздействия значительно усложняет процесс отслеживания трансформации сознания, а применение новейших информационных технологий приводит к тому, что разрабатываемые и предлагаемые специалистами меры противодействия и защиты от агрессивного влияния медиавоздействия не всегда бывают достаточно эффективными.

Философский аспект изучения проблемы влияния медиапродукции на общественное сознание имеет ряд особенностей. Во-первых, в философских изысканиях исследователи применяют не только универсальные принципы общей методологии научного познания, но и методы и приемы частных научных дисциплин, демонстрируя, таким образом, принцип интердисциплинарности. Во-вторых, философский аспект медиавоздействия на общественное сознание не может не рассматривать настоящую проблему в общечеловеческом морально-нравственном ракурсе.

Медиавоздействие на сознание общества стало предметом исследования российских философов лишь в конце 90-х гг. XX в. Большинство этих работ имеют, в основном, прикладной характер. В связи с этим А. В. Шипова утверждает, что в современной науке ещё не сложилась единая общепризнанная концепция манипулирования сознанием. Исходя из этого она делает вывод, что теоретические исследования по данной проблеме находятся в стадии разработки [1]. Основные работы, посвященные проблеме медиавоздействия на сознание, были опубликованы в США и странах Западной Европы. В ряду авторитетных ученых особо выделяется американский философ Дженнингз Брайант, который известен русскому читателю прежде всего по своему фундаментальному труду «Основы воздействия СМИ» [2].

Целью данной статьи является критический анализ результатов исследований Дж. Брайанта с философской точки зрения. Основным источником является книга Дж. Брайанта «Основы воздействия СМИ».

Дж. Брайант исследовал многие аспекты медиавоздействия. Результативным вкладом Дж. Брайанта в науку можно считать критический анализ истории исследования феномена медиавоздействия, а также и основных теорий медиавоздействия. Работы Дж. Брайанта имеют практически-прикладную направленность и посвящены изучению формирования девиантного поведения субъекта, подвергающегося целенаправленному воздействию медиапродукцией с определенным контентом.

Дж. Брайант отвергает общепризнанную официальную версию истории изучения феномена медиавоздействия, в соответствии с которой точкой отсчета истории изучения феномена медиавоздействия являются 20-е гг. XX столетия. Дж. Брайант, изучив работы Дж. У. Джэнкса, В. С. Ярроса, Ф. Фэнтонна, приходит к заключению, что исследования в области медиавоздействия проводились еще в конце XIX в. Он критически относится к градуально-линейной модели истории изучения феномена медиавоздействия как «сильное – ограниченное – умеренное – сильное». Ученый считает, что работы, постулирующие «ограниченное» и «сильное» воздействие СМИ, имели место на каждом этапе истории исследования медиавоздействия, а интерпретации работ таких ученых, как П. Лазарсфельд и К. Ховленд, другими исследователями содержат ряд ошибок. Отмечая некорректность разграничения этапов, Дж. Брайант рекомендует при дальнейшей градации медиавоздействия как сильное, умеренное или ограниченное ввести стандартные, эмпирические границы, разделяющие эти уровни. Ученый отказывается от упрощенного и вместе с тем поверхностного анализа истории, а также нечетко сформулированных терминов.

Дж. Брайант сыграл большую роль в построении единой концепции медиавоздействия. Существует несколько теорий, объясняющих феномен медиавоздействия. У каждой теории есть свои сторонники. И процессы построения единой концепции, интегрирующей в себя данные всех своих предшественниц, находятся лишь на начальной стадии. Применяя метод метаанализа, Дж. Брайант исследует основополагающие теории медиавоздействия – социально-когнитивную теорию, гипотезу культивации, теорию использования и удовлетворения. Дж. Брайант является сторонником социально-когнитивной теории, согласно которой мышление и действия индивида определяются тремя разными факторами, которые взаимодействуют и влияют друг на друга с меняющейся интенсивностью, одновременно и в разное время: поведение, когнитивные и биологические индивидуальные характеристики, факторы или события окружающей среды [3]. Дж. Брайант критикует концепцию эффекта культивации Дж. Гербнера и теорию использования и удовлетворения, разработанную Дж. Блумером и Э. Кацом. Недостатками гипотезы культивации является то, что в ней не уделяется должного внимания когнитивным процессам и не хватает эмпирических доказательств, раскрывающих суть явления культивации [4]. Дж. Брайант считает, что следует изучить соответствие когнитивных механизмов, участвующих в процессе культивации, тем, которые рассматриваются в рамках теории социального обучения [5]. Согласно Дж. Брайанту понятия *однородное содержание* и *повествовательные структуры* нуждаются в точной формулировке, а научную обоснованность таких понятий, как *резонанс* и *мэйнстриминг*, трудно проверить с использованием строгих научных методов социологии [6]. Недостатками теории использования и удовлетворения, по мнению Дж. Брайанта, является чрезвычайная сложность обобщения результатов исследований, так как для этого необходимы синтез результатов разных исследований, экспликация ключевых понятий и устранение различий в определениях ключевых понятий, а также неточность и непоследовательность положений об активности аудитории и использовании методики самоотчета [7]. Критику Дж. Брайанта не следует воспринимать как демонстрацию социально когнитивной теории как единственно научно обоснованной. Исследования Дж. Брайанта направлены на выявление и своевременное устранение уязвимых моментов с целью дальнейшей корректировки и построения единой концепции медиавоздействия.

Исследователь проявляет особый интерес к негативному влиянию медиасодержания на девиантное поведение, а именно изучение феномена медианасилия и негативного воздействия сексуально откровенного медиасодержания. В итоге исследований Дж. Брайант приходит к заключению, что психологическое воздействие медианасилия на зрителей может

проявляться на трех уровнях: поведенческом, аффективном (эмоциональном) и когнитивном. По мнению ученого, воздействие медианасилия на зрительское восприятие может быть ослаблено рядом факторов: специфика передачи, зрительское восприятие или интерпретация, личное отношение индивида к насилию и специфика ситуации. Как способ защиты общественного сознания от медианасилия Дж. Брайант рассматривает также просвещение телевизионной аудитории. В ходе исследований в этом направлении ученым было установлено, что демонстрирование сцен сексуального характера подросткам вызывает трансформацию их моральных устоев, выраженную в снижении оценки физической привлекательности и сексуального поведения своих постоянных партнеров, негативное отношение к браку, моногамии; снижается желание иметь детей по сравнению с участниками контрольной группы. Дж. Брайантом (в соавторстве с Д. Зиллманом) доказано, что демонстрация откровенных сцен возбуждающего характера повышает агрессивность подростковой зрительской аудитории. Данный феномен получил название «перенос возбуждения». Учеными разработана модель возбуждения и валентности, объясняющая воздействие эротики на мотивированную агрессию. Основываясь на данной модели, Дж. Брайант и Д. Зиллманн в дальнейшем вывели правила получения зрительской аудиторией удовольствия от таких развлечений, как драматические, юмористические и спортивные передачи, получившие название «диспозиционная модель», или «модель отношения». Модель основана на следующих принципах: интересные персонажи, эмоциональность (сильные чувства) по отношению к персонажам и успешное разрешение конфликта. Как и в случае с медианасилием, Дж. Брайант выявляет факторы, позволяющие снизить до минимального уровня вредное воздействие сексуально ориентированной медиаинформации: наличие ясной и четко обозначенной семейной системы ценностей, поощрение и практика свободного и открытого обсуждения проблемных вопросов в семьях, активный критический просмотр телепередач.

Достижения Дж. Брайанта не ограничиваются обзором истории, анализом теории, изучением девиантного поведения и разработкой диспозиционной модели. Дж. Брайант исследовал, в частности, воздействие новостей информационных компаний, рекламы, политической пропаганды, изучал феномен притягательности страха, рассматривал методологию измерения страха. Дж. Брайант ввел такие понятия, как главные, необычные и легкие новости [8]. Также Дж. Брайант входил в состав группы ученых, исследовавших влияние медиапродукции на детей. Итогом его исследований явилось издание двух научных трудов: *Report 8: Effects of two years' viewing of Allegra's Window and Gullah-Gullah* и *Effects of two years' viewing of Blue's Clues*, в которых автор показал, что просмотр несовершеннолетними ряда передач может способствовать выработке у них гибкого мышления, адекватного социального поведения и способности решения проблем [9].

Вместе с тем следует отметить, что порой эксперименты, проводимые Дж. Брайантом, влекли крайне неблагоприятные последствия для испытуемых. Модель возбуждения и валентности Дж. Брайанта и Д. Зиллманна, содержащая, в частности, эффект переноса возбуждения, была разработана на основе экспериментов, суть которых заключалась в демонстрации испытуемым, в том числе лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, видеофильмов, содержащих откровенно сексуальные сцены, а также и другой медиапродукции порнографического содержания. В результате эксперимента у группы людей, которым демонстрировалась порнографическая медиапродукция, произошли негативные изменения в сексуальных установках и отношениях к семейным ценностям. Серьезные нарекания в соблюдении правил профессиональной этики могут вызвать также эксперименты, связанные с изучением медиараздражителей, вызывающих страх у детей. Сознание детей особо восприимчиво к внешним раздражителям, и реально существует риск необратимых изменений в их психике. В научной среде имеется такое понятие, как профессиональная нравственная ответственность ученого [10]. Ученый не имеет право подвергать опасности испытуемого, особенно если в число испытуемых входят несовершеннолетние.

Подводя итоги анализа концепции медиавоздействия Дж. Брайанта, нужно признать, что ученый, несомненно, внес большой вклад в науку. Проводя системный анализ работ своих предшественников, Дж. Брайант смог доказать, что современные представления об истории исследования феномена медиавоздействия на общество ошибочны ввиду неправильной интерпретации некоторых работ авторитетнейших ученых. Исследователь, поставив перед собой цель провести крупномасштабный анализ, изучил труды неизвестных ранее авторов,

занимался корректировкой трудов предшественников и современников. Значение исследований Дж. Брайанта для науки имеет как теоретический, так и прикладной характер. Вместе с тем следует учитывать, что в процессе изучения некоторых аспектов медиавоздействия, например влияния медиапродукции на девиантное поведение, Дж. Брайант проводил исследования, ставящие под сомнение соблюдение ученым правил профессиональной этики и норм морали. При демонстрации медиапродукции, содержащей сцены откровенно сексуального характера и насилия, существовал риск необратимой трансформации сознания и психики испытуемых. С этой точки зрения методы, примененные Дж. Брайантом на подростках и несовершеннолетних, вряд ли можно считать приемлемыми. Они требуют серьезного критического анализа и последующей коррекции с целью соответствия нормам профессиональной этики ученого.

Примечания

1. *Шунова А. В.* Манипулирование сознанием и его специфика в современном обществе. URL: www.dissercart.com/content/manipulirovanie-soznaniem-i-ego-spetsifika-v-sovremennom-obshechestve
2. *Брайант Дж.* Основы воздействия СМИ [пер. с англ.] / Дж. Брайант, С. Томпсон. М. [и др.]: Вильямс, 2004. Перевод изд.: *Fundamentals of Media Effects McGraw-Hill Companies ISBN 5-8459-0597-4* (в пер.).
3. Там же. С. 85.
4. Там же. С. 119.
5. Там же. С. 121.
6. Там же. С. 126.
7. Там же. С. 151.
8. Там же. С. 267.
9. Там же. С. 95.
10. *Словарь философских терминов / под науч. ред. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 367–368.*

Notes

1. *Shipova A. V.* Manipulirovanie soznaniem i ego spetsifika v sovremennom obschestve [Consciousness manipulation and its specifics in modern society]. Available at: www.dissercart.com/content/manipulirovanie-soznaniem-i-ego-spetsifika-v-sovremennom-obshechestve
2. *Bryant Dzh.* Bases of influence of mass media / J. Bryant, S. Thompson. M [etc.]: Williams, 2004. Transl. by: *Fundamentals of Media Effects McGraw-Hill Companies ISBN 5-8459-0597-4* (Russ. ed.: *Osnovnyi vozdeystviya SMI*)
3. In the same place. P. 85.
4. In the same place. P. 119.
5. In the same place. P. 121.
6. In the same place. P. 126.
7. In the same place. P. 151.
8. In the same place. P. 267.
9. In the same place. P. 95.
10. *Slovar filosofskih terminov [Dictionary of philosophical terms] / under sci. edition of V. G. Kuznetsov. Moscow: INFRA-M Publ., 2007. Pp. 367–368.*

УДК 882(09)

А. К. Семенкин

Традиции древнерусских символических жанров в романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем»

В статье исследуется стилизация Н. А. Полевым в романе «Клятва при Гробе Господнем» древнерусских символических жанров знамения, видения и чуда. Обращение к ним призвано воссоздать колорит средневековой Руси, с позиций романтического историзма воплотить эпоху борьбы Василия Темного с князьями Галицкими за великое Московское княжение, отразить символизм религиозного мировидения, обогатить сюжетное развитие. Выявляется источник «видения» митрополиту Фотию: Патриаршая, или Никоновская летопись.

The article explores the stylization of ancient symbolic genres signs, visions and miracles in the novel of N. A. Polevoy "The Oath at the Tomb". Stylization aims to recreate the flavor of medieval Rus', bring the war against Vasily the Dark with the princes Galitskie for the great Moscow principedom from the positions of romantically historicism, and reflect the symbolism of the religious world Outlook, enrich plot development. Reveals the source of the «vision» Metropolitan Fotey: Patriarchal or Nikon chronicle.

Ключевые слова: романтический историзм, исторический роман, традиции древнерусской литературы, символические жанры знамения, видения и чуда.

Keywords: romantically historicism, historical novel, traditions of Old Russian literature, symbolic genres of omen, vision and miracle.

Специфика романтического историзма романа Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» заключается в системном следовании автором традициям древнерусской литературы и фольклора. Под историзмом здесь понимается тот модус художественного творчества, который осознается как совокупность особых способов изображения исторического движения. Сюжетно-повествовательный строй романа основывается на реальных исторических событиях: борьбе за Московский престол между князьями Василием Васильевичем Темным и Юрием Дмитриевичем Галицким с сыновьями. В создании средневековой картины мира Н. А. Полевой обращался к традициям жанров хождения, жития и апокрифов, а также к таким символическим жанровым формам, как знамение, видение и чудо. Генезис поэтических форм – важнейшая задача исторической поэтики, сформулированная еще А. Н. Веселовским [1]. Целью данной статьи является определение характера следования древнерусской традиции Полевым в аспекте романтической «переработки» символических жанровых форм, установление источников видений и знамений в ряду текстов, к которым мог обращаться Н. А. Полевой для их художественной трансформации. Эстетически целесообразное обращение Полевого к традициям символических жанров можно определить как стилизацию – намеренное, сознательное использование художественных форм, способов и приемов, характерных для поэтики ранее созданных произведений.

В Средние века, с точки зрения В. В. Бычкова, легенды о всевозможных чудесах, видениях и знамениях, порожденных религиозной потребностью общества, выступали одновременно одной из важных форм удовлетворения и эстетической потребности человека того времени, особенно в периоды вынужденной приостановки художественной деятельности, например во времена татаро-монгольского нашествия [2]. Русские книжники, которые очень серьезно относились к сообщениям о сверхъестественных явлениях и видениях, бытовавшим в их время, облекли многие из них в высокохудожественную форму, что усилило их эмоционально-эстетическое воздействие.

«Для человека Средневековья толкование событий настоящего было эффективным лишь только в том случае, если оно опиралось на Божественное откровение. Наиболее же очевидными для массового сознания в силу своей осязаемости были откровения в образе видений и знамений, которые в Средневековой системе координат имели поистине универсальный характер», – отмечает Б. В. Кузнецов [3]. Соответствовавшие взглядам и представлениям подавляющего большинства, Божественные видения и знамения располагаются в пограничной среде между фольклорной и ученой, письменной и устной культурами.

Еще в культуре Киевской Руси, как пишет В. В. Бычков в «Русской средневековой эстетике XI–XVII веков», популярным был «вид символов, запечатленный в основном в устной и письменной словесности, – это визуальные символы типа всевозможных видений и знамений. Чаще всего они встречаются в летописи и в агиографии и составляют важный элемент древнерусского религиозно-эстетического сознания. <...> В сознании древнерусских книжников, в системе их творческого метода знамения и видения были необходимы или для передачи провиденциальной информации о грядущих социально-исторических событиях, или для передачи святости того или иного персонажа, или для выражения расположения к нему надприродных сил» [4]. Исследователи сходятся в том, что знамения, видения и чудеса – это символические образные системы. Они являются визуальными образами непривычного, неестественного содержания (с точки зрения обыденного сознания), частью более крупных «первичных» жанров, представляя собою вставные жанровые формы.

В романе Н. А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем», написанном в 1832 году и посвященном событиям феодальной войны второй четверти XV века, различные художествен-

но-эстетические функции несет на себе «знамение» – вернее, то претворение средневековой жанровой формы, которое осуществил Н. А. Полевой в поэтике романа.

Известно, что знамение – это повествование о необычных природных явлениях, которые предсказывают судьбу людей или ход событий. Их алогичность, пугающее отклонение от привычных закономерностей знаменовали в сознании древних русичей грядущие беды и несчастья. Так, автор «Повести временных лет» под 1063 годом сообщает, что Волхов в Новгороде в течение пяти дней тек вспять и истолковывает: «Се же знамение не добро бысть, на четвертое бо лето пожже Всеслав град» [5]. В то же время В. В. Бычков пишет, что встречаются в летописях и указания на нейтральные знамения, характер которых неизвестен летописцу [6]. Для знамений характерны небесно-световые образы. Они типичны для агиографии, где служат для указания на святость того или иного персонажа, на богоугодность какого-то деяния.

Многочисленные знамения представлены в «Русском хронографе», своде, излагающем всемирную и русскую историю, известном в нескольких редакциях. Приведем одно из этих знамений: «Того же мѣсяца декабря по Рождествѣ Христове явися на небеси звезда велика, а лучь от нея долъгъ велми, толъсть, свѣтлъ, свѣтлѣе самое звезды, а восхожаше в шестомъ часѣ нощи с лѣтнего восхода солнечнаго и идяще къ западу лѣтнему, а лучь отъ нея впредь протяжеса, а конецъ луча того, аки хвостъ великія птицы распостертъ» [7].

Стилизация знамения в романе Полевого присутствует в экспозиции (во второй главе первой части) романа. «Знамение» представлено не в «авторском» повествовании, а в рассказе хозяина постоялого двора, где остановились дедушка Матвей и пять человек, везущие в Москву рыбу из Ярославля: «А знамения-то, отец родимый, ведь уж они даром не бывают... Над самым Звенигородом будто по три ночи звонило в небесах – Бог весть что, и как! Слышат, чувят все – звонит, – а ничего нет! Многие со страсти и от мира отреклись... А может статься, это знаменует, что на земле и не будут уже перезванивать в православных церквях» [8]. Такой повествовательный прием призван отразить сознание рядового средневекового человека, для которого знамение – важнейший элемент представлений о мире. (Заметим, что акцентуация важности знамения проявится в смысловой «рифме», в повторе размышлений о знамениях, однако, уже в устах священника – во второй части романа.) Существенным отличием первой стилизации знамения в романе от традиционных знамений является то, что в романе оно представлено не зрительными, а слуховыми образами, знамение «звучит», оно слышится (не случайна аллитерация: «Над самым Звенигородом будто по три ночи звонило в небесах»), звон воспринимается как мистический знак («чувют все... а ничего нет»). В идейно-образном содержании этого «знамения» можно найти отголоски различных источников. Так, в «Слове о Полку Игореве» Всеслав в «Киеве звон слыша», которые издают колокола в Полоцке, заведомо не доступные зрению киевлян. Гиперболизированный образ мощного звона лишен здесь мистической окраски. Возможна связь мистического ночного звона в небесах над Звенигородом с легендой, зафиксированной в рукописном старообрядческом сборнике конца XVIII столетия «Китежский летописец», о колоколах града Китежа, которые не видны, но слышны из-под воды. Апокалиптическое предположение героя, что на земле не будут уже перезванивать в православных церквях, сближает «знамение» с вариантом китежской легенды, которая будет воссоздана А. Мельниковым (Печерским) в книге «В лесах» (См.: «Слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских»), а не с вариантом, отраженным в первой публикации легенды С. П. Меледина в журнале «Москвитянин» за 1843 год (№ 12) «Китеж на озере Светлояр» («благочестивые временами будто бы слышат там радостный благовест и звон Богослужения»). (Но вопрос о знакомстве Полевого с Китежской легендой остается открытым.) Кроме того, таинственный голос, предсказывающий утрату Новгородом независимости, звучит в эпизоде разрушения башни Ярослава в повести Н. М. Карамзина «Марфа-посадница, или Покорение Новгорода» (1802). Эта характерная для романтической поэтики мистическая деталь могла быть трансформирована Полевым в грозное предзнаменование: небесный звон звучит едва ли не в последний раз, и православные церкви лишатся своей духовной роли.

В дальнейшем повествовании имеются сюжетные отражения этого знамения. Данное в начале романа, оно «предсказывает» будущие бедствия, междоусобицу между великим князем Василием Васильевичем Темным и Галицким князем Юрием Дмитриевичем с его сыновьями: Василием Косым и Димитрием Шемякой. Очевиден дидактический элемент пове-

ствования: «А знамения-то отец родимый, ведь они уже даром не бывают». Этот отклик на рассказ о знамени призван указать на причинно-следственную связь событий, где мистические явления вплетаются в ряд важнейших исторических событий и становятся провиденциальными символами.

Ощутимо влияние традиций жанра знамени в повествовании о свадьбе Великого князя Василия Васильевича в Москве. Здесь (как и в иных эпизодах) присутствуют редуцированные элементы знамений, граничащих с приметами. Они порой выглядят «избыточными», но, вероятно, оправданными с позиций следования Полевым западноевропейскому романтическому канону. Как писал М. Г. Альтшуллер, анализируя влияние на Полевого В. Скотта, в романе «Клятва при Гробе Господнем» происходит нагромождение зловещих примет [9]. Так, перед свадьбой Василия Васильевича и Марии Ярославовны «ворон – Бог весть откуда взялся – порх в сени, и в палату, сел на божницу и закаркал» [10]. Ворон, как известно, распространен в мифологических представлениях, чаще всего его появление служит предвестием горя. Таким образом, на христианскую в своей основе картину мира в романе накладываются элементы, характерные для язычества, что в целом отражает характер религиозности средневекового человека.

Знамение как элемент мифопоэтической картины мира детально и развернуто представлено Полевым в выразительных деталях эпизода венчания князя Василия и Марии. Авторское повествование насыщено экстраординарными природными явлениями, причем именно зрительные образы преобладают в сцене, которую мы расцениваем как непосредственное следование традициям древнерусской книжности. Во время венчания «вдруг солнышко скрылось за тучами... вихрь полетел по облакам и ключья снега завертелись повсюду белыми шапками. Когда надобно было выходить из церкви, на дворе сделалось темно, все было в беспорядке; конюшие едва держали продрогших лошадей; шапки срывало и несло, народ теснился, не давал дороги» [11]. С известной долей психологизма Полевой изображает оторопь и замешательство народа, но в состоянии страха вовлечены и животные, предметы также участвуют в невероятном происшествии. Характерно для религиозного сознания Руси, что художественное время – это Масленица, а художественное пространство – граница между сакральной сферой церкви и профанным миром. По пути следования свадебного поезда из Успенского собора в кремлевскую палату порыв ветра тушит свечи. Автор несколько прямолинейно сближает неожиданное природное знамение с тревогой приближенных Василия о судьбе княжества: «Буря, снег, вихрь свирепствовали извне, во дворце все было тихо. Сколь многим пришло в голову, что это истинное положение Великого князя» [12]. Полевой словно подсказывает читателю мысль о глубинной трагичности княжеской власти, но комментарии о пророческой Божественной природе символических предзнаменований здесь, очевидно, отсутствуют. (Оно, как мы указывали, в иных эпизодах вложено в уста мирянина – хозяина постоянного двора, и архимандрита.) На свадебном пиру Василия Васильевича Темного происходит грандиозный скандал. В описании ссоры между Димитрием Шемякой, Василием Косым и Софьей Витовтовной присутствуют характерные детали: Шемяка «ударил кубком о стол: дорогая хрустальная чаша разбилась вдребезги, кубок согнулся, красное вино, бывшее в нем, потекло ручьями по скатерти» [13]. Красное вино традиционно символизирует кровь. В данном эпизоде она является метафорой усобиц, изображению которых будут посвящены последующие главы романа.

В пятой главе второй части о знамени в диалоге с Гудочником в Симоновом монастыре повествует архимандрит Варфоломей. Здесь дается своего рода религиозно-философское обоснование средневекового символизма, того взгляда на мир, который предполагает в любом явлении видеть не только его земные, естественные основания, но и проявление воли Творца, связь трансцендентального с феноменальным: «Когда Бог движет род на род, воздвигает брани, посылает избранных, да сокрушат они престолы, не то ли это самое, что бури, трупы, знамения небесные, Его рукой движимые? Небо и земля вещают тогда человеку на наступлении судеб Божиих! Знает ли, что когда пришла година татарского нашествия, звезда власатая текла по небу, величеством паче иных звезд; огонь солнечный палил землю, зажигал леса, иссушал воды, покрывал поля и дебри мглою, среди коей ничто не было видимо, и птицы падали из аера мертвые? А когда Димитрий должен был сокрушить силы ордынские, Бог предвозвестил ему победу глаголами Святого мужа Сергия» [14]. Характерно, что в этом высказывании в один ряд поставлены и собственно знамения (изображения природ-

ных катаклизмов), и благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского перед Куликовской битвой (историко-легендарный эпизод, нашедший свое отражение в «Житии преподобного Сергия» Епифания Премудрого). Архимандрит Варфоломей рисует близкие апокалиптическим образы кометы, испепеляющего солнца, мертвящего воздуха и иссушенных вод. Все природные стихии призваны предсказать катастрофу татаро-монгольского нашествия. Когда же Дмитрий Донской должен был победить Орду, Бог предсказал ему победу устами святого преподобного Сергия Радонежского. Нам видится здесь смысловая оппозиция, в которой Слово, Божественный Логос в устах Святого оценен как всемогущая сила, противопоставленная силе материальной и превосходящая ее. Знамение архимандрит Варфоломей приводит в разговоре с Гудочником с назидательной целью: убедить его в том, что нет Божией воли на осуществление его клятвы. В пределах романной поэтики «знамения» наиболее широко представлены в ряду символических жанровых форм в развернутом или редуцированном виде. Во втором случае они «мельчают» и приобретают статус «примет», которые также не игнорируются Полевым в процессе создания романтического образа средневекового мира. Звуковые или зрительные образы, восходящие к знаменам, сопровождаются маркированной рефлексией героев, отражающей видение мира, где все телеологично и провиденциально: устремлено к неведомой Божественной цели.

В романе представлена также стилизация древнерусского жанра видения. Видение – это символический жанр древнерусской литературы, повествование о явлении людям Небесных сил, которые предвещают ход исторических событий. Видения и пророчества дошли до нас в виде литературных текстов разного рода: проповедей, автобиографий, памятников агиографии и историографии, широкое распространение получили в литературе откровений [15].

Н. И. Прокофьев в работе «Видение как жанр в древнерусской литературе» отмечает устойчивые жанровые признаки видений. Среди них – легендарно-повествовательное начало, публицистический уклон. «Сама форма видений вследствие ее канонической и действенной символизации становилась содержательной, полной таинственного смысла, безотчетной веры в существование потусторонних сил» [16].

При том, что тематика видений весьма разнообразна: здесь находят свое отражение и догматические вопросы («видение из повести о Ефросине Псковском»), и эстетическое благоговение перед мастерством иконописания, и воспитание игуменами монахов («Повесть о видении от старчества к пастырем»), – она раскрывается в четырех типах образов, представляющих персонажей христианской мифологии, эсхатологии, демонологии, наконец, явления из мира природы, содержащие в себе символично-аллегорическое значение. Важнейшее композиционное значение имеет «тайнозритель», то есть легендарный персонаж или реально-историческое лицо, которому является «откровение» в таинственной обстановке и от имени которого передается произведение (отсюда прием сказа).

Поэтическое единство, характерное для видения, обеспечивается также постоянством и известной определенностью мотивов и структурных частей сюжета. Они, видоизменяясь в зависимости от характера образов, располагаются в таком порядке: «1) молитва или раздумье видящего, после чего он впадает в “тонок сон”; 2) появление “чудесных” сил, которые, сообщая видящему “откровение”, разрешают какой-либо вопрос или призывают к действию; 3) испуг видящего; 4) смысл “откровения”; 5) приказание о проповеди среди народа “откровения”» [17]. Мотив, в котором раскрывается смысл «откровения», видоизменяется в зависимости от характера образов.

В романе «Клятва при Гробе Господнем» стилизация древнерусского жанра видений представлена, как и первое знамение, в экспозиции, во второй главе первой части. Хозяин постоялого двора в разговоре с боярином Иоанном Дмитриевичем Всеволожским рассказывает о видении преосвященнейшему (митрополиту Московскому и всея Руси Фотию), когда ему предсказывается кончина: «Сказывают за год до его кончины было у него явление, ночью. Стукнули в дверь кельи; Святитель проснулся, и с полуночной стороны вошел к нему юноша, красоты несказанной, облит лучами светлыми. “Писано, – сказал Святитель, – не входяй дверьми тат есть, а ты кто, удививший меня, и не в двери пришедший?” – Тогда юноша отвечал ему: “Посланник Божий я; блюди седмицу седьмую над христианами!” И ровно через год, и через три месяца, и через двадцать дней – Святитель отдал душу Богу, и мы без пастыря, и вот теперь уже третий год пошел, а Бог весть – князь есть, а митрополита нет...» [18]

Можно отметить, что видение митрополита Фотия предсказывает не только его кончину, но и будущие бедствия, события феодальной междоусобицы между Василием Васильевичем Темным и Юрием Дмитриевичем Галицким с сыновьями в отсутствие митрополита Московского и всея Руси. После митрополита Фотия митрополитом избирается архимандрит Исидор, сторонник соединения Западной церкви с Восточной, один из героев романа.

Стилизация видения в романе «Клятва при Гробе Господнем» состоит из определенных структурных частей, образующих сюжет, которые напоминают идейно-тематические мотивы в древнерусских видениях, но полностью не соответствуют им. В стилизации видения представлен персонаж христианской мифологии: юноша, красоты несказанной, облитый лучами светлыми, – очевидно, Ангел.

Как удалось установить, стилизация видения в романе восходит к конкретному источнику, представленному в Патриаршей, или Никоновской летописи: «Повѣсти о Фотѣи митрополитѣ Киевском и всея Руси, иже виде ангела Господня показующа ему конецъ жития его». (См. от «Бысть явленіе во градѣ Москвѣ Фотѣю митрополиту Киевскому и всея Руси. Бывшу ему въ ложницѣ своей по утреней и обычное правило совръшившу на Святой недѣли въ пяток, въ лѣто 1430, на память преподобного Феодора Власяного, и възлегшу ему на одрѣ и почивающу, и внезапу въсія свѣтъ пречуденъ въ ложницѣ его и вниде къ нему образомъ аки челоуѣкъ с полунощныя страны, благообразенъ и свѣтелъ зело...» до «Таже потомъ едва возвратися духъ его и нужею проглагола сіе видѣніе и сказа вся бывшаа сущимъ ту. Живъ же появленіи Божіа ангела» [19]).

Летописная повесть о митрополите Фотии, которому ангел Господень предсказал кончину, отвечает традиционной композиционной схеме видения. Полевой, в целом следуя ей, опускает некоторые важные составляющие. Рассмотрим различия. 1) Молитва и «тонок сон». В летописной повести митрополит прочитал молитвенное правило и уснул. В романе Полевого, в отличие от летописи, не сообщается о молитве персонажа, предшествующей появлению таинственных сил. 2) Появление «чудесных» сил, которые сообщают видящему «откровение». Появлению ангела в летописи предшествует внезапно воссиявший чудесный свет, здесь, в отличие от романа, подробно изображается внешний вид ангела: благообразный и светлый, с золотыми волосами, царским венцом на голове, одетый в красивую одежду, с посохом в руке. 3) Испуг видящего. Сообщению о нем в летописи («престрашно же бывшу о сем Фотию») соответствует полная редукция эмоционального состояния у Полевого. Реплика митрополита Фотия в романе, обращенная к Ангелу, более лаконичная, чем в летописи. 4) Смысл «откровения». Персонаж христианской мифологии сам заявляет, с какой целью явился в дольний мир. В летописи представлена более развернутая, чем в романе, реплика ангела, в которой он говорит, что ничто не может ему воспрепятствовать войти туда, куда он захочет, и сообщает о Божественной воле по отношению к Фотию. Далее в летописи повествуется о том воздействии, которое оказали слова ангела на митрополита (митрополит был в исступлении ума от видения, впал в недуг и лежал много часов, как мертвый, будучи не в состоянии ничего сказать и лишившись зрения. В романе этот фрагмент опущен. 5) В конце «видения» митрополит (тайнозритель) рассказывает окружающим о том, что с ним случилось. В романе подчеркивается провиденциальный смысл видения: сообщается о смерти персонажа, предсказанной Ангелом. Но оценка события доверена не «тайнозрителю», а стороннему рассказчику. В целом можно сделать вывод, что Полевой в сюжете своего рассказа следует повести из летописи, иногда повторяя ее дословно, однако многие детали опускает (упоминание о том, когда произошло видение; молитва митрополита; свет, воссиявший в ложнице; описание внешнего вида ангела; испуг митрополита Фотия; детали в репликах митрополита и ангела; болезнь митрополита Фотия после видения; рассказ митрополита Фотия о видении). Стилизация жанра видения в романе допускает отход от традиционной композиционной схемы видения. Основная функция этого приема в рамках романтического историзма заключается в том, что видение, предсказывающее смерть митрополита, призвано усилить мысль о трагичности отсутствия подлинной духовной власти при княжеских распрях. Данное в одном рассказе хозяина постоялого двора вместе со знаменем, видение так же служит грозным указанием на дальнейшие события романа: княжеской междоусобицы.

Следование традициям символических жанров древнерусской литературы в романе не ограничивается стилизацией видения и знаменья, в нем есть элементы чуда. Чудо – это символический жанр древнерусской литературы, повествующий о необычных событиях, совер-

шенных волею небесных сил часто по просьбе людей, удостоенных Божественного покровительства. Как отмечается в «Словаре средневековой культуры», «в средневековом сознании граница между мирами естественным и сверхъестественным была более зыбка, и чудеса, знак присутствия сверхъестественного, составляли важный аспект символического восприятия мира» [20]. Определяющим признаком чуда является рождаемое чудом изумление. Главными посредниками между мирами дольным и горным были святые, и Бог осуществлял свои чудеса через них.

Как отмечает В. В. Смирнова в диссертации «Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров (житие, пример, видение)», «чудо занимает особое место – в нем реализуется одна из основных особенностей средневекового мышления: убежденность в том, что потусторонний мир и мир посюсторонний не разделены непреодолимой границей, а находятся в постоянном контакте» [21]. Чудо часто включалось в жития и являлось стилизирующим элементом. Известно, что чудеса призваны подтвердить и проявить Божественную отмеченность святого, поэтому они сопровождают его жизнь и продолжаются после его смерти.

Эпизод чуда присутствует в шестой главе четвертой части романа при описании кончины младшего брата Димитрия Шемяки Димитрия Красного в Галиче и необычайных явлений, последовавших после нее. Димитрий Красный представлен в романе как самый праведный из князей, он предсказывает свою смерть, непрестанно молится. Смерть Димитрия Красного изображается Полевым как трагедия, завершающая цепь бесконечных бедствий. Но в романе описывается чудесное воскресение Димитрия Красного: «Шемяка и Петр окаменели на местах своих: мертвец двигался, тихо развел руки <...> Страшно было зрелище мертвеца, восставшего, безжизненного: очи его были закрыты, руки сложены, голос отзывался гробовым хрипением» [22]. «Готические» элементы (странная болезнь, оживший мертвец) парадоксально сплетаются с христианской «догматикой»: Димитрий Красный пел наизусть Священное Писание. Генезис и поэтика эпизода чудесного воскресения Димитрия Красного, интерпретация смерти как искупительной жертвы и др. рассматривается в аспекте фольклорных и литературных источников в диссертации М. А. Горбатова [23]. Как отмечает исследователь, процитированные Димитрием Красным фрагменты являются отрывками из «Чина погребения мирского человека», который читает духовное лицо при отпевании покойника [24]. Когда священник причастил Красного, тот умер. Далее следует комментарий повествователя: «Неизъяснимою тайною осталась чудная его кончина и была записана в Летописи на память людей. Он завещал похоронить себя близ гроба отцовского, и был похоронен по завещанию своему в московском Архангельском соборе» [25]. Гроб, собор, завещание, тайна – эти и другие образы создают метафизический план повествования о чуде. Заметим, что чудо «дано» Димитрию Красному как наиболее близкому к святости персонажу, поэтика его находится в не прямой генетической связи с поэтикой жанра чуда в древнерусской литературе.

Вместе с «видением» и «знамением» эпизод чуда создает систему взаимоотношений средневековых людей с надличностными, сакральными силами. Средневековый символизм искусно передается Полевым в романе во многом благодаря образу Ивана Гудочника, произнесшему клятву в Иерусалиме (что отражено в заглавии романа), самой клятве, традиции жанра паломнических хождений, многозначному образу гроба в романе и т. д. Но существенную роль в передаче духа эпохи, колорита средневековой Руси, понимания исторического процесса играет стилизация символических жанров.

Примечания

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / под ред. В. М. Жирмунского. Л.: Худож. лит., 1940. С. 51, 493 и др.
2. Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII веков. М.: Мысль, 1995. С. 164.
3. Кузнецов Б. В. События смутного времени в массовых представлениях современников (видения, знамения, их значение в этот период): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997. С. 3.
4. Бычков В. В. Указ. соч. С. 145.
5. Памятники литературы Древней Руси. Т. 1. XI – начало XII века. М., 1978. С. 176.
6. Бычков В. В. Указ. соч. С. 145.
7. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., Тип. М. А. Александрова, 1911. С. 485.

8. *Полевой Н. А.* Клятва при Гробе Господнем: Русская быль XV века. М.: Профиздат; Товарищество «Возрождение», 1992. С. 29.
9. *Альтшуллер М. Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академический проект, 1996. С. 187.
10. *Полевой Н. А.* Указ. соч. С. 107.
11. Там же. С. 115.
12. Там же. С. 116.
13. Там же. С. 137.
14. Там же. С. 144.
15. *Динцельбахер П.* Видения // Словарь средневековой культуры / ред. А. Я. Гуревич. М.: РОСПЭН, 2003. С. 66–73.
16. *Прокофьев Н. И.* Видение как жанр в древнерусской литературе // Ученые записки МГПИ. Т. 231. М., 1964. С. 38.
17. Там же. С. 40.
18. *Полевой Н. А.* Указ соч. С. 30.
19. Патриаршая, или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 12 / АН СССР, институт истории. М.: Наука, 1965. С. 10.
20. *Лучицкая С. И., Арнаутова Ю. А.* Чудо // Словарь средневековой культуры / ред. А. Я. Гуревич. М.: РОСПЭН, 2003. С. 575–578.
21. *Смирнова В. В.* Чудо как жанрообразующий элемент средневековых религиозных жанров (житие, пример, видение): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. С. 5.
22. *Полевой Н. А.* Указ. соч. С. 364.
23. *Горбатов М. А.* Фольклоризм русского исторического романа рубежа 1820–1830-х гг.: М. Н. Загоскин и Н. А. Полевой: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009.
24. Там же. С. 198–199.
25. *Полевой Н. А.* Указ. соч. С. 367.

Notes

1. *Veselovsky A. N.* Istoricheskaya poetika [Historical poetics] / under the editorship of V. M. Zhirmunsky. Fiction. 1940. Pp. 51, 493, etc.
2. *Byichkov V. V.* Russkaya srednevekovaya estetika XI–XVII vekov [Russian medieval esthetics of the XI–XVII centuries]. Moscow: Mysl Publ., 1995. Page 164.
3. *Kuznetsov B. V.* Sobyitiya smutnogo vremeni v massovyih predstavleniyah sovremennikov (videniya, znameniya, ih znachenie v etot period): avtoref. dis. Kand. ist. nauk. [Events of the time of troubles in mass representations of contemporaries (vision, a sign, their value during this period): Cand. Hist. sci. avtoref. diss.]. Moscow, 1997. P. 3.
4. *Byichkov V. V.* Spec. work. P. 145.
5. Pamyatniki literatury Drevney Rusi. T. 1. XI – nachalo XII veka [Monuments of literature of Ancient Russia. Vol. 1. XI \ beginning of the XII century]. Moscow, 1978. P. 176.
6. *Byichkov V. V.* Spec. work. P. 145.
7. Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 22. Ch. 1. Hronograf redaktsii 1512 goda [Complete collection of the Russian chronicles. Vol. 22. P.1. Chronograph of edition of 1512]. Saint-Petersburg. Typ. M. A. Alexandrova, 1911. P. 485.
8. *Polevoy N. A.* Klyatva pri Grobe Gospod-nem: Russkaya byl XV veka [Oath at the Lord's Coffin: Russian true story of XV century]. Moscow: Profizdat; Vozrozhdeniye Association, 1992. P. 29.
9. *Altshuller M. G.* Epoha Valtera Skotta v Rossii. Istoricheskiy roman 1830-h godov [Epoch of Walter Scott in Russia. Historical novel of the 1830th years]. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 1996. P. 187.
10. *Polevoy N. A.* Spec. work. P. 107.
11. In the same place. P. 115.
12. In the same place. P. 116.
13. In the same place. P. 137.
14. In the same place. P. 144.
15. *Dintselbakher P.* Videniya [Visions]// Slovar srednevekovoy kulturyi – Dictionary of a medieval culture / editor A. Y. Gurevich. Moscow: ROСПEN Publ., 2003. Pp. 66-73.
16. *Prokofiev N. I.* Videnie kak zhanr v drevnerusskoy literature [Vision as a genre in Old Russian literature]// Uchenye zapiski MGPI – Scientific notes of Moscow Pedagogical University of Humanities. Vol. 231, Moscow, 1964, p. 38.
17. In the same place. P. 40.
18. *Polevoy N. A.* Spec. work. P. 30.

19. Patriarchal, or Nikonovsky chronicle//Complete collection of the Russian chronicles. Vol. 12 / Academy of Sciences of the USSR, history institute. Moscow: Nauka Publ., 1965. P. 10. (in Russ.)
20. *Luchitskaya S. I. Arnautova Yu. A. Chudo [Miracle]*// Slovar srednevekovoy kulturyi – Dictionary of a medieval culture / editor A. Y. Gurevich. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. Pp. 575–578.
21. *Smirnova V. V. Chudo kak zhanroobrazuyuschiy element srednevekovyih religioznyih zhanrov (zhitie, primer, videnie): dis. Kand. Phil. nauk [Miracle as genre-forming element of medieval religious genres (life, example, vision): Cand. Phil. sci. diss.]*. Moscow, 2006. P. 5.
22. *Polevoy N. A. Spec. work*. P. 364.
23. *Gorbatov M. A. Folklorizm russkogo istoricheskogo romana rubezha 1820–1830-h gg.: M. N. Zagoskin i N. A. Polevoy dis. Kand. Phil. nauk [Folklorizm of the Russian historical novel of a boundary of the 1820-1830th: M. N. Zagoskin and N. A. Polevoy: Cand. Phil. sci. diss.]*. Saratov, 2009.
24. In the same place. P. 198–199.
25. *Polevoy N. A. Spec. work*. P. 367.

Кадровые ресурсы высшей школы: исследование современных моделей подготовки научных и научно-педагогических кадров

Повышение качества профессионального образования обуславливает необходимость целенаправленного совершенствования кадровых ресурсов высшей школы. В статье представлены результаты исследования молодых ученых о современных моделях подготовки научных и научно-педагогических кадров; выявлены проблемы высшего профессионального образования Российской Федерации, сдерживающие развитие кадрового потенциала высшей школы на современном этапе; обоснованы приоритеты и механизмы его развития.

Improving the quality of professional education requires improvement of human resources of higher education. The article presents the results of a study of representations of young scientists on contemporary models of scientific and scientific-pedagogical personnel; identified problems of higher education of the Russian Federation, constraining the development of human potential of higher education at the present stage; grounded priorities and mechanisms for its development.

Ключевые слова: кадровые ресурсы высшей школы, проблемы и перспективные направления формирования кадрового потенциала вуза; традиционная и инновационная модели подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Keywords: human resources for high school, problems and future directions of formation of human resources of the university, traditional and innovative models of scientific and scientific-pedagogical personnel.

Новые задачи, стоящие перед высшим профессиональным образованием, обуславливают необходимость целенаправленного преобразования состава, структуры и качества профессорско-преподавательского персонала, обеспечивающего достижение не только тактических, но и стратегических целей подготовки специалистов для инновационной экономики и социальной сферы.

Приоритетным в современных условиях становится формирование таких профессионально-квалификационных характеристик научных и научно-педагогических кадров, которые отражают не только готовность к качественному выполнению своих функций в настоящий момент, но и совокупность их возможностей в долгосрочной перспективе, с учетом уровня профессиональной мотивации, профессиональной мобильности и инновационности. В то же время проблемы формирования кадровых ресурсов высшей школы зачастую решаются с использованием традиционных моделей, ориентированных на обеспечение стабильного функционирования вузов. Имеются определенные сложности в осуществлении анализа кадрового потенциала, в прогнозировании потребности в профессорско-преподавательских кадрах; в стимулировании и мотивации сотрудников. Данное обстоятельство обуславливает необходимость исследования проблем разработки и реализации инновационных моделей подготовки кадров для высшей школы.

С целью определения уровня овладения молодыми учеными, аспирантами, студентами достижениями современной психолого-педагогической науки в сфере исследования кадровых ресурсов высшей школы, а также для анализа эффективности освоения ими современных моделей подготовки кадров для системы высшего профессионального образования, в

ходе работы Всероссийской молодежной конференции «Кадровые ресурсы высшей школы: современные модели подготовки научных и научно-педагогических кадров» в рамках фестиваля науки» – проводилось он-лайн анкетирование. Было опрошено 89,2% из 130 участников конференции, в том числе 80 человек в возрасте до 35 лет (97,5% от общего количества участников данной возрастной группы), а также 36 участников в возрасте от 35 лет и старше (75% от общего количества участников данной возрастной группы).

Специфику подготовки научных и научно-педагогических кадров в современных условиях, несомненно, определяет комплекс изменений, происходящих в системе высшего образования в России. Среди них особо отмечают переход на двухуровневую систему образования (34% опрошенных молодых ученых и 81% респондентов старше 35 лет); увеличение объема информации, которую необходимо усвоить будущему специалисту (68% молодых исследователей и 31% ученых старше 35 лет); а также существенное уменьшение количества аудиторных занятий (5% – до 35 лет, 50% – после 35 лет).

Выделяя проблемы высшего профессионального образования Российской Федерации, сдерживающие развитие кадрового потенциала высшей школы на современном этапе, участники опроса особо отмечают массовизацию высшего профессионального образования, которая зачастую приводит к ухудшению его качества (31% исследователей до 35 лет, 67% – после 35 лет); деформации структуры и объема подготовки кадров, не соответствующих реальным потребностям рынка труда (80% молодых исследователей и 85% ученых старше 35 лет); консерватизм профессионального образования, неспособность гибко и динамично реагировать на вызовы времени, на стремительные изменения в экономике и социальной сфере страны (93 и 36% соответственно). По мнению респондентов, сдерживают формирование кадрового потенциала и недостаточно высокие темпы интеграции российского профессионального образования в мировую систему образования (18 и 31% соответственно).

В качестве основных тенденций в развитии профессионального образования в России, которые могут оказать существенное влияние на формирование кадрового потенциала, участники анкетирования выделили глобализацию высшего профессионального образования; формирование европейского и мирового образовательного пространства (50% исследователей до 35 лет, 67% – после 35 лет). 29% молодых исследователей и 67% ученых старше 35 лет обоснованно в качестве значимой рассматривают тенденцию интеграции высшего профессионального образования, фундаментальных научных исследований и производства. 13% молодых ученых и 67% респондентов старше 35 лет указывают на диверсификацию высшего профессионального образования, а 25% участников опроса моложе 35 лет и 67% их старших коллег – на непрерывность профессионального образования как существенную позицию в его модернизации. Анкетирование выявило, что у участников опроса не в полной мере сформированы представления о сущности и особенностях проявления основных тенденций развития профессионального образования. Так, глобализация высшего профессионального образования связывается респондентами, прежде всего, с формированием единого европейского образовательного пространства (43% исследователей до 35 лет, 81% – после 35 лет), а также с обновлением технологий, развитием инноваций, быстрой адаптацией к запросам и требованиям динамично меняющегося мира (40% молодых ученых и 69% старше 35 лет). К сожалению, лишь 21% респондентов в возрасте до 35 лет связывают глобализацию с достижением мобильности студентов и содействием их трудоустройству, а 13% из них – с развитием конкурентоспособности и привлекательности европейского высшего образования. Выделяя базовые позиции диверсификации высшего профессионального образования, респонденты особо отмечают наличие в Российской Федерации как государственных, так и негосударственных учреждений высшего профессионального образования (41% молодых ученых и 83% старше 35 лет), а также возможность выбора обучающимся типа и вида учреждения высшего профессионального образования в соответствии с запросами и интересами (58 и 50% соответственно). Гораздо менее существенное количество молодых исследователей (19%) связывают данную тенденцию с наличием системы услуг высшего профессионального образования для различных групп потребителей и с возможностью получения бесплатного высшего образования как в государственных, так и в негосударственных вузах (21%). По мнению респондентов, непрерывность высшего профессионального образования, прежде всего, ориентирована на создание современной, мобильной и гибкой системы про-

фессионального образования, обеспечивающей инновационное развитие экономики. На это обстоятельство обращают внимание 45% молодых ученых и 50% исследователей старше 35 лет. Кроме того, достаточно существенным в данном аспекте является «обучение в течение жизни» (20% молодых ученых и 97% их старших коллег). К сожалению, преемственность всех видов и уровней образования, позволяющая выстроить индивидуальную образовательную траекторию для каждого обучающегося, рассматривается в качестве тренда непрерывного образования лишь 20% молодых респондентов, хотя среди ученых старшего возраста он достигает 83%. Как показало анкетирование, к сожалению, недостаточно комплексно рассматривается участниками опроса такая тенденция развития высшей школы, как интеграция высшего профессионального образования, фундаментальных научных исследований и производства. Она, в основном, конкретизируется через создание учебно-научно-производственных комплексов, объединений, инновационных парков, бизнес-инкубаторов, обеспечивающих коммерциализацию новых технологий и инновационной продукции. Такого мнения придерживаются 41% молодых ученых и 83% респондентов старше 35 лет. Также опрашиваемые указывают на значимость осуществления на базе университетов научных исследований мирового уровня (25% молодых исследователей и 50% их старших коллег). На организацию системного партнерства с работодателями как механизм инновационного развития профессионального образования, обращают внимание лишь 20% ученых старше 35 лет; на обеспечение независимой оценки качества образования – 10% опрошенных из данной группы. Укажем также, что среди преподавателей вузов старше 35 лет, принявших участие в анкетировании, их доля составляет 50%.

Исследуя уровень информированности молодых ученых непосредственно о сущности и современных моделях подготовки научных и научно-педагогических кадров, можно констатировать, что респонденты преимущественно осведомлены о традиционных моделях развития кадрового потенциала. Так, кадровый потенциал вуза рассматривается 55% молодых исследователей и 100% их старших коллег как соответствие профессионально-квалификационных характеристик персонала целям и задачам учреждения высшего профессионального образования. Еще 29% молодых ученых и 33% респондентов старше 35 лет связывают кадровый потенциал с наличием сотрудников, обеспечивающих решение актуальных задач учебного заведения. При этом 30% молодых респондентов и 50% ученых старше 35 лет указывают на значимость кадрового потенциала в обеспечении достижения перспективных задач учреждения высшего профессионального образования. Рассматривая формирование кадрового потенциала, участники опроса справедливо связывают его, в первую очередь, с целенаправленным процессом преобразования состава, структуры и качества профессорско-преподавательского персонала, приводящим к новому состоянию вуза как системы (50% молодых ученых и 83% исследователей старше 35 лет); а также обуславливают данный процесс наличием системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогов (46 и 50% соответственно). К сожалению, лишь 4% ученых в возрасте до 35 лет полагают, что формирование кадрового потенциала, в том числе, связано и с ротацией кадров, перемещениями работников с одного рабочего места на другое, предпринимаемыми с целью ознакомления их с различными производственными задачами организации. Еще 6% молодых ученых и 33% респондентов старше 35 лет необоснованно связывают формирование кадрового потенциала преимущественно с ростом благосостояния сотрудников.

Исследование современных моделей подготовки научных и научно-педагогических кадров также предполагало выявление представлений молодых исследователей о сущности и особенностях традиционной и инновационной моделей формирования кадрового потенциала. Анализ ответов показал, что, выделяя характеристики традиционной модели формирования кадрового потенциала, прежде всего респонденты отмечают такие ее признаки, как поддержание на должном уровне состава, структуры и качества профессорско-преподавательского персонала, необходимого для эффективного осуществления образовательной и научной деятельности (46% молодых ученых и 50% исследователей старше 35 лет). Кроме того, молодые исследователи считают существенными также такие ее характеристики, как ориентация на обеспечение стабильного функционирования вуза; преимущественно формальную оценку кандидатов на вакантную должность и текущую периодическую оценку кадров, на что указывают 29% респондентов. Ученые старше 35 лет (50% от общего количе-

ства опрошенных), характеризуя традиционную модель формирования кадрового потенциала, в первую очередь обращают внимание на недостаточное внимание к прогнозированию потребности в профессорско-преподавательских кадрах.

Представляя характеристику инновационной модели формирования кадрового потенциала, участники анкетирования отмечают ее ориентацию на обеспечение инновационного развития вуза (41% молодых ученых и 100% исследователей старше 35 лет). Кроме указанной выше позиции для участников опроса до 35 лет значимым является поддержание на должном уровне состава, структуры и качества профессорско-преподавательского персонала, необходимого для эффективного осуществления образовательной и научной деятельности в настоящее время и в долгосрочной перспективе. На данную характеристику указали 39% респондентов. Следует заметить, что ученые старше 35 лет рассматривают характеристики инновационной модели кадрового потенциала комплексно, о чем свидетельствуют их ответы. Так, 67% респондентов данной возрастной группы, кроме указанных выше характеристик, называют также наличие неформальной оценки кандидатов на вакантную должность и наличие системы периодической оценки кадров, а также осуществление прогнозирования потребности в профессорско-преподавательских кадрах.

Изучая информированность участников анкетирования о том, каковы основные задачи формирования кадрового потенциала в современном вузе, организаторы сделали вывод о том, что вне зависимости от возраста респондентов, приоритетными, по их мнению, являются подбор персонала (33% молодых ученых и 83% исследователей старше 35 лет); мотивация и стимулирование деятельности профессорско-преподавательского состава (61 и 83% соответственно); а также обучение персонала (33% респондентов до 35 лет и 67% – старше 35 лет), то есть задачи, реализуемые в традиционной модели формирования кадрового потенциала. К сожалению, лишь 11% молодых ученых и 33% исследователей старше 35 лет считают важным содействие оценке кадров и обеспечение адаптации сотрудников, то есть говорят о реализации функций, характерных для инновационных моделей формирования кадрового потенциала.

Анкетирование позволило выявить и представления участников о содержании основных направлений деятельности по формированию кадрового потенциала вузов. Так, формирование резерва научных и научно-педагогических кадров вуза требует, по мнению респондентов, в первую очередь осуществления анализа рынка труда, особенно его наукоемких и инновационных сегментов. На это обстоятельство указывают 33% молодых ученых и 83% исследователей старше 35 лет. Далее, значимыми для респондентов старше 35 лет является расчет потребности в кадрах и проведение конкурсных процедур, на что указывают 67% опрошенных. Для молодых исследователей же наиболее существенным направлением деятельности в данном контексте является определение квалификационных характеристик должностей, на что указали 46% респондентов. Характеризуя адаптацию персонала высшего учебного заведения, респонденты в целом корректно оценивают ее содержание, связывая его, прежде всего, с содействием освоению молодыми специалистами профессиональной деятельности. На это указывают 59% молодых ученых и 100% исследователей старше 35 лет. Для респондентов всех возрастов также важным направлением адаптации является наставничество и консультирование (34 и 50% соответственно). На развитие человеческих ресурсов как компонент адаптации обращают внимание лишь 16% молодых ученых. Такой компонент формирования кадрового потенциала, как обучение персонала вуза, анкетированные, в основном, связывают с традиционными его формами: профессиональной подготовкой (63 и 83% по различным возрастным группам) и повышением квалификации специалистов (63% молодых ученых и 83% исследователей старше 35 лет). Таким инновационным формам, как планирование развития персонала и переподготовка кадров, отдают предпочтение лишь 5 и 13% исследователей моложе 35 лет.

Анкетирование показало, что участники опроса грамотно определяют приоритеты стратегии подготовки научных и научно-педагогических кадров для высшей школы в России. Однако связывают они их прежде всего с формальными показателями, например с критериальными значениями показателей государственной аккредитации, используемыми при установлении вида высшего учебного заведения (34% молодых ученых и 67% респондентов старшего возраста) и выполнением требований Федеральных государственных образовательных стандартов (48% респондентов до 35 лет и 67% старше 35 лет). Кроме того, осозна-

ются респондентами и значение перехода на уровневую подготовку кадров. Так, изменение стратегии, по мнению опрошенных, обусловлено необходимостью реализации компетентного подхода (25 и 67% соответственно).

Выявление уровня сформированности представлений молодых исследователей о механизмах развития кадрового потенциала позволило сформулировать выводы о наличии у респондентов достаточного уровня знаний об их содержании. Наиболее существенным, по мнению респондентов обоих возрастов, является совершенствование системы мотивации и стимулирования кадров (45 и 67% соответственно), а также обеспечение личностного и профессионального саморазвития работников высшей школы (33% участников моложе 35 лет и 67% респондентов старше 35 лет).

Также важным механизмом является и развитие системы опережающего обучения и переподготовки кадров с учеными степенями и званиями (40% молодых ученых и 67% исследователей старше 35 лет). Наименее значимо, по мнению молодых респондентов (19%), формирование кадрового резерва, хотя этот механизм считают важным 50% участников анкетирования старше 35 лет.

Респонденты единодушны в рассмотрении принципов кадровой политики в вузе. При этом молодые участники анкетирования не выделили определяющих требований (значения находятся в границах от 31 до 36%). У ученых старше 35 лет приоритетность ярко выражена. Так, 94% респондентов значимым в кадровой политике вуза считают опережающий характер кадровой политики, построенной на реальной комплексной оценке и системном прогнозировании потребности образовательных учреждений в профессиональных кадрах преподавателей и менеджеров; 83% уверены в необходимости создания в вузах условий труда, обеспечивающих возможность выполнения преподавателями своих профессиональных задач и в максимальной степени содействующих их эффективной деятельности. 67% полагают, что должно обеспечиваться доминирование государственно-общественных, коллегиальных процедур оценки качества деятельности преподавателей и администраторов системы высшего образования. К сожалению, верность традициям российской высшей школы, преемственность в передаче педагогической культуры, научно-методического опыта и профессиональной компетентности российского академического сообщества от старшего поколения преподавателей новому поколению отмечают в качестве приоритета лишь 19% молодых исследователей и 33% ученых старше 35 лет.

Анкетирование выявило, что удовлетворенность научно-педагогических кадров качеством труда определяется, прежде всего, через оценку степени удовлетворения важнейших личных потребностей в процессе трудовой деятельности в организации. На это указывают 44% молодых исследователей и 50% ученых старше 35 лет. Но если для старшего поколения удовлетворенность также обусловлена совершенствованием условий труда и формированием морально-психологического климата в коллективе, то для молодых исследователей значимым является анализ качества трудовой жизни (31% респондентов).

Таким образом, анализ результатов анкетирования свидетельствует, что проблема формирования кадровых ресурсов высшей школы является одной из актуальных в контексте модернизации высшего профессионального образования. Для ее решения необходимо не только наличие системных представлений о научных и методических достижениях в сфере разработки и реализации современных моделей подготовки научных и научно-педагогических кадров, но и совершенствование системы управления интеллектуальными ресурсами вуза, создание условий для личностного и профессионального саморазвития преподавателей и сотрудников; разработка системы мотивации и стимулирования кадров (в т. ч. через эффективный контракт); обеспечение опережающего обучения специалистов для инновационных отраслей экономики на основе интеграции науки, образования и производства.

Фрагмент работы с определением понятия «выпуклая функция»

Статья касается такой деятельностной составляющей содержания обучения математике, как работа с определениями принципиальных понятий. Автор обращается к рассмотрению классического определения понятия выпуклой на промежутке числовой прямой функции, анализ которого приводит к формулированию критерия выпуклости.

The article is devoted to such a component of contents of training in mathematics as operation with determination of basic concepts. The author addresses to considering classical definition concept of convex function on interval of a numerical straight line. Analysis of this concept leads to formulation of criterion of convexity.

Ключевые слова: выпуклая функция, вогнутая функция, неравенство Иенсена, критерий выпуклости.

Keywords: convex function, concave function, the inequality Jensen, criterion of convexity.

Напомним хорошо известные из курса математического анализа (см., напр., [1, с. 191, 196], [2, с. 355–356]) понятия выпуклой и вогнутой функций.

Пусть l – произвольный промежуток числовой прямой Ox и $f: l \rightarrow \mathbf{R}$ – непрерывная функция.

О п р е д е л е н и е 1. Функция $f(x)$ называется *выпуклой* (строго выпуклой, выпуклой вниз, строго выпуклой вниз) на промежутке l , если для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , и любого числа λ , $\lambda \in (0; 1)$, выполняется неравенство

$$f(\lambda a + (1 - \lambda)b) < \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b). \quad (1)$$

О п р е д е л е н и е 2. Функция $f(x)$ называется *вогнутой* (строго вогнутой, выпуклой вверх, строго выпуклой вверх) на промежутке l , если для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , и любого λ , $\lambda \in (0; 1)$, выполняется неравенство

$$f(\lambda a + (1 - \lambda)b) > \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b). \quad (2)$$

Неравенства (1)–(2) называются неравенствами Иенсена. Данные неравенства дают аналитическую характеристику выпуклости-вогнутости функций.

Напомним также геометрическую интерпретацию понятий выпуклой и вогнутой функций.

Если функция f выпукла на промежутке l , то для любого отрезка $[a; b] \subset l$ внутренние точки графика сужения $f|_{[a; b]}$ функции f на $[a; b]$ лежат ниже соответствующих точек отрезка, соединяющего концы $(a; f(a))$, $(b; f(b))$ этого графика (см. рис. 1).

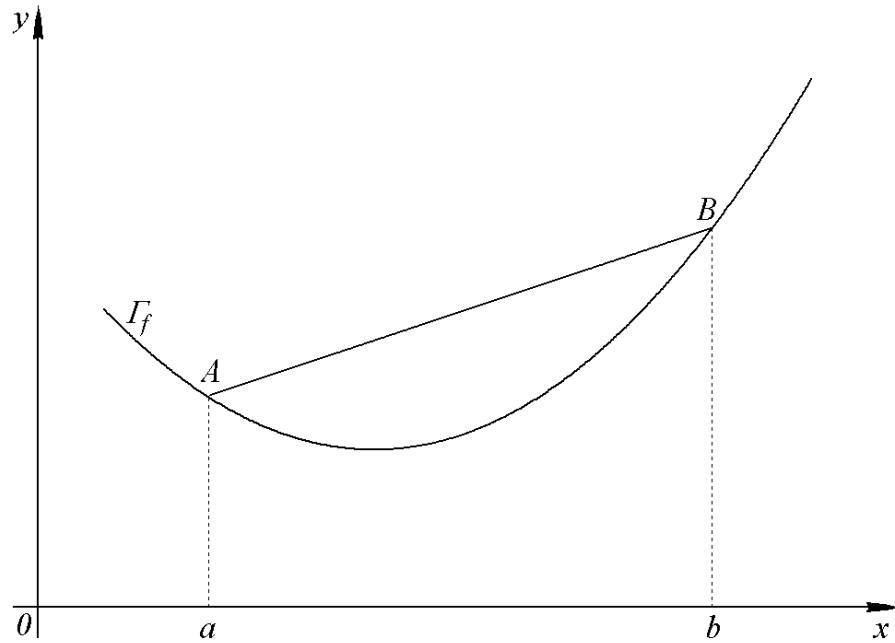

Рис. 1

Если же функция f вогнута на промежутке l , то для любого отрезка $[a;b] \subset l$ внутренние точки графика сужения $f|_{[a;b]}$ функции f на $[a;b]$ лежат выше соответствующих точек отрезка, соединяющего концы $(a; f(a))$, $(b; f(b))$ этого графика (рис. 2).

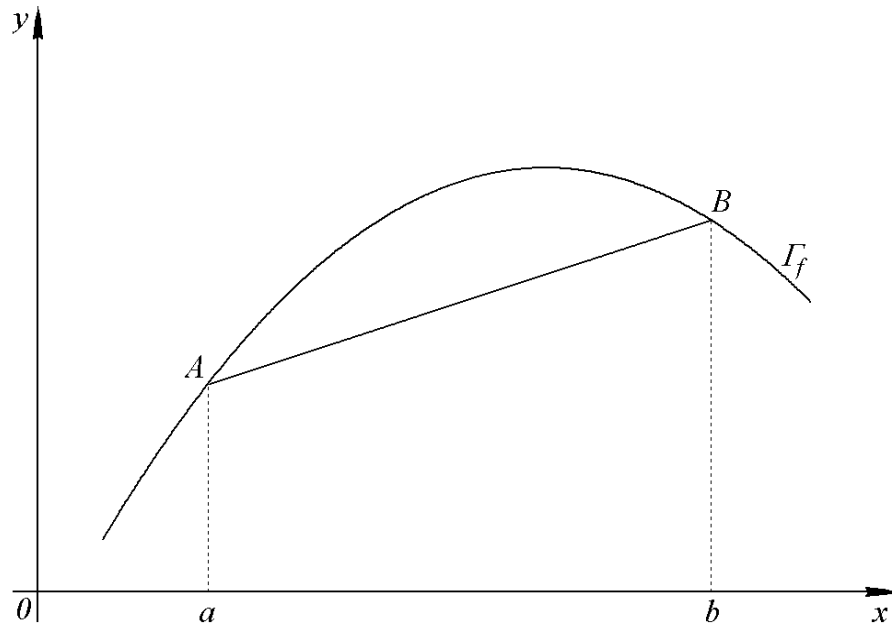

Рис. 2

Нетрудно заметить, что у выпуклой на промежутке l функции f ее надграфик $\Gamma_f^+ = \{(x; y): y \geq f(x), x \in l\}$ есть выпуклое на плоскости xOy множество. Аналогично, у вогнутой на промежутке l функции f ее подграфик $\Gamma_f^- = \{(x; y): y \leq f(x), x \in l\}$ является выпуклым множеством.

В качестве примеров отметим, что показательные функции $y = 2^x$, $y = \left(\frac{1}{2}\right)^x$ – выпуклые на \mathbf{R} функции; функции $y = \ln x$, $y = -\frac{1}{x}$ являются вогнутыми на интервале $(0; +\infty)$.

Приведенные определения выпуклой и вогнутой функций, а также их геометрические интерпретации обязательно изучаются всеми студентами математических направлений подготовки, а также учащимися школ и классов физико-математического профиля.

Остановимся на одном фрагменте возможной организации работы с определением понятия выпуклой функции, которая приводит к формулированию критерия выпуклости функции на промежутке и уточнению неравенства Йенсена (1) для выпуклой функции.

Итак, пусть $f(x)$ – выпуклая на промежутке l числовой прямой Ox функция, то есть в отношении ее реализуется определение 1. Обратимся к содержанию данного определения, в частности к неравенству Йенсена (1). В этом неравенстве зафиксируем значение λ , $\lambda \in (0; 1)$, и произвольно выберем точки u, v ($a < u \leq v < b$) так, чтобы выполнялось условие

$$\lambda u + (1 - \lambda)v = \lambda a + (1 - \lambda)b.$$

(3)

В последнем выборе, на самом деле, достаточно фиксировать значение u , $a < u \leq \lambda a + (1 - \lambda)b$, по нему значение v однозначно определяется из соотношения (3).

Выбор u и v обуславливает введение в рассмотрение хорды графика функции f с концами в точках $C(u; f(u))$ и $D(v; f(v))$. Так как $f(x)$ – выпуклая функция, то данные точки лежат строго ниже соответствующих точек хорды AB (см. рис. 3). Следовательно, таким же свойством будут обладать и все внутренние точки хорды CD . В частности, точка $G(\lambda u + (1 - \lambda)v; f(\lambda u + (1 - \lambda)v))$ будет располагаться строго ниже точки $F(\lambda a + (1 - \lambda)b; f(\lambda a + (1 - \lambda)b))$.

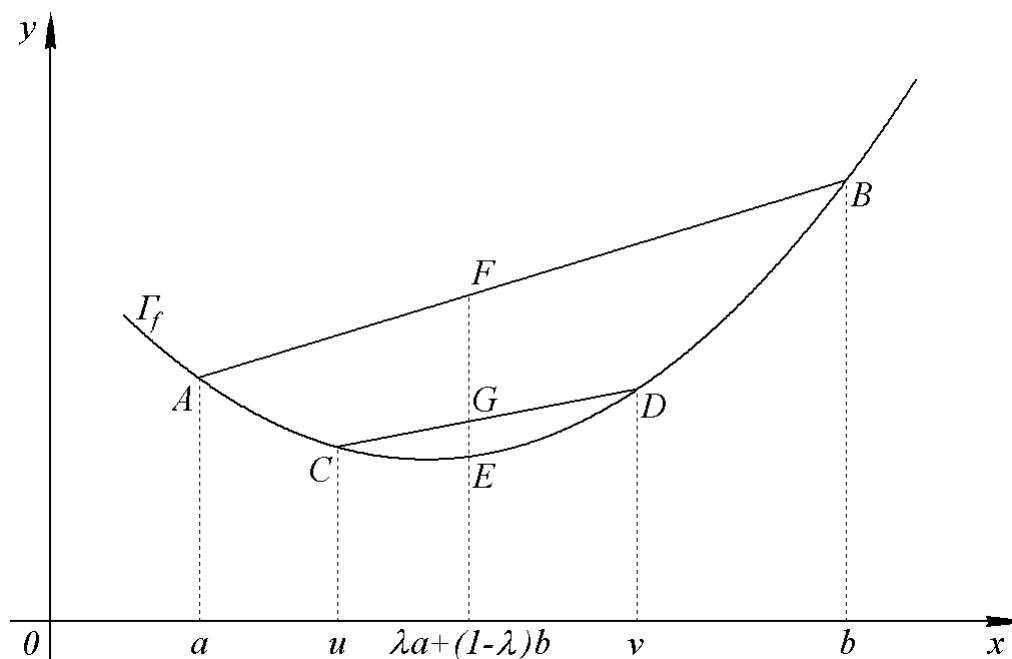

Рис. 3

Последний геометрический факт может быть описан аналитически неравенством

$$\lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v) < \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b). \quad (4)$$

Таким образом, проведенные геометрические рассуждения позволяют сформулировать следующее

Предложение 1. Если функция $f(x)$ является выпуклой на промежутке l числовой прямой Ox , то для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , любого числа λ , $\lambda \in (0; 1)$, и любых точек $u, v \in [a; b]$, $a < u \leq v < b$, удовлетворяющих условию $\lambda u + (1 - \lambda)v = \lambda a + (1 - \lambda)b$, будет выполняться неравенство (4).

Докажем сформулированное предложение строго, обращаясь к аналитическим выкладкам. Положим $\bar{\lambda} = \frac{b-u}{b-a}$, $\tilde{\lambda} = \frac{b-v}{b-a}$; ясно, что $0 < \bar{\lambda} < 1$, $0 < \tilde{\lambda} < 1$. Величины u и v через $\bar{\lambda}$ и $\tilde{\lambda}$ выражаются соответственно так:

$$u = \bar{\lambda}a + (1 - \bar{\lambda})b, \quad v = \tilde{\lambda}a + (1 - \tilde{\lambda})b.$$

Используя последние представления, выпуклость функции $f(x)$ на промежутке l и условие $\lambda u + (1 - \lambda)v = \lambda a + (1 - \lambda)b$, левую часть (4) оценим сверху следующим образом:

$$\begin{aligned} \lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v) &= \lambda f(\bar{\lambda}a + (1 - \bar{\lambda})b) + (1 - \lambda)f(\tilde{\lambda}a + (1 - \tilde{\lambda})b) < \\ &< \lambda \bar{\lambda}f(a) + \lambda(1 - \bar{\lambda})f(b) + (1 - \lambda)\tilde{\lambda}f(a) + (1 - \lambda)(1 - \tilde{\lambda})f(b) = \\ &= \lambda \frac{b-u}{b-a} f(a) + \lambda \left(1 - \frac{b-u}{b-a}\right) f(b) + (1 - \lambda) \frac{b-v}{b-a} f(a) + (1 - \lambda) \left(1 - \frac{b-v}{b-a}\right) f(b) = \\ &= \frac{\lambda b - \lambda u + (1 - \lambda)b - (1 - \lambda)v}{b - a} f(a) + \frac{\lambda u - \lambda a + (1 - \lambda)v - (1 - \lambda)a}{b - a} f(b) = \\ &= \frac{\lambda b + (1 - \lambda)b - \lambda a - (1 - \lambda)a}{b - a} f(a) + \frac{\lambda a + (1 - \lambda)b - \lambda a - (1 - \lambda)a}{b - a} f(b) = \\ &= \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b). \end{aligned}$$

Предложение доказано.

Покажем сейчас, что установленное предложение 1 обратимо, то есть верно

Предложение 2. Пусть непрерывная на промежутке l числовой прямой Ox функция $f(x)$ обладает свойством: для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , любого числа λ , $\lambda \in (0; 1)$, и любых точек $u, v \in [a; b]$, $a < u \leq v < b$, удовлетворяющих условию $\lambda u + (1 - \lambda)v = \lambda a + (1 - \lambda)b$, будет выполняться неравенство (4). Тогда $f(x)$ – выпуклая на промежутке l функция.

Доказательство. Для установления требуемого достаточно в неравенстве (4) положить $u = v = \lambda a + (1 - \lambda)b$. Это обеспечивает выполнение неравенства Иенсена (1), характеризующего выпуклость функции $f(x)$ на рассматриваемом промежутке.

Предложения 1-2 позволяют сформулировать критерий выпуклости функции на промежутке.

Теорема А. Непрерывная на промежутке l числовой прямой Ox функция $f(x)$ является выпуклой на данном промежутке тогда и только тогда, когда для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , любого числа λ , $\lambda \in (0; 1)$, и любых точек $u, v \in [a; b]$, $a < u \leq v < b$, удовлетворяющих условию $\lambda u + (1 - \lambda)v = \lambda a + (1 - \lambda)b$, будет выполняться неравенство (4).

Заметим, что в условиях сформулированной теоремы А неравенство (4) при ограничении $a < u < v < b$ порождает двойное неравенство

$$f(\lambda a + (1 - \lambda)b) < \lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v) < \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b), \quad (5)$$

которое уточняет неравенство Иенсена (1). В неравенстве (5) величина $\lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v)$ тем меньше отличается от величины $f(\lambda a + (1 - \lambda)b)$, чем значение u ближе к значению $\lambda a + (1 - \lambda)b$. Наоборот, сумма $\lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v)$ тем меньше отличается от суммы $\lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b)$, чем значение u ближе к a (v ближе к b).

Подведем предварительный итог. Работа с определением понятия выпуклой функции позволила нам сформулировать и доказать критерий (теорему А) выпуклости функции на промежутке. Как следствие данного критерия мы получили уточнение классического неравенства Иенсена (1), характеризующего выпуклость функции.

З а м е ч а н и е 1. Ясно то, что аналогичная работа может быть проделана в отношении определения понятия вогнутой функции. Результатом такой работы будут формулировка критерия вогнутости функции на промежутке и соответствующее уточнение неравенства Иенсена (2). Сформулируем соответствующие результаты.

Теорема Б. *Непрерывная на промежутке l числовой прямой Ox функция $f(x)$ является вогнутой на данном промежутке тогда и только тогда, когда для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , любого числа λ , $\lambda \in (0; 1)$, и любых точек $u, v \in [a; b]$, $a < u \leq v < b$, удовлетворяющих условию $\lambda u + (1 - \lambda)v = \lambda a + (1 - \lambda)b$, будет выполняться неравенство*

$$\lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v) > \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b). \quad (6)$$

В условиях теоремы Б неравенство (6) при ограничении $a < u < v < b$ порождает двойное неравенство

$$f(\lambda a + (1 - \lambda)b) > \lambda f(u) + (1 - \lambda)f(v) > \lambda f(a) + (1 - \lambda)f(b),$$

уточняющее неравенства Иенсена (2) для вогнутой функции.

З а м е ч а н и е 2. Вышеустановленное предложение 1 с учетом неравенства (5) имеет интересное следствие.

Предложение 3. *Если функция $f(x)$ является выпуклой на промежутке l числовой прямой Ox , то для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , и любых точек $u, v \in [a; b]$, $a < u \leq v < b$, удовлетворяющих условию $u + v = a + b$, будет выполняться неравенство*

$$f(u) + f(v) < f(a) + f(b). \quad (7)$$

Кроме того, если в (7) $u < v$, то верно двойное неравенство

$$2f\left(\frac{a+b}{2}\right) < f(u) + f(v) < f(a) + f(b).$$

Аналогичное утверждение, очевидно, можно сформулировать для вогнутой функции.

Предложение 4. *Если функция $f(x)$ является вогнутой на промежутке l числовой прямой Ox , то для любого отрезка $[a; b]$, принадлежащего l , и любых точек $u, v \in [a; b]$, $a < u \leq v < b$, удовлетворяющих условию $u + v = a + b$, будет выполняться неравенство*

$$f(u) + f(v) > f(a) + f(b). \quad (8)$$

Если в (8) $u < v$, то верно двойное неравенство

$$2f\left(\frac{a+b}{2}\right) > f(u) + f(v) > f(a) + f(b).$$

З а м е ч а н и е. Свойство выпуклой функции f , выражаемое предложением 1, назовем ее *характеристическим* свойством. Ясно, что характеристическое свойство может быть сформулировано и для вогнутых функций, для этого следует использовать неравенство (6). На основе применения характеристического свойства в работе [3] мы представили эффективный метод решения уравнений специального вида, составляемых с помощью выпуклых и вогнутых функций.

Примечания

1. Райков Д. А. Одномерный математический анализ: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1982. 415 с.
2. Хавин В. П. Основы математического анализа: в 3 ч. Ч. I. Дифференциальное и интегральное исчисление функций одной вещественной переменной: учеб. пособие. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 448 с.
3. Калинин С. И. Метод неравенств решения уравнений: учеб. пособие по элективному курсу для классов физико-математического профиля. М.: Изд-во «Московский Лицей», 2013. 112 с.

Notes

1. Raykov D. A. Odnomerniy matematicheskiy analiz: ucheb. posobie [One-dimensional mathematical analysis: tutorial. Moscow: Higher scholl Publ., 1982. 415 pages.
2. Havin V. P. Osnovy matematicheskogo analiza: v 3 ch. Ch. I. Differentsialnoe i integralnoe ischislenie funktsiy odnoy veschestvennoy peremennoy: ucheb. posobie [Bases of the mathematical analysis: in 3 prts. P. I. Differential and integral calculus of functions of one material variable: tutorial. Publ. of Leningr. univer-sity, 1989. 448 pages.
3. Kalinin S. I. Metod neravenstv resheniya uravneniy: ucheb. posobie po elektivnomu kursu dlya klassov fiziko matematicheskogo profilya [Metod of inequalities of the solution of the equations: studies. grant at an elective course for classes of the physicist of a mathematical profile]. Moscow: "Moskovskiy Litsey" Publ., 2013. 112 pages.

УДК 371

С. С. Быкова

Методологические подходы к подготовке будущих учителей в контексте становления их гуманистического мировоззрения

В статье рассматриваются методологические подходы, которые позволяют обновить содержание образования в целях повышения качества подготовки будущих учителей. Акцент в подготовке будущих учителей делается на становлении их гуманистического мировоззрения как необходимого уровня духовно-нравственного развития.

This article discusses the methodological approaches that allow to update the content of education in order to improve the training of future teachers. The emphasis in the training of future teachers is on the formation of their humanistic outlook as the required level of spiritual and moral development.

Ключевые слова: компетентностный подход, поведенческий подход, аксиологический подход, гуманистическое мировоззрение.

Keywords: competence approach, behavioral approach, axiological approach, humanistic outlook.

Современные тенденции развития нашего общества связаны с определением новых запросов к подготовке будущего педагога. Значимость данного процесса подтверждается приоритетными программными документами развития образовательной сферы. В Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» отмечено, что современной школе требуются новые учителя, владеющие психолого-педагогическими знаниями и понимающие особенности развития школьников; чуткие, внимательные и восприимчивые к интересам школьников, открытые ко всему новому учителя. В обсуждаемой сегодня концепции и содержании профессионального стандарта педагога задаются конкретные требования к квалификации учителя. Современный успешный педагог характеризуется умением «проектировать и создавать ситуации и события, развивающие эмоционально-ценностную сферу ребенка (культуру переживаний и ценностные ориентации ребенка)»; «умение формировать и развивать... образцы и ценности социального поведения, навыки поведения в мире виртуальной реальности и социальных сетях, навыки поликультурного общения и толерантность, ключевые компетенции (по международным нормам)» и «готовностью принять разных детей, вне зависимости от их реальных учебных возможностей, особенностей в поведении, состояния психического и физического здоровья» и т. д. [1]

На основании законодательных актов выстраивается образ современного специалиста, который обладает не только высоким уровнем компетентности в области профессиональной деятельности, но и новым уровнем духовно-нравственного развития. Будущий педагог должен быть ориентирован «на глубокое внутреннее осмысление новых психолого-педагогических знаний и преобразование их в свои личностные ценностные убеждения», то есть обладать педагогическим мировоззрением [2]. Современной парадигмой подготовки будущих учителей становится «образование для личностного развития на основе самомотивации и самопроектирования, с опорой на ценности и смыслы, приобретшие личную значимость» [3].

Безусловно, современное образование ориентировано на поиск оптимальных путей подготовки компетентных учителей.

Основным подходом, который позволяет обновить содержание образования в целях повышения качества подготовки будущего учителя, рассматривается компетентностный подход. Л. А. Беляева определяет теоретико-методологические основания компетентностного подхода, представляя его через синтез двух философских течений – прагматизма и экзистенциализма. По её мнению, именно эти идеи идут на смену философии Просвещения, основополагающие принципы которой очень долго определяли методологию образовательной деятельности [4].

Полемика в образовательных кругах по поводу противопоставления знаниево-ориентированного и компетентностного подхода к образованию не завершена. В направлении подготовки будущего педагога идея Л. А. Беляевой о достраивании знаниевой парадигмы компетентностной особенно актуальна в условиях сегодняшнего исторического этапа, для которого характерны процессы глобализации во всех сферах. При таком подходе знания интерпретируются как познавательная база компетентности специалиста. Для будущего педагога важными определены знания, которые он способен применить в процессе разрешения проблем в своей профессиональной сфере.

На этом основании понимание компетентностного подхода строится как процесс моделирования результатов образования и представление их как норм качества образования (Р. Атаханов, Е. В. Бондаревская, И. А. Зимняя, Д. И. Фельдштейн, И. С. Якиманская и др.). Разработка данного направления связана с именами таких ученых, как Л. Ф. Иванова, А. Г. Каспрожак, О. Е. Лебедев, Л. П. Погребняк, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова. Исследователи определяют особенности обозначенного подхода, исходя из формирования целей, отбора содержания, организации процесса и достижения результатов в области образования. Компетентностный подход задает требования к подготовке будущего учителя, который должен обладать:

- 1) способностью ответственно решать проблемы в различных сферах и видах профессиональной деятельности, опираясь на социальный и личностный опыт;
- 2) потребностью определять содержание образования как дидактически адаптированный опыт решения жизненно и профессионально значимых проблем;
- 3) возможностью формирования опыта самостоятельного решения проблем посредством освоения содержания образования;
- 4) необходимостью оценивать образовательные результаты на основе самооценки, взаимооценки, экспертной оценки, соответственно достигнутому обучающимися уровню образованности [5].

Определим возможности компетентностного подхода к становлению будущего педагога через интерпретацию понятий «компетенция» и «компетентность». В работе И. А. Зимней представлены три толкования понятия «компетенция» – педагогическое, психолого-педагогическое, психолингвистическое:

- 1) компетенция как совокупность освоенного содержания, как объективная данность, заранее отбираемая, структурированная и дидактически организуемая (педагогическая трактовка);
- 2) компетенция как интеллектуальное, психофизиологическое качество субъекта, как условия успешности освоения им заданного содержания, как произошедшее в результате расширения содержания этого понятия включение в него самих знаний и умений (психолого-педагогическая трактовка);
- 3) компетенция как осваиваемое и освоенное, но не актуализированное ещё содержание, представляющее собой психическое образование, образ содержания знания, программа их реализации, способов и алгоритмов действий (психолингвистическая трактовка) [6].

С позиции психолингвистики толкование компетенции выглядит как внутреннее потенциальное когнитивное образование у будущего педагога, которое затем актуализируется в деятельности и понимается как предпосылка и основа формирования компетентности. Компетентность в свою очередь представлена как «актуализированное, интегративное, базирующееся на знаниях, интеллектуально и социокультурно обусловленное личностное качество, проявляющееся в деятельности, поведении человека в его взаимодействии с другими людьми в процессе решения разнообразных задач» [7]. Существенно, что компетентность как личностное качество формируется в образовательном процессе и становится его результатом. На основании этого стоит утверждать, что содержание компетентности будущего учителя детерминировано профессиональными знаниями, умениями, а также определенным уровнем личностного духовно-нравственного становления.

Процесс формирования личности будущего учителя не завершается на уровне профессионального образования, а имеет своё развитие и продолжение в профессиональной деятельности, что определяется содержанием понятия «компетентность».

Новая методологическая платформа развития личности на основе поведенческого подхода в новых условиях образовательной действительности предложена Г. А. Берулавой и М. Н. Берулавой. В основании данной платформы лежит постулат, что развитие личности происходит не только с опорой на сферу рационального сознания, но и на сферу бессознательного: «Формирование не только сферы знаний, умений и навыков, механизмов мышления, творческого потенциала личности в процессе рациональной целенаправленной деятельности, но и продуктивных поведенческих, коммуникативных, аффективных и двигательных стереотипов психической активности» [8].

Г. А. Берулава и М. Н. Берулава обозначают важность вуза в профессиональном становлении будущего педагога, а именно в формировании продуктивных поведенческих стереотипов. Обозначая, что в системе обучения должны складываться стереотипы гуманного поведения в специально создаваемых условиях профессионального обучения, где и происходит стимуляция такого поведения. Вместе с тем эта система не нова и активно применялась в советское время, когда обучающимся «предлагались и успешно ими интериоризировались образцы нравственного поведения» [9]. Имея определенный уровень духовно-нравственного развития и способность реализовывать ценности социального поведения, будущий учитель будет отвечать современным требованиям профессионального стандарта педагога.

Важность определения поведенческого подхода как одного из ведущих при подготовке будущего учителя определяется условиями современного информационного образовательного пространства. Увеличение роста разнообразной информации, которая порой не подвергается научной рефлексии, не проходит этапы рационального осмысления и в конечном итоге не становится личностным новообразованием будущего педагога, способно компенсировать обращенность к другим видам психической активности, в частности к области бессознательного.

Следующий подход, лежащий в основе обновления содержания подготовки будущих учителей – аксиологический (ценностный) подход. Сегодня данный подход, обоснованный З. И. Равкиным и рядом его единомышленников (В. В. Веселова, В. И. Додонов, Н. Д. Никандров, Т. Б. Игнатьева, Г. Б. Корнетов, В. Б. Помелов), опирается на образовательные ценности, включающие систему знаний, идеалов, регулирующих взаимодействие субъектов деятельности в образовательной сфере и формирующих личность.

З. И. Равкин справедливо утверждает, что в ходе исторического развития существенно пополняется ценностно-мотивационный ряд, стимулирующий человека к действию и приобретающий значение определенного критерия, в свете которого оцениваются его поведение и деятельность. В работах З. И. Равкина определяются вечные аксиологические приоритеты, такие, как «Человек как самоценность высшего порядка, Труд, Мир, Свобода, Справедливость, Равенство, Добро, Истина и Красота во взаимодействии друг с другом образуют исходный рубеж, с которого начинается отсчет в развитии общечеловеческой, гуманистической культуры, всей системы ценностей, так или иначе составляющей основу ориентации сферы образования во всех его звеньях» [10].

Вместе с тем ключевой ценностью учителя остается духовность, которая рассматривается Л. А. Байковой «как высшая ступень эмоционально-нравственного развития человека, гармония его идеалов с общественными ценностями и высоконравственными поступками, в

основе которых лежат потребность служить людям и добру, постоянное стремление к само-совершенствованию» [11].

В новых условиях формирования правового общества не теряет своей актуальности и становится приоритетом в формировании компетентного учителя ценностная категория «справедливости». В работах Б. Т. Лихачева подчеркивается, что «справедливость определяется гармоничным состоянием души, единством преобладающего разума, целенаправленной доброй воли, гуманного чувства и общественно ценного поведения. Справедливость как свойство личности вытекает из её самооценки, разумности, из самого факта её существования и естественного права на жизнь, саморазвития, самоопределения, свободы, счастье, равенства, на удовлетворение за счет творческой самореализации необходимых естественных, материальных и духовных потребностей» [12]. Б. Т. Лихачев определяет важность быть справедливым «по отношению к чужой личности, не вторгаться в сферу её свобод, сохранять свободу её действий и не препятствовать созданию культурных ценностей» [13]. Следовательно, воспитание справедливости есть предварительное условие осуществления всех остальных духовно-нравственных ценностей.

В процессе подготовки будущих учителей особую роль играют педагогические ценности, представляющие собой те нормы, которые регламентируют педагогическую деятельность и выступают как познавательно-действующая основа, связывающая сложившееся общественное мировоззрение в области образования и деятельность педагога. К примеру, приоритетом в подготовке учителя определяются личностно-педагогические ценности, которые выступают как социально-психологические образования и отражают направленность, установки и другие мировоззренческие характеристики личности учителя, собственно и определяют систему его ценностных ориентаций в будущей профессиональной сфере. В контексте подготовки будущих учителей требуется взаимопроникновение общечеловеческих и профессиональных ценностей.

Существенной составляющей аксиологического подхода рассматривается парадигма гуманной педагогики. Парадигма гуманной педагогики всегда была важным составным звеном в системе приоритетных идеалов и ценностей образования. Обращение к лучшим традициям прошлого позволяет обосновать систему аксиологических приоритетов в подготовке будущего учителя.

Ведущими идеями парадигмы гуманной педагогики, на которых целесообразно строить подготовку будущих учителей, являются:

- 1) предоставление права для свободного всестороннего развития человека, уважение достоинства его личности (А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский);
- 2) развитие творческой индивидуальности личности, дух вольнолюбия и свободолюбия (Царскосельский лицей);
- 3) самооценку человеческой личности (К. Д. Ушинский);
- 4) нравственно автономная, самоопределяющаяся личность (П. П. Блонский, С. Т. Шацкий);
- 5) гармонизация личных и общественных интересов; забота об улучшении окружающей жизни, принесение пользы и радости близким и далеким людям (А. С. Макаренко, И. П. Иванов);
- 6) синтез идеи прав человека с идеями справедливости, совести, духовности (Е. В. Бондаревская) [14].

Дополнение аксиологического подхода идеями парадигмы гуманной педагогики позволяет обновить и обогатить ценностно-мотивационный ряд новыми приоритетами, которые используются в процессе подготовки будущих учителей, в то же время сохранить ценный опыт многих поколений.

Таким образом, сегодня в процессе обновления содержания образования, необходимо сделать парадигмальный акцент не только на профессиональной подготовке будущих учителей, но и на их личностном становлении, формировании у них необходимого уровня духовно-нравственного развития. Таким интегрирующим образованием является гуманистическое мировоззрение, которое обозначается через «личностные взгляды и убеждения, прошедшие стадию переживаний и осознания, определяющие духовность и ценностные отношения, собственное “Я”, творческое и деятельностное отношение к миру, к людям, к своему месту в обществе» [15]. Становление гуманистического мировоззрения будущих учи-

телей сегодня строится на идее сохранения традиционных аксиологических ценностей, принципе гармонизации личных и общественных интересов, развитии способностей у будущих специалистов совершать высоконравственные поступки и самосовершенствоваться в сфере своей профессиональной деятельности.

Примечания

1. Профессиональный стандарт педагога [Электронный ресурс]. URL: <http://минобрнауки.рф/> (дата обращения: 6.01.14).
2. Тестов В. А. Педагогическое мировоззрение и современная научная картина мира // Педагогика. 2011. № 7. С. 23.
3. Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. Вып. 7. Екатеринбург, 2012. С. 116.
4. Там же. С. 111.
5. Шамова Т. И., Худин А. Н., Анненкова Н. В., Поздняков А. В. Формирование нормативно-правовой компетентности педагогических кадров: учеб. пособие. М.: Педагогическое общество России, 2006. С. 9–10.
6. См.: Понятийный аппарат педагогики и образования. С. 65.
7. Там же.
8. Берулава Г. А., Берулава М. Н. Новая методология развития личности в информационном образовательном пространстве // Педагогика. 2012. № 4. С. 15.
9. Там же.
10. Методология педагогической науки: учеб. пособие / под ред. О. В. Лебедевой. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 62.
11. Байкова Л. А. Гуманизация педагогической системы образовательного учреждения: теория и опыт: монография / РГПУ им. С. А. Есенина. Рязань, 2000. С. 117.
12. Лихачев Б. Т. Воспитание и этика. Ярославль: Аверс-Плюс, 2009. С. 90.
13. Там же.
14. Методология педагогической науки. С. 124–125.
15. Становление гуманистического мировоззрения личности: пособие для пед. вузов / под ред. Р. М. Роговой. М., 1994.

Notes

1. Professionalnyiy standart pedagoga [Professional standard of the teacher] Available at: <http://минобрнауки.рф/> (accessed: 6.01.14).
2. Testov V. A. Pedagogicheskoe mirovozzrenie i sovremennaya nauchnaya kartina mira [Pedagogical outlook and modern scientific picture of the world] // Pedagogika Publ., 2011. No. 7. P. 23.
3. [Conceptual framework of pedagogics and education] sb. nauch. tr [Proc. of scient. works] / resp. editor E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzov. Iss. 7. Yekaterinburg, 2012. P. 116.
4. In the same place. P. 111.
5. Shamova T. I., Hudin A. N., Annenkova N. V., Pozdnyakov A. V. Formirovanie normativno pravovoy kompetentnosti pedagogicheskikh kadrov: ucheb. posobie [Formation of standardly legal competence of pedagogical shots: tutorial]. Moscow: Pedagogicheskoe obschestvo Rossii Publ., 2006. Pp. 9–10.
6. See: Ponyatiynyiy apparat pedagogiki i obrazovaniya [Conceptual framework of pedagogics and education]. P. 65.
7. In the same place.
8. Berulava G. A., Berulava M. N. Novaya metodologiya razvitiya lichnosti v informatsionnom obrazovatelnom prostranstve [New methodology of development of the personality in information educational space] // Pedagogika Publ., 2012. No. 4. P. 15.
9. In the same place.
10. Metodologiya pedagogicheskoy nauki: ucheb. posobie [Methodology of pedagogical science: tutorial] / under the editorship of O. V. Lebedeva. Киров: Publ. of VyatSUH, 2009. P. 62.
11. Baykova L. A. Gumanizatsiya pedagogicheskoy sistemy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: teoriya i opyt: monografiya [Gumanization of pedagogical system of educational institution: theory and experience: monograph] / Russia State Pedagogical University of S. A. Yesenin. Ryazan, 2000. P. 117.
12. Likhachev B. T. Vospitanie i etika [Education and ethics]. Yaroslavl: Avers-Plus Publ., 2009. P. 90.
13. In the same place.
14. Methodology of pedagogical science. Pp. 124–125. (in Russ.)
15. Stanovlenie gumanisticheskogo mirovozzreniya lichnosti: posobie dlya ped. vuzov [Formation of humanistic outlook of the personality: tutorial for pedagogical higher education institutions] / under the editorship of R. M. Rogovoy. Moscow, 1994.

Психологические факторы реализации профессионалом теневых функций

В исследовании рассматриваются факторы реализации профессионалом теневых функций. Основой для исследования выступила концептуальная модель профессиональной идентичности – маргинализма – Е. П. Ермолаевой. Результаты эмпирического исследования, полученные на выборке сотрудников силовых структур (N = 60), показали, что факторами реализации теневых функций являются: целевой, мотивационный, регуляционный, нормативный, фактор принятия решений. Обсуждается возможность применения полученных результатов.

The study examined the factors of realization of professional shadow (informal) functions. The basis for the study was the conceptual model of professional identity – marginality of E. P. Ermolaeva. The results of empirical study, obtained on the sample of the workers of power structures (N = 60), showed that the factors realization of professional shadow (informal) functions are: target, motivational, regulative, normative, the factor of taking a decisions. Implications are discussed.

Ключевые слова: профессиональный маргинализм, профессионал, реализующий теньевые функции.

Keywords: professional marginality, professional, realizing the shadow functions.

Проблема изучения психологических аспектов реализации профессионалом теневых функций является одной из наиболее острых и сложных в практической психологии. В современных условиях массовым становится явление прихода в профессию, требующую длительного обучения, оттачивания мастерства и формирования определенного склада личности, профессиональных маргиналов, людей случайных, мотивированных более высокой доходностью профессии и возможностью использования ее «теневых резервов» для удовлетворения собственных амбиций и потребностей. Подобные парадоксы в жизни современного российского общества были названы Ж. Т. Тощенко феноменами кентавризма: сочетаниями несочетаемого в кентавр-явлениях, кентавр-личностях [1].

Изучение современной действительности постепенно привело к тому, что наука и практика столкнулись с острой необходимостью объяснять подобные «соединения несоединимого». Именно поэтому в настоящее время проблема осмысления теневых функций как парадоксального явления действительности чрезвычайно актуальна, но недостаточно разработана в теоретическом и прикладном аспектах. Нет единого понимания понятия теневой функции, не изучены критерии его реализации, не определена психологическая характеристика профессионала, склонного к реализации теневых функций.

Очевидно, что теньевые функции обладают разрушительной силой, несут угрозу благополучию организаций и их членам, поэтому решение проблемы психологических факторов реализации профессионалом теневых функций позволит объяснить условия возникновения девиантных действий людей на рабочем месте, прогнозировать и предупреждать их.

В настоящее время запрос психологической практики несколько опережает теорию, в психологии есть только предпосылки для исследования психологических факторов реализации профессионалом теневых функций.

Термин «теньевая функция» был впервые использован Еленой Павловной Ермолаевой в рамках разработанной ею концептуальной модели профессиональной идентичности – маргинализма – и определен как «сущностный признак и прерогатива “действующих” маргиналов, оставшихся формально включенными в трудовой процесс, но утративших внутреннюю принадлежность к профессиональным ценностям и этике» [2]. Однако данное определение недостаточно полно отражает сущность теневых функций, носит скорее фактологический характер, чем содержательный. Поэтому для научной трактовки данного понятия мы обратились к родовому понятию «девиантное трудовое поведение», в котором как в целостности отражены все сущностные характеристики частного понятия «теньевая функция».

В изучении девиантного трудового поведения были выделены три содержательных этапа: поиск универсального определения понятия «девиантное трудовое поведение» (С. Робинсон, Дж. Гринберг, Р. Беннет и др.), поиск единой универсальной классификации (Р. Холлинггер, Дж. Кларк, П. Спектор, Ф. Сэкетт, Б. Г. Ребзуев и др.), исследование предпосылок возникновения девиантного трудового поведения (Р. Беннет, С. Робинсон, В. Ли, П. Спектор, С. Фокс и др.).

Рассмотрев девиантное трудовое поведение как родовое понятие, мы пришли к выводу, что теневые функции характеризуются сознательностью, непредусмотренностью должностными инструкциями, нарушением ролевых ожиданий, зафиксированных в организационных нормах; опасностью для благополучия организаций, их членов или тех и других.

Выделенные аспекты теневых функций были рассмотрены в рамках предложенной Е. П. Ермолаевой концептуальной модели профессиональной идентичности – маргинализма. Согласно данной концепции реализация профессионала происходит в системе идентификационных отношений «человек – профессия – общество»: от профессиональной идентичности как высшей формы их взаимного соответствия до профессионального маргинализма как индикатора распада данной структуры.

Профессиональный маргинализм – это не просто непрофессионализм как недостаточность или неадекватность профессиональных знаний и умений, это прежде всего «личностная позиция непричастности и ментальная непринадлежность к общественно приемлемой для данной профессии морали. И, наоборот, внутреннее отнесение себя к морали другой среды, профессиональной или внепрофессиональной» [3]. Профессия для маргинала – это лишь средство достижения внепрофессиональных личных целей, а не способ гармоничного существования человека в деятельности, объективная цель которой не принимается им в качестве самоцели, т. е. не становится осознанной личностно значимой целью с достаточно высоким статусом в иерархической структуре ценностей. Очевидно, что преобладание профессионального маргинализма в общественном сознании может выступать как фактор социальной опасности, разрушающий социально значимые профессиональные структуры и отношения.

Сущностным признаком действующих профессиональных маргиналов, оставшихся формально включенными в трудовой процесс, но утративших внутреннюю принадлежность к профессиональной этике как в самосознании, так и в реальном поведении, являются теневые функции. Реализация таких функций предполагает «перестройку иерархических отношений и содержательного наполнения в структуре ценностей личности: сформированные профессиональным обучением морально-этические установки в условиях, не позволяющих их реализовать, подвергаются трансформации и приобретают более прагматическую направленность», способствуя искажению социальных функций профессии [4].

Таким образом, рассмотрев теневые функции в контексте системы идентификационных отношений «человек – профессия – общество», мы определяем теневую функцию как особый вид девиантного трудового поведения действующего профессионального маргинала, сущностью которого является подмена социального назначения профессии скрытым личным или корпоративным интересом.

Однако теневую функцию следует не только понимать как специфический вид девиантного трудового поведения профессионала, но и рассматривать ее как психологическую систему деятельности действующего профессионального маргинала по достижению цели, главными элементами которой являются субъект, цели, факторы. Нами была разработана концептуальная схема понятия «профессионал, реализующий теневые функции», которая позволила держать в фокусе внимания выделенные элементы. Данная схема представлена на рис. 1.

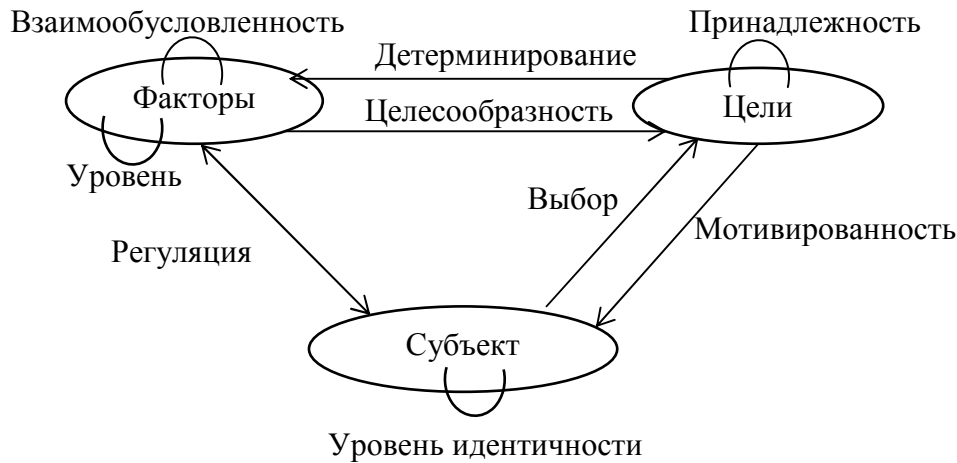

Рис. 1. Схема понятия «профессионал, реализующий теньевые функции профессии» в концептуальном виде

Базисными стали следующие понятия:

– субъект как профессионал, включенный в структуру идентификационных отношений «человек – профессия – общество»: от профессиональной идентичности до профессионального маргинализма – и реализующий социальные функции профессии.

Если схематично представить некий континуум социальных функций профессии, как это отображено на рис. 2, то получим единую ось, на противоположных полюсах которой расположены теньевые и нормативные функции, соответствующие состояниям профессионального маргинала и идентичного профессионала.

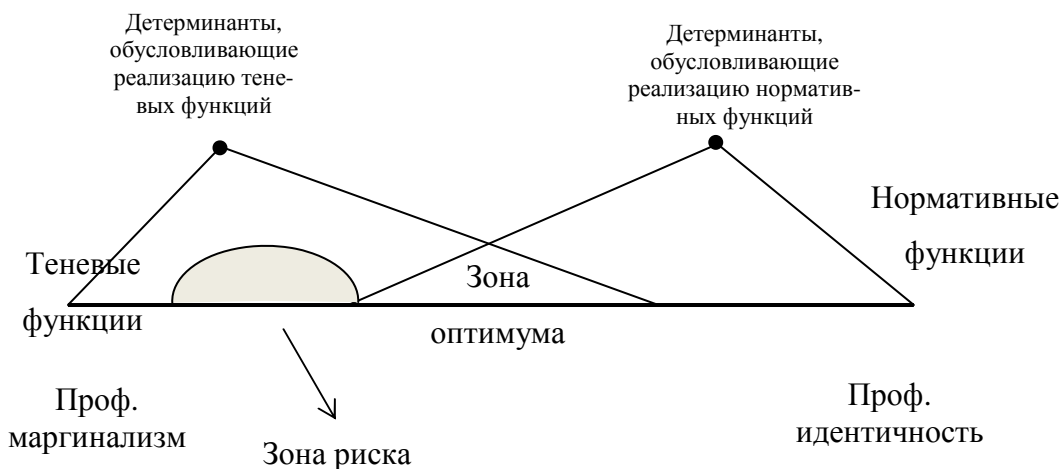

Рис. 2. Социальные функции профессии

Средняя область континуума охватывает функции, в определенной степени отвечающие социальному назначению профессии. Чем больше отклоняются действия профессионала от зоны оптимума к полюсу теньевых функций, тем больше они противоречат социальному назначению профессии. Профессионалы, находящиеся в такой позиции, представляют группу риска.

– Цели – личные и корпоративные интересы, которые, согласно концепции Е. П. Ермолаевой, мотивируют профессиональную деятельность субъекта.

– Факторы – это особые целесообразные цели профессионала структуры взаимосвязей между личностными особенностями и условиями реализации профессионалом теньевых функций.

Таким образом, предложенная нами концептуальная схема позволяет вывести строгое понятие «профессионала, реализующего теньевые функции»: это субъект уровня идентичности действующего маргинала, осознанно регулирующий свое поведение в соответствии с це-

лесообразными структурами взаимосвязей между личностными особенностями и условиями реализации теневого функций.

Значимость нашего исследования заключается в выявлении и описании психологических факторов реализации профессионалом теневого функций в организации, под которыми мы понимаем взаимодействие компонентов системы психологической деятельности действующего профессионального маргинала по достижению цели. Исследование психологических факторов реализации профессионалом теневого функций позволяет более полно взглянуть на особенности кентаврической личности профессионального маргинала, воплощающего в своем сознании и поведении несовместимые на первый взгляд черты, взаимоисключающие ценности и ориентации, парадоксальные поступки.

Методика

Эмпирическое исследование психологических факторов реализации профессионалом теневого функций проводилось в период с февраля по май 2012 г. по запросу одной из государственных организаций г. Ижевска. В исследовании приняли участие сотрудники (N = 60) в возрасте от 22 до 49 лет.

В исследовании были использованы тест «Идентичность – маргинализм» Е. П. Ермолаевой, направленный на установление степени маргинализма сотрудников; многомерный профессионально-психологический личностный тест (МППЛТ-1.3) А. В. Сидоренкова, применимый для оценки свойств личности, описания личностной структуры профессионала; опросник «Профессиональная востребованность» Е. В. Харитоновой, диагностирующий уровень профессиональной востребованности личности и ее индивидуальный профиль; опросник «Мониторинг трудовых мотивов» Ф. Герцберга, предназначенный для исследования индивидуальной мотивации сотрудников, и опросник «Стиль саморегуляции поведения» В. И. Моросановой, применимый для выявления стилевых особенностей профессионалов. Исследование проводилось в индивидуальной форме. Статистический анализ результатов эмпирического исследования проводился с помощью U-критерия Манна – Уитни, критерия Колмогорова – Смирнова, коэффициента линейной корреляции Пирсона, факторного анализа.

Результаты и их обсуждение

На первом этапе эмпирического исследования с целью выбора оптимальной формы проведения эксперимента, уточнения и конкретизации содержания методов исследования было проведено пилотажное исследование.

На втором этапе мы выявили профессионалов с большей степенью маргинальности с помощью методики «Идентичность – маргинализм», разработанной Е. П. Ермолаевой. Окончательную выборку составили профессионалы, имеющие более высокие показатели степени маргинализма, они представляют наибольший интерес для нашего исследования, поскольку, исходя из предлагаемого нами понятия «профессионал, реализующий теньевые функции», полагаем, что «маргинальные профессионалы» более склонны к реализации теневого функций, чем «идентичные профессионалы».

На данном этапе исследования была проведена диагностика показателей факторов реализации профессионалом теневого функций как системы психологической деятельности по достижению цели: их личностных особенностей (факторы), профессиональной востребованности (цель), мотивов профессиональной деятельности (отношение мотивированности) и особенностей саморегуляции (отношение регуляции).

На третьем этапе были выявлены психологические факторы реализации профессионалом теневого функций в организации, на основании чего были разработаны практические рекомендации по прогнозированию вероятности осуществления теневого функций сотрудниками организаций.

Обратимся к результатам эмпирического исследования.

На основании корреляционного анализа с помощью подсчета связей между компонентами было выделено пять основных факторов реализации профессионалом теневого функций: целевой, мотивационный, регуляционный, нормативный, фактор принятия решений. Для того, чтобы статистически подтвердить предположение об их наличии и значимости, был использован метод факторного анализа, который позволил выделить иерархию данных факторов (см. таблицу).

Психологические факторы реализации профессионалом теневого функций в организации

Психологические факторы	Ведущие показатели	Влияние
Целевой	Общий уровень профессиональной востребованности личности	Достижение целевого состояния профессиональной востребованности (или его компенсация)
	Ответственность	Проявление субъектности по отношению к деятельности
	Оценка результатов	Осознание результатов своей деятельности, их корректировка
Мотивационный	Стремление к зависимости от руководства	Принятие своей зависимости от взаимоотношений с руководством, организационных норм и правил поведения
	Стремление к карьере	Стремление к повышению должностного статуса и властных полномочий
	Стремление к ответственности и самостоятельности	Выбор самостоятельной и ответственной деятельности, позволяющей использовать ресурсы, принимать решения, выбирать цели и способы их достижения
Регуляционный	Общий уровень саморегуляции	Организация и управление всеми видами и формами внешней и внутренней активности профессионала
	Мотивация достижения успеха	Заинтересованность в достижении цели, ожидание успеха
Нормативный	Стыдливость	Осознание поступков и переживание их последствий
	Гибкость	Оценка изменения значимых условий и перестраивание программы действий
	Просоциальная нормативность	Следование общепринятым нормам (или нарушение, если нормы не удобны для достижения личных целей), использование социально допустимых средств при достижении цели (или социально недопустимых средств, если это необходимо)
Фактор принятия решений	Планирование	Осознанное планирование деятельности
	Практичность	Доминирование смысла материального жизнеобеспечения, решение практических вопросов, рациональный подход к достижению результата

Ведущим психологическим фактором реализации профессионалом теневого функций является целевой. Данный фактор, определяющий выбор профессионалом цели – достижение профессиональной востребованности или реализация теневого функций как компенсация состояния профессиональной невостребованности, включает в себя общий уровень профессиональной востребованности с ее отдельными показателями, ответственность и оценивание результатов. Целевой фактор характеризует профессионалов, склонных к реализации теневого функций, как людей с недостаточно высоким уровнем сформированности системы отношений к себе как значимому для других профессионалу и бессубъектным отношением к своей профессиональной деятельности. Важной особенностью профессиональных маргиналов является недостаточное развитие рефлексивного компонента в структуре целевого фактора.

Второй по значимости фактор – мотивационный. Данный фактор объясняет направленность профессионала на достижение выбранной цели. Мотивационный фактор содержит такие мотивы, как стремление к зависимости от руководства, стремление к ответственности и самостоятельности, стремление к карьере, стремление к достижению успеха, стремление к зависимости от группы, стремление к личностному росту, мотив просоциального одобрения, стремление к материальному благополучию.

Регуляционный фактор позволяет объяснить механизм организации и управления всеми видами внешней и внутренней активности профессионала, направленной на достижение выбранной профессионалом цели. В регуляционный фактор входят общий уровень саморегуляции с ее отдельными показателями: программирование, гибкость, самостоятельность, – мотивация достижения цели и профессиональный авторитет. Важно отметить, что стилевыми особенностями поведения профессионала, реализующего теневые функции, являются высокий уровень саморегуляции и мотивация достижения.

Нормативный фактор отражает парадоксальные взаимообусловленные особенности профессионала, целесообразные его цели. Фактор включает показатели просоциальной нормативности, стыдливости, гибкости, непосредственности, альтруизма, социального мышления, стремления к достижению успеха, способности к моделированию. Для профессионального маргинала, склонного к реализации теневых функций, характерны асоциальная нормативность, высокий уровень регуляторной гибкости, беспечное отношение к своим социальным поступкам и их последствиям, наигранность как склонность скрывать истинные мысли, переживания, цели; эгоизм как преобладание своекорыстных личных интересов безотносительно к интересам других людей.

Пятый по значимости фактор – фактор принятия решений, объясняющий подход профессионала к принятию решений, обеспечивающих достижение цели. Фактор принятия решений включает в себя показатели практичности, ориентации на формальное деловое общение, планирования и моделирования и позволяет говорить о том, что для профессионала, склонного к осуществлению теневых функций, в большей степени характерны практичность, ориентация на формальное деловое общение, высокий уровень планирования и моделирования профессиональной деятельности.

Все факторы взаимосвязаны между собой и представляют единый механизм, запускающий реализацию теневых функций.

Таким образом, исследование показало, что факторами реализации профессионалом теневых функций являются: целевой, мотивационный, регуляционный, нормативный, фактор принятия решений.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что описаны понятия «теневая функция профессионала» и «профессионал, реализующий теневые функции», подобран методический аппарат для изучения психологических факторов реализации профессионалом теневых функций в организации и исследовано содержание психологических факторов реализации профессионалом теневых функций у сотрудников силовых структур. Результаты исследования легли в основу практических рекомендаций по прогнозированию вероятности осуществления теневых функций сотрудниками организаций, что может способствовать практике профессионального отбора кандидатов на должность и практике психологического сопровождения сотрудников организации.

Примечания

1. *Тощенко Ж. Т.* Кентавр-проблема в познании и преобразующей деятельности человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/toshchenko.pdf>.
2. *Ермолаева Е. П.* Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 17.
3. *Ермолаева Е. П.* Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. № 4. С. 52.
4. *Ермолаева Е. П.* Психология социальной реализации профессионала. С. 214.

Notes

1. *Toshchenko Zh. T.* Kentavr problema v poznanii i preobrazuyuschey deyatel'nosti cheloveka [Kentavr is a problem in knowledge and reformative activity of the person] [Electronic resource]. Available at: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-6/toshchenko.pdf>.
2. *Yermolaeva E. P.* Psihologiya sotsialnoy realizatsii professionala [Psychology of social realization of the professionalism. Moscow: "Institut psihologii of RAN", 2008. P. 17.
3. *Yermolaeva E. P.* Professional'naya identichnost i marginalizm: kontseptsiya i realnost [Professional identity and marginalizm: concept and reality]// Psihologicheskii zhurnal – Psychological magazine, 2001, No. 4. P. 52.
4. *Yermolaeva E. P.* Psihologiya sotsialnoy realizatsii professionala. [Psikhologiya of social realization of the professional]. P. 214.

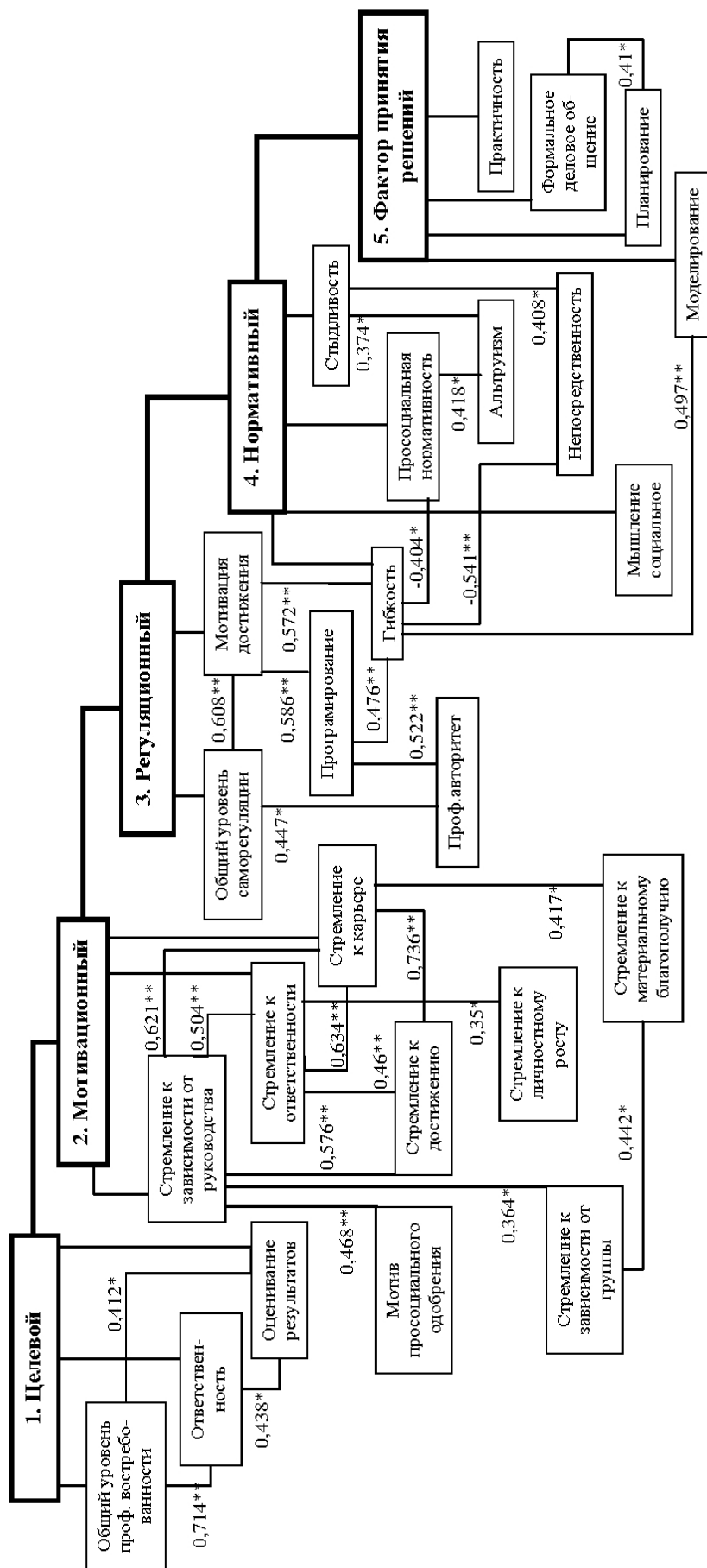

Рис. 3. Граф «Психологические факторы реализации профессионалом теневых функций»

ПЕРСОНАЛИИ

Евгению Александровичу Шишкину – 80 лет

Евгений Александрович Шишкин родился 13 марта 1934 г. в селе Илгань Верхошижемского района Кировской области.

В 1957 г. Е. А. Шишкин окончил естественно-географический факультет Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина по специальности «Биология и химия» с присвоением квалификации учитель биологии и химии средней школы.

Как и все выпускники того времени, Евгений Александрович после окончания вуза был направлен учителем химии в Лазаревскую среднюю школу Шурминского (позже Уржумского) района Кировской области, где проработал до 1961 г. Евгений Александрович смолоду отличался добросовестным отношением к любому делу, ответственностью и пунктуальностью, потому не случайно в 1958 г. был избран членом Уржумского райкома ВЛКСМ и добросовестно выполнял эту общественную работу.

В 1961 г. жизнь Е. А. Шишкина резко изменилась – он был избран по конкурсу на должность ассистента кафедры химии Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, которую занимал до 1967 г.

Евгений Александрович хотел быть разносторонне развитым человеком, и поэтому в 1967 г. по направлению ректората института поступил на курсы ЮНЕСКО иностранных языков при Московском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина для работы за границей, которые успешно закончил в мае 1968 г., овладев французским языком. Эти знания пригодились ему в дальнейшем в заграничной командировке. С августа 1968 по август 1970 г. Е. А. Шишкин вместе с семьёй жил в Гвинейской Республике, где работал в политехническом институте города Канкан, преподавал на французском языке общую и неорганическую химию.

В эти годы молодой преподаватель не только учил студентов, но и занимался научной деятельностью, готовя материал для своей будущей кандидатской диссертации. За время работы в Гвинейской Республике им были опубликованы три пособия:

1. Travaux pratiques, exercices et problemes de la chimie minerale / composes et traduit de russe par E. A. Chichkin. Kankan, Republique de Guinee, Institute polytechnique, 1969. 135 p.

2. Travaux pratiques de la chimie organique. Kankan, Republique de Guinee, Institute polytechnique, 1970. 35 p.

3. Les gaz rares et leurs combinaisons chimiques / par E. A. Chichkin, professeur a L/IPK. Kankan, Republique de Guinee, Institute polytechnique, 1970. 18 p.

По возвращении из заграничной командировки Е. А. Шишкин продолжил работу в Кировском пединституте и вел в разные годы следующие учебные дисциплины: химическая технология, теория и методика обучения химии, общая и неорганическая химия, организация внеклассной работы, обучение учащихся решению задач по химии, специализированная логика в химии, моделирование химических приборов, техника химического эксперимента, методика преподавания химии.

Евгений Александрович как преподаватель отличается высокой пунктуальностью, аккуратностью в работе, творческим подходом к проведению занятий и высокой требовательностью к студентам. Вот как вспоминает о нем его студентка, а ныне заслуженный учитель РФ, учитель химии лицея естественных наук г. Кирова Евгения Степановна Зонова:

«Я думаю, большинство выпускников КГПИ им. В. И. Ленина вспоминают занятия Евгения Александровича Шишкина с теплотой, с приятными чувствами, и это совершенно естественно. Для нас он и сейчас является химическим магом, кулинаром на “химической кухне”, которая не лишена интриг. Вас мы помним ртутное сердце, которое сокращается подобно живому, и фараоновы змеи, выползающие из кусочка роданида ртути, и, наконец, силикатные растения – похожие на водоросли, которые вырастают за 10–20 минут, если в пробирку с раствором силиката натрия бросить кусочек растворимой соли кобальта, никеля или хрома.

Два века назад эти “химические водоросли” смущали умы даже серьезных ученых – уж очень были похожи на живые.

Я закончила вуз в 1971 г. Мы были молодыми, веселились, радовались всяким пустякам, совершали опрометчивые, глупые и веселые поступки. Евгений Александрович, как нам тогда казалось, всегда был с нами излишне строг. Будучи человеком ответственным, он не мог халтурить, дотошно принимал у нас зачеты и экзамены, по отношению к студентам был очень требовательным, и я бы сказала, что он был фанатичным. Благодаря энергии и упорству Евгения Александровича кабинет методики химии в наше время имел такое оборудование, что другим и не снилось. Он был в курсе всех самых последних веяний химической науки. На каждом занятии преподаватель демонстрировал приборы, которых не было в продаже, но которые можно было изготовить своими руками. Он – прекрасный методист, каждый студент стремился попасть на практику к нему как руководителю. А как досконально он анализировал наши уроки! Каждая мелочь им была замечена и оценена. Это потом нам очень помогло в работе. И не случайно из нашей группы вышло больше учителей химии, чем биологии, среди них много заслуженных. После трех лет работы в школе при вручении мне первой грамоты директор школы сказал такие слова: “Все бывают молодыми учителями, а вот Вы пришли к нам опытным учителем”. Это заслуга Евгения Александровича, который научил нас, девчонок, не бояться химического эксперимента, тщательно продумывать и отрабатывать каждый опыт, каждый этап урока. Это сейчас у учителя есть неограниченные возможности компьютерного демонстрационного эксперимента, а тогда... если ты не записал конспект по методике и не сделал рисунок прибора, вряд ли что-то у тебя получится на практике, потому что в методике проведения эксперимента у Евгения Александровича всегда были какие-то “изюминки”».

Е. А. Шишкин отличается повышенной требовательностью и к себе самому. У него всегда все «разложено по полочкам», у каждой, даже самой незначительной бумаги есть свое место, все папки красиво подписаны и оформлены. Это пример для подражания. И эти качества помогли в дальнейшем Евгению Александровичу добиться больших успехов в научной, преподавательской и административной деятельности.

В 1978 г. Евгений Александрович для завершения работы над диссертацией оформляется на один год аспирантом на кафедре методики преподавания химии в Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена и 24 мая 1979 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию на степень кандидата педагогических наук (химия) по теме «Ознакомление учащихся с методами исследования веществ в процессе обучения химии».

После защиты диссертации Е. А. Шишкин в 1979 г. переводится на должность старшего преподавателя кафедры химии, в 1980 г. – на должность доцента, а в 1991 г. – на должность профессора кафедры, которую он занимает по сей день. 30 июня 1982 г. ему присвоено звание доцента, а в декабре 1992 г. – учёное звание профессора кафедры химии и методики обучения химии.

С 1984 по 1997 г. Евгений Александрович Шишкин заведовал кафедрой химии нашего вуза. Он уделял большое внимание развитию материально-технической базы кафедры. За эти годы приобретены 2 химические лаборатории, создан кабинет методики химии в новом (сейчас 2-м) корпусе, школьный класс-кабинет химии, кабинет спецкурсов.

Е. А. Шишкин всегда старался идти в ногу со временем и тонко чувствовал его веяния. Так, при его активном содействии на факультете была открыта новая специальность – химия-психология, которая привлекла внимание «сильных» абитуриентов. Многие годы Е. А. Шишкин являлся председателем предметной комиссии на государственном выпускном экзамене по педагогике, психологии и методике обучения химии. Несмотря на то, что набор на эту специальность осуществлялся всего 5 лет, среди выпускников этой специальности 11 кандидатов наук (Лаптева Надежда, Савиных Виктория, Ардашева Людмила, Черезова Екатерина, Скугорева Светлана, Камышева Евгения, Колобова Юлия, Глазырин Алексей, Сырцев Алексей, Холстинин Вадим, Комлев Виталий).

В 1995 г. под руководством Евгения Александровича создана научно-исследовательская лаборатория методики обучения химии, которой он руководит до настоящего времени.

Направлением научных исследований Е. А. Шишкина является методика обучения химии в средней и высшей школе. Особенно большое внимание он уделяет методам исследования веществ и решению химических задач. Список его научных трудов насчитывает 192

(на 01.01.2013 г.) работы, среди которых учебные пособия для студентов и учителей, методические рекомендации, статьи в журналах, в том числе заграничных, материалы конференций разного уровня.

Евгений Александрович приобщает и студентов к научно-исследовательской работе, ежегодно руководя курсовыми и выпускными квалификационными работами, результаты которых внедряются студентами на педагогической и технологической практиках. Педагог привлекает студентов и к выступлению на конференциях, и к написанию научных работ, тем самым организуя апробацию их исследований. Совместно со студентами он опубликовал 12 работ. Долгие годы Е. А. Шишкин вел научный кружок для студентов по актуальным вопросам методики обучения химии. Кружковцами было создано немало самодельных наглядных пособий и приборов для учебного процесса, слайдов для графопроектора и компьютера, конспектов уроков и занятий кружка для школьников.

Огромное внимание Евгений Александрович уделял кадрам. Он старался привлекать к работе на кафедре молодых специалистов, своих выпускников, заботился о них, всячески поддерживал и помогал продвигаться дальше в освоении науки. Одним из таких специалистов является Ирина Валерьевна Горева, ныне заведующая кафедрой товарной экспертизы Кировской медицинской академии, кандидат педагогических наук, доцент, которую он буквально вырастил с институтской скамьи, так как она была его дипломницей. Вот как она вспоминает о своем наставнике:

«Я пришла работать на кафедру методики обучения химии в 1991 г., в то время заведующим кафедрой был Е. А. Шишкин. Через месяц после начала работы он, как зав. кафедрой, пришел посетить мое занятие по теме «Методика обучения учащихся решению экспериментальных задач». Я очень волновалась, так как химический эксперимент и решение задач – это любимые области применения химических знаний для Евгения Александровича, в этих вопросах ему не было равных. Он сидел с очень строгим и сосредоточенным видом, и мне казалось, что все плохо. Однако после проведенного занятия состоялся его анализ, где мне в спокойной и доброжелательной форме было указано, что прошло хорошо и на что в дальнейшем необходимо обратить внимание. Я очень благодарна Шишкину Евгению Александровичу за его тактичность и поддержку молодого специалиста.

Кроме того, огромную роль сыграл Е. А. Шишкин в выборе темы моей диссертационной работы. Его задумка о разработке и построении системы непрерывной подготовки студентов к проведению школьного химического эксперимента позднее была реализована при написании научной работы.

Хотелось бы отметить и разносторонность увлечений этого человека. Это не только известный ученый-методист, но и замечательный садовод, строитель, создатель самодельных приборов, винодел и спортсмен. Помню, как на традиционном Дне химика мы бежали с ним эстафету. Сначала мне показалось, что обогнать его будет достаточно просто, но как же я ошибалась! Он пришел первым!!! Я желаю Евгению Александровичу не терять эту пальму первенства и не сдаваться ни при каких условиях!».

Е. А. Шишкин тесно связан с работой школ города Кирова и Кировской области. Он систематически проводит занятия в институте развития образования Кировской области по методике преподавания химии в классах базового, профильного уровня и углубленного изучения предмета, технике и методике химического эксперимента, решению задач. Евгений Александрович является организатором и активным участником ежегодных научно-практических конференций учителей биологии, географии, химии и экологии общеобразовательных учреждений г. Кирова и Кировской области. Он подбирает и составляет задачи для олимпиады учителей естественнонаучного цикла, проводимой в рамках этой конференции, принимает ежегодное участие в проведении олимпиады и проверке работ учителей.

По словам Евгении Степановны Зоной, «учителя химии прекрасно помнят те добрые времена, когда Евгений Александрович вместе с Эвелиной Степановной, методистом института усовершенствования учителей, проводил семинары для учителей города, на которых нас учил решать нестандартные и олимпиадные задачи, проводить химический эксперимент, знакомил с новыми учебными пособиями, где мы составляли, обсуждали и анализировали контрольные работы и экзаменационный материал. Каждый из нас с нетерпением ждал следующую среду и, оставив все дела, ехал в Чижы, чтобы с преподавателями и коллегами обсудить волнующие вопросы.

Персоналии

Евгений Александрович! Низкий Вам поклон и пожелание доброго здоровья от всех учителей химии!».

Яркие успехи в работе учителей не ускользают от взгляда опытного педагога, и он старается продвигать творчески работающих преподавателей дальше. Совместно с учителями он опубликовал 3 работы. За 13 лет своего руководства кафедрой Евгений Александрович привлекал к работе на кафедре учителей высшей категории, заслуженных учителей РФ для проведения семинаров со студентами и руководства педагогической практикой. Такая работа обогащала и студентов, и самих учителей.

Евгений Александрович не только обучал студентов и учителей тому, как надо преподавать химию, но и сам показывал в этом личный пример. Он долгие годы работал школьным учителем по совместительству: 1965–1967 гг. – средняя школа № 57 г. Кирова, 1983–1987 гг. – средняя школа № 16 г. Кирова, 1989–1992 гг. – средняя школа № 21 г. Кирова. С общеобразовательной школой № 21 у Евгения Александровича связана не только работа школьным учителем, но и индивидуальная работа с одаренными школьниками. За 4 года он «вырастил» 5 олимпиадников не только областного, но и Всероссийского уровня. Сейчас это уже люди с учеными степенями.

Евгений Александрович Шишкин имеет значимые награды и звания:

Почетная грамота комитета профорганизаций в Гвинейской Республике (20 апреля 1970 г.).

Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (в период командировки в Гвинейской Республике, апрель 1970 г.).

Почетная грамота Министерства просвещения РСФСР и республиканского комитета профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений РСФСР (11 мая 1985 г.).

Медаль «За многолетний добросовестный труд» («Ветеран труда») (1986 г.).

Звание «Отличник народного просвещения» (28 августа 1987 г.)

Юбилейная медаль «Маршал СССР К. Г. Жуков» (20 февраля 1997 г.).

Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (16 мая 2000 г.)

Заслуженный работник ВятГГУ (19 мая 2004 г.)

Почетная грамота КИПК и ПРО (13 марта 2009 г.).

За время работы в вузе Е. А. Шишкин стал квалифицированным преподавателем. Он свободно владеет компьютером и использует его в проведении занятий, постоянно совершенствует методику читаемых курсов, применяя инновационные технологии обучения химии. Проводимые им занятия отличаются высоким профессиональным уровнем, научностью, методической грамотностью, направленностью на формирование интеллектуального, культурного и нравственного развития личности.

2014 год – очень знаменателен для Евгения Александровича, так как его юбилей совпал со 100-летним юбилеем нашего университета. Коллектив преподавателей, сотрудников и студентов химического факультета искренне и от всей души поздравляет Евгения Александровича с его юбилеем!

Не жалея сил и энергии, Вы передаете свой опыт и знания молодому поколению, вносите весомый вклад в дело подготовки квалифицированных специалистов, бакалавров и магистров химии. Мы выражаем Вам сердечную благодарность за 52-летнюю плодотворную трудовую и общественную деятельность на благо химического факультета и университета.

Мы искренне желаем Вам, дорогой Евгений Александрович, доброго здоровья, душевной молодости, бодрости и жизнелюбия, неиссякаемого творческого вдохновения, воплощения в жизнь всех Ваших планов и начинаний, большого счастья и благополучия!

Коллектив химического факультета

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Уважаемые читатели!

10–11 апреля 2014 г. в ВятГГУ состоится Всероссийская научно-практическая конференция **«Первая мировая война: проблемы политики и дипломатии великих держав»**, посвященная 100-летию начала Первой мировой войны.

Программа конференции предусматривает пленарное заседание и работу секций по следующей проблематике:

- Нарастание международных противоречий накануне Первой мировой войны, дебаты в европейских странах по проблемам мировой политики
- Внутренняя и внешняя политика великих держав в годы войны
- Тайная и личная дипломатия периода Первой мировой войны
- Четырнадцать пунктов В. Вильсона. Вильсонизм в XX веке
- Геополитические изменения в Европе после Первой мировой войны и их влияние на политику великих держав
- Мирное урегулирование в Восточной Европе
- Послевоенный европейский революционный кризис
- Кризис европейской цивилизации в философской и общественно-политической мысли в первой четверти XX века
- Российская провинция в годы Первой мировой войны
- Первая мировая война по материалам центральных и региональных российских архивов
- Подходы к преподаванию истории Первой мировой войны на постсоветском пространстве

Контакты:

Тел.: (8332) 67-88-18 кафедра всеобщей истории;
8 (909) 134-34-18 Ангелина Викторовна Зырянова.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru, angelina_zy@mail.ru

Ждём всех желающих!

II межрегиональный Слет представителей педагогических опытно-экспериментальных площадок

18 октября 2013 г. прошел Слет представителей педагогических опытно-экспериментальных площадок, который проводился с целью презентации научно-педагогическому сообществу достижений в опытно-экспериментальной деятельности педагогов – представителей опытно-экспериментальных школ, работающих как инновационные образовательные учреждения под научным руководством ВятГГУ, Волго-Вятского регионального научно-образовательного центра Российской академии образования (ВВРОЦ РАО), Института развития образования Кировской области.

Слет посвящался обобщению опыта научно-экспериментальной работы в школах Кировской области и повышению методологической компетентности современного учителя как важной составляющей его профессиональной культуры в целом.

На Слете присутствовали учителя-экспериментаторы школ Кировской и Костромской областей, ученые-руководители инновационных площадок из ВятГГУ, Карелии (Института педагогики и психологии Петрозаводского государственного университета, лаборатории теории и практики развития сельской школы) и Костромской области.

Общее количество инновационных образовательных учреждений, ведущих исследования в области педагогики и образования и представленных на Слете, составило 32. С приветственным словом к участникам Слета обратились проректор по НИР ВятГГУ, доктор исторических наук Ю. А. Балыбердин, Председатель Вятской торгово-промышленной палаты, кандидат экономических наук Н. М. Липатников; председатель ВВРНОЦ РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО В. С. Данюшенков.

На пленарном заседании учеными-руководителями научно-исследовательской работой образовательных учреждений были представлены проблемные доклады, вызвавшие интерес участников и определившие дальнейшие направления работы дискуссионных площадок:

- Роль опытно-экспериментальной деятельности в школе для модернизации современного российского образования.

- Научно-экспериментальная деятельность в образовательных учреждениях и выполнение требований ФГОС.

- Актуальные темы исследования в современном образовании.

- Развитие творческого потенциала и методологической компетентности современного учителя в режиме опытно-экспериментальной работы.

- Проблемы педагогических измерений при проведении опытно-экспериментальной работы.

- Специфика организации опытно-экспериментальной деятельности в современных сельских школах.

- Научно-методическое сопровождение хода опытно-экспериментальной деятельности учителя.

В работе Слета приняли участие студенты-бакалавры и специалисты, магистранты направления подготовки «Педагогическое образование» и аспиранты.

Данное мероприятие очень важно с точки зрения объединения усилий науки и практики в направлении модернизации и определения новых подходов в организации психолого-педагогических исследований реальной деятельности в образовании. Участников – представителей образовательных учреждений – на Слет собралось 83.

В работе четырех дискуссионных площадок – «Модернизация процесса обучения в контексте ФГОС в режиме экспериментальной деятельности»; «Школа информационного общества: исследование проблем воспитания» по теме «Формирование качеств жизнеспособной личности сельского школьника средствами образования»; «Участие педагога в ОЭД как средство его профессионально-личностного развития»; «Особенности исследовательской деятельности в сельской школе» – был презентирован и обобщен опыт инновационной деятельности 32 образовательных учреждений Кировской и Костромской областей, Республики Карелии.

Анализ итогов деятельности Слета показал, что наиболее востребованными и перспективными являются следующие исследовательские темы:

- Педагогический диалог как условие функционирования школы в режиме развития (Школа-ОЭП «Заозерская средняя общеобразовательная школа» Прионежского муниципального района Республики Карелия).

- Развитие творческого потенциала педагогов и учащихся в условиях социокультурной образовательной среды (МКОУ СОШ пгт Верхошижемье Кировской области им. С. И. Березина).

- Использование современных ИКТ в учебном процессе (МКОУ ООШ п. Медведок Ноллинского района Кировской области).

- Реализация принципа метапредметности в образовательном процессе современной школы (МКОУ СОШ № 48 г. Кирова).

- Взаимосвязь содержания, форм и методов основного и дополнительного образования школьников (МОАУ «Лицей № 21» г. Кирова).

- Развитие детской одаренности средствами исследовательской и проектной деятельности (КОГОКУ СОШ с УИОП пгт Юрья Кировской области).

- Образовательное учреждение как механизм интеграции воспитательного потенциала социальных институтов сельского поселения (МОКУ СОШ с. Среднеивкино Верхошижемского района Кировской области).

- Духовно-нравственное воспитание на основе ценностей культуры при внедрении ФГОС (МОАУ СОШ с УИОП № 74 г. Кирова).

- Педагогическая поддержка младшего школьника как субъекта учения в достижении образовательных результатов (МКОУ Гимназия г. Слободской Кировской области).

- Практики гуманитарного образования в современной школе (КОГОБУ «Вятская гуманитарная гимназия с углубленным изучением английского языка» г. Кирова).

Для сельских школ:

- Формирование качеств жизнеспособной личности сельского школьника средствами образования (Школы-ОЭП: МОУ «Деревянская СОШ» Прионежского муниципального района, МОУ «Ильинская СОШ» Олонецкого национального муниципального района, МОУ «Пряжинская СОШ им. Героя Советского Союза Марии Мелентьевой» Пряжинского национального муниципального района, МОУ «Спасогубская СОШ» Кондопожского муниципального района, МОУ «Элисенваарская СОШ» Лахденпохского муниципального района Республики Карелия).

- Некласно-урочная система обучения в малокомплектной школе (МОУ «Пушнинская СОШ» Беломорского муниципального района Республики Карелия).

- Повышение качества образования в условиях малочисленной сельской школы на основе интегративно-дифференцированного подхода (МОУ ООШ д. Пунгино Верхошижемского района Кировской области).

- Дифференцированное обучение в малочисленной сельской школе в условиях подготовки к реализации стандартов второго поколения (МОУ ООШ с. Мякиши Верхошижемского района Кировской области).

- Педагогическая поддержка познавательной активности школьника как субъекта учения в условиях сельской малокомплектной школы (МОУ СОШ с. Филиппово Кирово-Чепецкого района Кировской области).

- Перспективы реализации воспитательного компонента ФГОС через деятельность школьного краеведческого музея (МКОУ Костромского муниципального района «Шунгенская средняя общеобразовательная школа» Костромской области).

- Роль школьного музея в духовно-нравственном воспитании сельских школьников (МКОУ СОШ с. Шихово Кировской области).

- Применение ИКТ в условиях сельской школы (МКОУ ООШ с. Закаринье Кировской области).

- Гражданско-правовое образование в условиях сельской школы (МКОУ СОШ п. Ключи Кировской области).

- Социализация личности сельского школьника в условиях социума (МКОУ СОШ с. УИОП д. Стулово).

Большое внимание в работе Слета было уделено вопросам профессионального роста учителя в режиме опытно-экспериментальной работы школы. Современные документы отечественного образования (например, Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа»), определяя задачи достижения нового качества образования и более эффективного использования человеческих ресурсов, заметно повышают требования к учителю. Требованиями времени становятся профессионализм, мобильность, способность к творческому использованию все возрастающего потока информации на практике. Выполнение сложных функций образования в современных условиях, связанных с повышением качества образования и стимулированием личностного развития учащихся, требует постоянного самообразования учителя. Экспериментальная деятельность выступает как сложный, многогранный, непрерывный творческий процесс, результаты которого имеют двухстороннее значение: совершенствование, развитие профессиональной деятельности учителя и качественные изменения его личности. Участие в опытной деятельности становится условием профессионально-личностного развития педагога. И этот факт был неоднократно подтвержден результатами проведения ОЭР в конкретных образовательных организациях. На дискуссионной площадке № 3 по данной проблеме были представлены следующие выступления:

- Школы-ОЭП: МОУ «ООШ д. Усть-Река» Пудожского муниципального района, МОУ «Рыпушкальская ООШ» Олонецкого национального муниципального района» Республики Карелия. (С. И. Смирнова «Исследовательская компетентность учителя: самоопределение в предмете педагогического исследования»).

– МОУ СОШ пгт Нижнеивкино Куменского района Кировской области (исследовательская тема «Развитие методологической культуры педагога в условиях перехода образовательных учреждений на стандарты нового поколения»).

– КОГОКУ СОШ с УИОП г. Омутнинск Кировской области (исследовательская тема «Научно-методическое сопровождение профессионально-личностного развития педагогов в условиях общеобразовательного учреждения при реализации ФГОС») (ВятГГУ): заместитель директора по УВР О. В. Давлятшина «Организация научно-методического сопровождения профессионально-личностного развития педагогов общеобразовательного учреждения в условиях реализации ФГОС»; учитель русского языка и литературы, руководитель ОМО О. В. Юдина «Реализация индивидуального образовательного маршрута как фактора профессионально-личностного развития педагога в условиях внедрения ФГОС»; учитель начальных классов, руководитель ШМО М. А. Лалетина «Организация работы школьного методического объединения учителей начальных классов в условиях реализации ФГОС».

– МБОУ СОШ с УИОП № 1 г. Котельнича Кировской области (исследовательская тема «Научно-методическое сопровождение процесса освоения педагогами ФГОС в образовательном учреждении»).

– МОАУ «Гимназия имени Александра Грина» г. Киров (исследовательская тема «Развитие профессиональных компетенций учителей в контексте ФГОС как условие развития безопасной образовательной среды учреждения»).

Участники Слета утвердили резолюцию.

РЕЗОЛЮЦИЯ

II межрегионального Слета представителей педагогических опытно-экспериментальных площадок

(г. Киров, 18 октября 2013 г.)

Участники Слета отмечают, что в условиях модернизации системы отечественного образования особую значимость приобретает участие образовательных учреждений в опытно-исследовательской деятельности. Ее цель заключается в создании инновационного педагогического опыта по реализации Концепции ФГОС. Как показал анализ, включенность в инновационную деятельность способствует повышению интереса учителей к научно-исследовательской деятельности в области педагогики, частных методик, психологии, социологии; развитию методологической компетентности современного педагога.

Задачами Слета являются:

– обсуждение теоретических и практических вопросов организации и эффективной реализации психолого-педагогических исследований реальной педагогической практики в общеобразовательных школах,

– поиск решений для оптимального использования имеющегося опыта поисково-исследовательской деятельности педагогов общеобразовательных организаций,

– повышение статуса педагогической профессии.

В ходе пленарного заседания и работы дискуссионных площадок участники Слета обсудили следующие проблемы:

– Значение опытно-экспериментальной деятельности для модернизации современного российского образования.

– Связь научно-экспериментальной деятельности в образовательных учреждениях с выполнением требований ФГОС.

– Наиболее актуальные исследовательские темы и тенденции в современном образовании.

– Развитие творческого потенциала современного учителя в режиме опытно-экспериментальной работы.

– Педагогические измерения при проведении опытно-экспериментальной работы.

– Специфика организации опытно-экспериментальной деятельности в современных сельских школах России.

– Научно-методическое сопровождение процесса опытно-экспериментальной деятельности.

Обсудив теоретические и прикладные вопросы организации опытно-исследовательской деятельности в общеобразовательных учреждениях, участники слета отмечают, что наибольший исследовательский интерес вызывают проблемы достижения учащимися новых результатов образования (предметных, личностных, метапредметных), реализации воспитательного потенциала школы во взаимодействии с другими социальными институтами, осуществления педагогической поддержки школьника в образовании.

Участники слета с удовлетворением отмечают возрастающее число сельских школ, участвующих в инновационной деятельности.

По мнению участников слета, на данном этапе опытно-экспериментальной деятельности возникла необходимость в создании сообщества педагогов-экспериментаторов в целях взаимообогащения инновационными идеями и опытом. Участники также отмечают, что участие педагогов в исследовательской деятельности способствует развитию их методологической компетентности, профессионально-личностному росту.

Основные результаты работы участников Слета будут представлены в сборнике научно-методических трудов «Научно-экспериментальная деятельность в образовательных организациях в условиях реализации ФГОС: достижения и перспективы».

Участниками Слета сформулирован ряд предложений:

– **Научной педагогической общественности** активнее включаться в решение проблем модернизации системы образования региона, осуществлять взаимодействие с научными руководителями инновационных площадок из других регионов, активнее привлекать учителей-экспериментаторов к выполнению научно-исследовательских работ по грантам.

– **Департаменту образования Кировской области** стимулировать инновационную деятельность образовательных учреждений и педагогов-исследователей, способствовать развитию сетевого взаимодействия инновационных образовательных учреждений, считать одним из перспективных направлений инновационной деятельности в образовании музейную педагогику как средство формирования гражданской идентичности современных школьников.

– **Центру содействия занятости студентов и трудоустройству выпускников ВятГГУ** координировать деятельность инновационных площадок университета, способствовать становлению сообщества педагогов-исследователей.

О. В. Коршунова, О. Г. Селиванова, члены оргкомитета Слета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКИРЕЙКИН Дмитрий Александрович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ, ведущий специалист Государственного архива Кировской области. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Davilon412@mail.ru

БАЖИН Константин Сергеевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, декан педагогического факультета ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

БЕРЕЗИНА Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

Email: berezinalu@mail.ru

БУШКОВА-ШИКЛИНА Эльвира Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elvira_bsh@mail.ru

БЫКОВА Светлана Станиславовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Вятского государственного гуманитарного университета. 610002 г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ВАНЧУГОВ Василий Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 119991 г. Москва ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, Учебно-научный корпус «Шуваловский», Философский факультет, кафедра Истории русской философии, Г-317.

E-mail: vanchugov@gmail.com

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ЗАГРЕБИН Владимир Владимирович – аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23.

E-mail: vladimir_zagrebin@mail.ru

ЗЫРЯНОВА Ангелина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: angelina_zy@mail.ru

КАЛИНИН Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор кафедры математического анализа и методики обучения математике ВятГГУ. 610002 г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: kalinin_gu@mail.ru

КАЛИНИНА Людмила Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

Email: grifon.kalinina@yandex.ru

КАРАВАЕВ Никита Леонидович – кандидат философских наук, доцент кафедры информационных технологий и методики обучения информатике ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: nikita.lk@gmail.com

КОРОТКОВ Николай Владимирович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: n_korotkov@mail.ru

КОРЧАГИНА Галина Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

ЛЮТОВА Марина Сергеевна – аспирант кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

МАТУСЕВИЧ Александра Александровна – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: matusasha@rambler.ru

ПУШКИН Сергей Алексеевич – аспирант Нижегородского государственного университета им. Р. Е. Алексеева. 603950, ГСП-41, г. Н. Новгород, ул. Минина, д. 24.

E-mail: sp_87@inbox.ru

РЫСЕВА Ульяна Алексеевна – аспирант кафедры русского языка ВятГГУ. 610008, г. Киров, Нововятский район, ул. Пушкинаа, д. 27.

E-mail: ulyana-ryseva@rambler.ru

СЕМЕНКИН Александр Константинович – соискатель кафедры русской литературы МПГУ. 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

E-mail: alksem@mail.ru

СИМОНОВА Галина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

СУЧКОВА Татьяна Евгеньевна – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002 г. Киров, ул. Красноармейская, 26.

E-mail: tatyanaes@rambler.ru

ФОФАНОВ Роман Юрьевич – аспирант кафедры философии и теологии Нижегородского педагогического университета им. К. Минина. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1.

E-mail: filozoff@mail.ru

ХАО Лун – аспирант II курса Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова. 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, строение 1.

E-mail: haolong@list.ru

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ur@vshu.kirov.ru

ШАРАБАРОВ Павел Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

ЯРОСЛАВЦЕВА Динара Камилловна – ст. преподаватель кафедры правового обеспечения профессиональной деятельности ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

VANCHUGOV Vasily Viktorovich – the Doctor of Philosophy, professor of the Department of History of the Russian philosophy of Philosophical faculty of Lomonosov Moscow State University. 119991 Moscow GSP-1, Lenin mountains, Moscow State University, Educational and scientific Shuvalovsky building, Philosophical faculty, Department of History of the Russian philosophy, G 317.
E-mail: vanchugov@gmail.com

BUSHKOVA-SHIKLINA Elvira Vasilyevna – the candidate of Sociology, the associate professor of the Department of Philosophy and Sociology of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: elvira_bsh@mail.ru

KARAVAEV Nikita Leonidovich – the candidate of Philosophy, the associate professor of the Department of Information Technologies and Technique of teaching in informatics of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: nikita.lk@gmail.com

ZAGREBIN Vladimir Vladimirovich – the graduate student of the Department of the General Sociology and Social Work of the Nizhny Novgorod state university of N. I. Lobachevsky. 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23.
E-mail: vladimir_zagrebin@mail.ru

SHARABAROV Pavel Nikolaevich – the candidate of historical sciences, the associate professor of the Department of National History of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

AKIREYKIN Dmitry Aleksandrovich – the graduate student of the Department of National History of Vyatka State University of Humanities, the leading expert of the State archive of the Kirov region. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: Davilon412@mail.ru

HAO Long – 2-year graduate student of the Institute of countries of Asia and Africa of Lomonosov Moscow State University. 125009, Moscow, Mokhovaya St., 11, building 1.
E-mail: haolong@list.ru

KALININA Lyudmila Viktorovna – the Doctor of Philology, the associate professor of the Department of Russian of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

BEREZINA Yulia Valeryevna – Candidate of Philology, the associate professor of the Department of the Linguistics and Translation of Vyatka State University of Humanities, the Department of Linguistics and Translation of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Lenin St., 111.
E-mail: berezinalu@mail.ru

MATUSEVICH Aleksandra Aleksandrovna – the graduate student of the Department of Russian of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: matusasha@rambler.ru

RYSEVA Uliana Alekseevna – the graduate student of full-time tuition of the Department of Russian of Vyatka State University of Humanities. 610008, Kirov, Novovyatskiy area, Pushkin St., 27.
E-mail: ulyana-ryseva@rambler.ru

PUSHKIN Sergey Alekseevich – the graduate student of the Nizhny Novgorod state university of R. E. Alekseev. 603950, GSP-41, N. Novgorod, Minin St., 24.
E-mail: sp_87@inbox.ru

SEMENKIN Alexander Konstantinovich – the degree-seeking student of the Department of the Russian literature of Moscow State Pedagogical University. 119991, Moscow, Malaya Pirogovskaya St., 1, p. 1.
E-mail: alksem@mail.ru

DOMRACHEV Dmitry Garriyevich – the candidate of Jurisprudence, the head of the Department of State and Legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

YAROSLAVTSEVA Dinara Kamilovna – senior lecturer of the Department of Legal Support of Professional activities of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: dinarayaroslavceva@yandex.ru

SUCHKOVA Tatyana Evgenyevna – the graduate student of the Department of State and Legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 610002 Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: tatyanaes@rambler.ru

KALININ Sergey Ivanovich – the doctor of Pedagogical sciences, professor of the Department of Mathematical Analysis and Technique of Teaching in Mathematics of Vyatka State University of Humanities. 610002 Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: kali-nin_gu@mail.ru

BYKOVA Svetlana Stanislavovna – the Candidate of Pedagogical sciences, the associate professor of the Department of Pedagogics of Vyatka State University of Humanities. 610002 Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

LYUTOVA Marina Sergeevna – the graduate student of the Department of Practical Psychology of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

KORCHAGINA Galina Ivanovna – the Candidate of Psychology, the associate professor of the Department of Practical Psychology of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov

BAZHIN Konstantin Sergeyeovich – the Candidate of Pedagogical sciences, the associate professor, the dean of Pedagogical faculty of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: pedfak@vshu.kirov.ru

SIMONOVA Galina Ivanovna – the doctor of Pedagogical sciences, professor, the Head of the Department of Pedagogics of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

KHODYREVA Elena Anatolyevna – the Doctor of Pedagogical sciences, professor, the vice-chancellor of educational work of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.
E-mail: ur@vshu.kirov.ru

ZYRYANOVA Angelina Viktorovna – the Candidate of Historical sciences, the associate professor, the associate professor of the Department of the Theory and History of State and Law of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: angelina_zy@mail.ru

KOROTKOV Nikolay Vladimirovich – the Candidate of Philosophy, the senior lecturer of the Department of Philosophy and Sociology of Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya St., 26.

E-mail: n_korotkov@mail.ru

FOFANOV Roman Yuryevich – the graduate student of the Department of Philosophy and Theology of the Nizhny Novgorod pedagogical university of K. Minin. 603005, Nizhny Novgorod, Ulyanov St., 1.

E-mail: filozoff@mail.ru

**Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета**

Научный журнал № 3(2014)

Подписано в печать 25.03.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,0. Тираж 1000. Заказ № 65.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674